ПИОНЕР 3 1987

ISSN 0130—8009

...Это самая большая площадь города на Неве. Много она повидала на своем веку. В петровские времена здесь, на осушенном болоте, устраивались гулянья, зажигались «потешные огни» — фейерверки в честь воинских побед. После смерти Петра это место стали называть Царицыным лугом, «променадом». Позже охочие до муштры российские императоры превратили его в плац-парад. Сегодня — смотр, завтра — парад, послезавтра — экзекуция: прогоняли сквозь строй провинившихся, били палками да шпицрутенами...

ДВОЕВЛАСТИЕ

«Марсовым» поле назвали уже в девятнадцатом веке, когда здесь был поставлен памятник «Марсу российскому» — генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову. Создал памятник известный скульптор Михаил Иванович Козловский. Помните, у Пушкина в «Медном всаднике»: «Люблю воинственную живость потешных Марсовых полей».

А 23 марта 1917 года к бывшему плац-параду прошли в суровом молчании по прямым петроградским проспектам жители рабочих окраин. Здесь под орудийный салют с бастионов Петропавловской крепости торжественно хоронили тех, кто сложил свои головы в последних боях с самодержавием.

В день похорон на Марсовом поле оказался и молодой архитектор Лев Владимирович Руднев, будущий автор памятника жертвам революции. Позже он расскажет: «Стоя на площади, я видел, как тысячи пролетариев, проходя, прощались со своими товарищами, и каждая организация, каждый завод оставлял свои знамена, втыкая их в землю. У меня возник образ — также со всех концов города, воодушевленные единым чувством, пролетарии Ленинграда привезли камни, глыбы и на соответствующих местах поставили плиты с героическими надписями.

Вот и все, идея найдена... Решение дал первый порыв чувств, простой, но сильный».

Неполированные гранитные плиты, словно в строгом, суровом каре, берегут вечный покой павших за дело революции. Балтийский ветер колышет красные знамена. Трепещут языки пламени Вечного огня, бьются, тянутся ввысь...

...Одна у нас песня,
Одна у нас кровная доля.
И в вашей крови
Революции вечный огонь.—

вспоминаются стихи ленинградского поэта Михаила Дудина.

Вечный огонь вспыхнул на Марсовом поле тридцать лет назад. Его зажгла в сороковую годовщину Октября Прасковья Ивановна Кулябко. Одна из тех сотен, тысяч женщин, что связали свою судьбу с революцией, посвятили ей свою молодость, отдали ей свои силы. О них сложены стихи, написаны песни... Мы помним их имена. Александра Коллонтай, Инесса Арманд, Елена Стасова, Лариса Рейснер, Розалия Землячка...

Священное пламя Вечного огня на Марсовом поле... От его факела вспыхнул Вечный огонь на Пискаревском кладбище, где покоятся защитники города-героя, жители блокадного Ленинграда. От его факела — пламя на могиле Неизвестного солдата в Москве, Вечные огни во многих городах страны у монументов героям революции и Великой Отечественной войны. Так слились воедино Вечный огонь славы солдат революции с огнем славы героев минувшей войны.

Монумент революции. Суровые плиты времени. Медленно иду от одной плиты к другой, вчитываюсь в каждое слово каменных страниц истории. Строки на камне написаны первым наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским. Вырублены на восьми гранитных плитах, облицовывающих проходы внутрь монумента. Краткие, выразительные фразы. В них — дух времени, дух того удивительного периода первых лет революции.

Словно после долгого молчания пробуждалась страна. Заговорила, заспорила, замитинговала. Династия Романовых, правившая на Руси с 1613 года, закончила свой путь в русской истории. И теперь — навсегда!

На Невском — толпы людей. То тут, то там вспыхивают внезапные митинги. На все лады склоняются слова «Свобода», «Равенство», «Братство». Но в чем состоит их суть? Ох, как непросто разобраться в этом тысячам и тысячам простых людей! По-разному толкуют эти понятия десятки политических партий. На следующей странице вы увидите различные документы того времени. Внимательно вчитайтесь в них. И в резолюциях рабочих, и в декларации Временного правительства вроде бы одни и те же слова. И те, и другие говорят о свободе, о демократии... Кажется даже, что и Советы, и Временное правительство едины в своем желании дать народу счастливую жизнь. Но никакого единства нет. Одни за эту счастливую жизнь боролись. Другие отделывались лишь туманными обещаниями.

Владимир Ильич Ленин еще в эмиграции в Цюрихе. Но и оттуда в своих «Письмах из далека» он отлично обрисовывает возникшую ситуацию, четко анализирует ее. Да, Февральская буржуазно-демократическая революция победила. Но это еще далеко не полная победа рабочих и крестьян. По-прежнему, как и при царе, заводы и фабрики остаются в руках капиталистов, а земля — у помещиков. По-прежнему продолжается империалистическая война. Какие уж тут «Свобода», «Равенство», «Братство»?!

В стране установилось двоевластие: с одной стороны, существует Временное правительство, представляющее диктатуру буржуазии («Власть без силы», по словам главы этого самого правительства, крупного помещика князя Львова), с другой — Совет рабочих и солдатских депутатов, осуществляющий демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства («Сила без власти», по определению того же Львова). Так кто же кого? Кто возьмет верх? Совет или правительство? Диктатура пролетариата или диктатура буржуазии?

С целым ворохом этих вопросов март 17-го года катился в апрель...

Владимир ЛУЦКИЙ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917ый,

Мы:

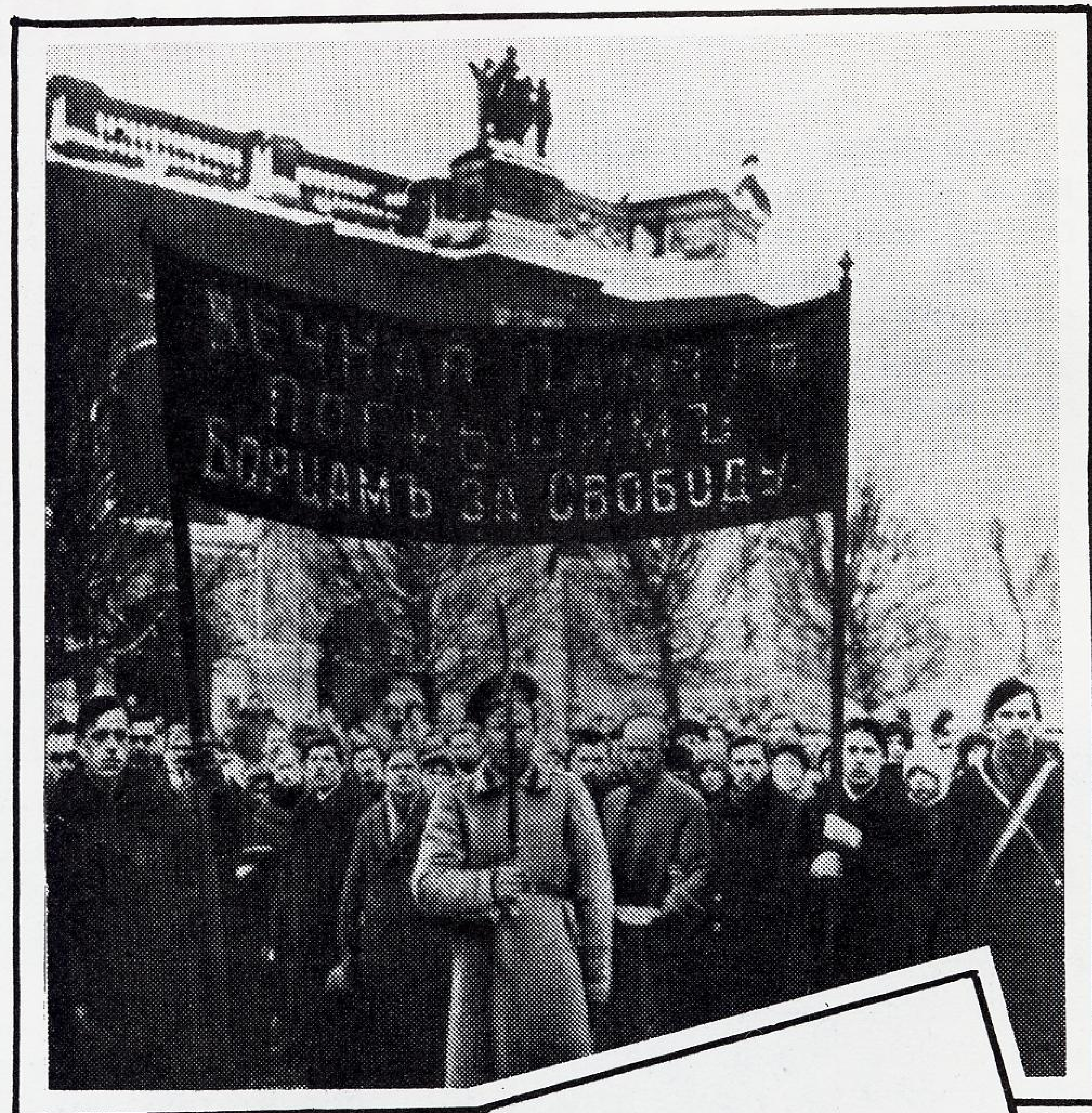
«С первых же минут, как только пришла весть о Февральской революции, Ильич стал рваться в Россию».

(Из воспоминаний Н. К. Крупской.)

«...1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов выше указанных воинских частей...

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

(Из Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского округа, 1 марта 1917 года.)

Они:

«В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского...»

(Из отречения от престола Николая II, 2 марта 1917 года.)

Они:

«В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек...

(Из Декларации Временного правительства, 3 марта 1917 года.)

Мы:

Райком решает открыть прием в партию, написать листовку, собрать на следующий день вечером общее собрание большевиков Выборгской стороны. При выдаче партийных билетов возникает вопрос: как быть с фамилиями? Для осторожности решили фамилии не писать. Выдающий билет подписывал его только своим именем и ставил печать райкома...»

(Из воспоминаний большевика Н. Ф. Свешникова.)

Мы:

«...1) Это Временное правительство не является действительным выразителем народных интересов; недопустимо давать ему власть над восставшей страной, хотя бы на время; недопустимо поручать ему созыв Учредительного собрания, которое должно быть создано в условиях безусловной свободы.

2) Совет рабочих и солдатских депутатов должен немедленно устранить это временное правительство либеральной буржуазии и объявить себя Временным революционным правительством.

Принято всеми, кроме 3 человек».

(Из резолюции митинга рабочих и солдат в Петрограде, 3 марта 1917 года.)

МАРТ

Они:

Военный министр Гучков — генералу Алексееву, 9 марта 1917 года: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках».

Мы:

«...Единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов».

(Из работы В. И. Ленина «Письма из далека», март 1917 года.)

«Я, нижеподписавшийся, крестьянин Московской губернии, Коломенского уезда, Куртиновской волости, деревни Гладкое, Лазарь Тимофеев Гурилов, очень просим вас, господа социал-демократы, и товарищей рабочих прислать нам для организации программу, чтобы могли крестьяне организоваться...

Извините, господа, за то, что, может быть, неправильно написал».

(Из письма крестьянина Л. Гурилова, март 1917 года.)

Мы:

«...1) Мы, солдаты революционной армии Московского гарнизона, заявляем решительный протест против отправки на фронт солдат революционной армии и настаиваем на том, что в первую голову должна быть отправлена полиция...

3) Мы заявляем, что, когда от нас потребуется защита добытой нами свободы, мы умрем с оружием в руках, но не отдадим себя в руки врагам свободы, кто бы эти враги ни были».

(Из резолюции митинга солдат московского гарнизона, 20 марта 1917 года.)

Они:

«Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата, насилие и грабежи — самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой гибельный путь, на котором не может быть никакого разумного исхода».

(Из «Вестника Временного правительства» № 14 за март 1917 года.)

Они:

«Первейшая задача — это наша победа над врагом... Мне представляется, что если мы одержим победу над немцами, то все остальное, что предстоит нам разрешить, явится уже не столь сложным».

(Из выступления председателя Государственной думы М. В. Родзянко перед представителями общественных организаций, газета «Речь», 25 марта 1917 года.)

Мы:

«Рано утром 31 марта на небольшой станции, не доезжая Стокгольма, наш вагон осадили неизвестно как прослышавшие о Ленине корреспонденты шведских газет. Ленин отказался их принять.

Наконец и Стокгольм позади...

Переехали границу.

Земля родины. Деревья родины...

Ленин так же молчит, чуть-чуть побледнел, волнуется, но будто расправил плечи. Шире стали плечи! Похоже, выпустили орла на волю, он еще не решается взмахнуть крыльями, но уже поводит ими — вот-вот взмахнет и взовьется в невероятную высь, свободный, гордый».

(Из воспоминаний большевика М. Гобермана.)

Открытка. Одесса. 1917 год.

Рисунки И. ПАНКОВА.

Мария **ПРИЛЕЖАЕВА**

Маняша

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Небольшая лекция о местности. Здесь предстоит нам пожить. Хотелось бы дольше. Местечко живописное, почти в центре, а рядом симпатичные переулочки, у каждого своя история, впрочем, в Москве что ни шаг, то история.

Так начал Митя лекцию о Собачьей площадке, где, сменив после Самары несколько московских адресов, поселилась семья Ульяновых-Елизаровых. Маняше нравилось в обществе Мити, когда выпадет час, знакомиться с Москвой. Студент медицинского факультета, он по натуре путешественник и, где бы ни случалось жить, исследует городские и сельские пейзажи, любя природу в любое время года — сверкание снега в солнечном луче, свист метели, лепет весенних ручьев, щебет птиц, задумчивый шум леса в багрянце осени. Кроме того, ему нравится читать лекции Маняше. Видимо, в наследство от отца досталась долька педагогического дара.

— Итак, откуда взялось название «Собачья площадка»? Представь, в древние времена здесь стоял псарный двор для царской охоты. Представь, своры отборных, ухоженных охотничьих псов! Эх, одного бы такого красавца в Алакаевку, когда мы с Володей иной раз ходили на уток!.. Так вот, мы на Собачьей площадке.

Маняша невольно фыркает, рассмешившись профессорским Митиным тоном. Однако преинтересны истории окрестных улиц! Их много: улицы, улочки, переулки для исполнения царских развлечений и нужд. На Кречетниковском переулке царский Кречетный двор, где содержались для охоты кречеты — соколы. Трубниковский заселен был печниками и трубочистами царского двора. На Скатертном «умельцы» скатертники. На Столовом прислужники царского стола. А вот Поварская для поваров, не вообще поваров — исключительно царских.

— Воображаю, какие аппетитные для их высочеств готовились кушанья! — смеется Митя.

Милые, уютные улицы! Не все московские улицы милы. Маняша не бывала на Хитровом рынке, но о нем и вообще о площадях, дорогах, окраинах, закоулках, бесчисленных рынках Москвы знала из газетных очерков журналиста-бывальца Гиляровского. Хитров рынок — трущоба. В беспорядке теснятся лавки, лавчонки, лотки с дешевыми товарами, палатка с подержанным и краденым хламом; грязные торговки сиплыми голосами зазывают купить протухшую печенку, селедку. Толкутся нищие, оборванцы, калеки, воры. Мелкие воришки шныряют, норовя утянуть что придется. Шум, гам, пьяные крики, брань.

— Мамочка, это тоже Москва? Какая разная жизнь, жестокая!

Мама под вечер нередко выходит с детьми погулять, утрами одна. Митя предписал ежедневный прогулочный режим. Мамочка слабенькая, ей необходим свежий воздух. Собачья площадка застроена деревянными одноэтажными домами. Возле каждого сад, липы и ясени кидают прохладную тень, веют благоуханием цветы — воздух свеж и душист почти как в деревне.

— Мамочка, гуляла? — Первый Митин вопрос по возвращении с лекций.

— Спасибо, доктор, отлично прошлась.

Дальше Собачьей площадки она не рискует в одиночку прогуливаться, зато случалось во время прогулки познакомиться со старожилами, знающими историю чуть не каждого дома. И что же оказывается?! Во флигеле возле дома № 12, где снимают квартиру Ульяновы-Елизаровы, однажды, приехав из Петербурга, останавливался молодой Пушкин. В этом флигеле впервые прочитал друзьям только законченного, еще не опубликованного «Бориса Годунова».

— Чудо, чудо! Рядом с нами! Мы могли стать соседями Пушкина!

Маняше воображается Пушкин живым. Она ясно видит его. Вот он шагает двором. Его ноги касались этих плит! Он вдыхал аромат этого сада и, может быть, пробудившись ранним утром, собирал к завтраку цветы для хозяйки дома. Вот, прознав о приезде Пушкина, собираются друзья во флигель, этот самый флигель, что и сейчас видим мы. «Минувшее проходит предо мною — Давно ль оно неслось, событий полно, Волнуяся как море-окиян».

Пушкин читает. Друзья безмолвствуют.

Минута восхищенной тишины и гром рукоплесканий, объятий, слезы восторга. Маняша любит Пушкина страстно. Каждый час его жизни бесценен. Мысль о гибели разрывает сердце. «Ненавижу дантесов всех обличий!» Поглощенная мыслями, она не спеша возвращается из гимназии. Наизусть известны три дома, калитки, крыльца. Все привычно, ничто не меняется. Но что это? На той стороне улицы над крыльцом одноэтажного с антресолями дома появилась вывеска. О чем? Маняша пересекает улицу и в изумлении читает: «Музыкальное училище сестер Е. и М. Гнесиных».

— Мама, Митя! Не угадаете, что случилось у нас на Собачьей площадке!

— Надеюсь, не пожар,— хладнокровно возражает Митя.

— Наискосок от нас, в двух шагах, открыто музыкальное училище. Совсем недавно. Я только сегодня углядела. Разве не замечательно! — ликует Маняша, сама не совсем понимая, отчего ей так радостно.

— Ну и ну! — удивляется Митя и возглашает торжественно: — Маняша, к тебе постучалась судьба.

— В самом деле, ты музыкальна, Маняша,— говорит мама.— В Самаре ты занималась с учительницей. Училище уже выше ступень. К тому же рядом. Напрасно упускать случай. Попробуй.

Маняша попробовала и через некоторое время была принята в училище сестер Гнесиных.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Их было пять. Евгения, Елена, Мария, Елизавета, Ольга. Все превосходные музыкантши-консерваторки. Особо среди сестер выделялась вторая, ярко талантливая пианистка Елена Фабиановна. Окончив консерваторию девятнадцати лет, с огромным успехом давая концерты, она задумывалась о более широком поле деятельности. Не слава манила ее — страстное желание шире, глубже нести музыкальную культуру в народ. Мечтала открыть музыкальное училище, где могли бы учиться музыке все: и дети, и юноши. Но только способные. Барышень из богатых семейств, кому музыка нужна лишь для светского престижа, в училище не принимать. Платить за обучение ученика родители будут по средствам: зажиточные больше, бедные меньше, если талантливый ученик неимущий, то и вовсе бесплатно.

Вырастет обученное, воспитанное племя музыкантов, для которых музыка составит смысл и счастье жизни. Гнесинские ученики будут делить с людьми это счастье. Умная, полезная обществу, красивая жизнь.

Так мечтали сестры. Много переговорено разговоров, обсуждено планов, потрачено на хлопоты времени! Добиться разрешения властей нелегко, найти подходящее помещение, приобрести инструменты, наконец, подобрать учеников — все нелегко. Общее дело, большие планы, прочная дружба связывали сестер. Сестры отдавали любимому делу все время, все силы и вдохновение.

Авторитет Гнесиных рос, известные музыканты и композиторы отзывались с почтением:

— Училище Гнесиных, о-о!

Маняша с радостью поднималась по лестнице крытого крыльца. Сени. Обыкновенные сени, как их симбирские и самарские и другие в провинциальных домах. В прихожей на стене зеркало в деревянной раме с выдвижным ящичком для писем. Венский диванчик с соломенным сиденьем. Ах, боже, и у нас ведь такой! В комнатах изразцовые печи, цветы. Всюду цветы, в горшках, кадушках, вазочках. Как у нас! Ничего казенного, все домашнее.

Незаметно из соседней комнаты появилась Елена Фабиановна. В темном платье, с накинутой на плечи белой кружевной косынкой, стройна, изящна. Волнистые волосы короной поднимаются надо лбом. Черные глаза молодо блестят. Кажется, насквозь читают.

— Хотите быть музыкантшей,— пристально Маняшу разглядывая, говорит Елена Фабиановна.

— Хотелось бы.

— Надо хотеть без «бы».

Сказано строго, Маняша неистово краснеет от смущения.

— Ничего, не каждое слово в строку,— ободряет Елена Фабиановна и смеется, и от ее смеха Маняше становится свободно и легко. Но Елена Фабиановна снова строга.

— Идем к роялю.

В училище Гнесиных к роялю подходят без шуток, с праздничной, полной волнения душой.

Все комнаты дома отданы под занятия. В них и живут, и ведутся уроки. Одна, просторнее других, называется залом, два роскошных рояля знаменитой фирмы Бехштейн — единственная меблировка зала.

В доме Гнесиных обстановка скромнейшая, превосходны лишь инструменты. Худенький, тонкоплечий, с жидкой бородкой бессменный настройщик содержит их в идеальном порядке. Он патриот училища Гнесиных.

Маняша садится за рояль.

— Держитесь прямо. Совсем прямо,— приказывает учительница.— Сыграйте любимое.

Секунду Маняша колеблется и играет начальную часть баллады Шопена о Польском восстании, горькая и светлая память о нем связана с отцом, с алакаевскими днями, Олей.

— Меняйте педаль. Добивайтесь чистой педализации. Не выколачивайте концы фраз,— диктует Елена Фабиановна.

И у Маняши падает сердце.

— Смелее. Не трусьте. Сыграйте гамму до мажор в противоположном движении.

Этого Маняша не умеет. Плохо. Не сказавши училищу Гнесиных «здравствуй», приходится сказать «прощай».

Елена Фабиановна трогает клавишу:

— Повторите.— Трогает другую. Пробегает по клавиатуре:— Повторите мелодию.

И неожиданно:

— У вас отличный слух. И пальчики хороши.

Маняша млеет от счастья. «Значит, останусь учиться у Гнесиных. Буду учиться, учиться. Стану настоящей музыкантшей. Мама-то как будет довольна! И Аня, и Митя. Напишу Володе, обрадуется!»

— Вам будет тяжело,— остерегает Елена Фабиановна.— Утра в гимназии, два-три раза в неделю училище и ежедневно пять-шесть часов игры дома. Ежедневно! Осилите?

— Да.

— В таком случае будем друзьями. Вы вселяете в меня надежды. Но знайте, ежедневно шесть часов игры, помимо прочих обязанностей по гимназии, дому.

— Осилю.

Елена Фабиановна пожимает Маняше руку, хорошо улыбается.

Маняша уходит от Гнесиных, влюбленная в их несмолкаемо звучащий дом и Елену Фабиановну. Царственно величавая, она пленительно проста. Строга, порой до суровости, приветлива, весела. Часто в веселости ее шаловливость. Пушистая, черная, зеленоглазая кошка расхаживает из комнаты в комнату, открывая мордочкой дверь.

— Пчелка! — зовет Елена Фабиановна, теребит, ласкает. Хвастает:— Гляньте на нашу красавицу!

Подвезло Маняше, что попала в училище — талантливый дом сестер Гнесиных.

— Взяли ай нет?— участливо спрашивает в раздевалке гардеробщица тетя Лина. У нее сморщенное как печеное яблоко лицо, чем-то, наверное, ласковостью, она напоминает Маняше няню Варвару Григорьевну. На самом деле ее зовут Акулиной, но Елена Фабиановна находит, что имя Лина произносится благозвучней и легче.

И это нравится Маняше, все нравится.

Дни стали быстры, неделя за неделей бегут. Радостно жить бегом, когда ты молода, увлечена до самозабвения, здорова. Но Митя, озабоченно поглядывая на сестру, прописывает ей принимать железо от малокровия и хотя бы час в день гулять.

— Сопровождай маму.

— Мамочка, все бы превосходно, жаль только, меньше удается быть с тобой. Я очень люблю тебя, мамочка! А в училище так интересно, необычно, не похоже ни на одну школу.

Например, экзамен в училище Гнесиных не испытание, а праздник. Из всех комнат приносятся стулья, ставятся в зале рядами. Преподаватели занимают места среди учеников, начинается концерт. Евгения Фабиановна приглашает друзей, знакомых актеров, музыкантов. Однажды после концерта Маняша услышала:

— Летом жду, Евгения Фабиановна, всех сестер к себе в деревню.

Говорил гость, человек средних лет, с внимательным взглядом светло-серых глаз из-под высокого лба. В костюме, манере держаться что-то неуловимо его отличало от прочих. Маняша впервые его заметила в гнесинском зальце, видимо, он был не частым гостем, но, должно быть, желанным.

— Спасибо, Дмитрий Дмитриевич,— отвечала Евгения Фабиановна.— Бывать у вас одно наслаждение, все дорого на вашем Полотняном заводе, каждое дерево помнит...

Маняша вся обратилась в слух и внимание. Полотняный завод? Не тот ли? Оказывается, именно тот, родовое имение предков Натали Гончаровой. А гость сестер Гнесиных Дмитрий Дмитриевич Гончаров — внучатый племянник Натали. Маняша винила Натали в судьбе Пушкина, светская красавица, эгоистка, не умела ценить Пушкина, не понимала. Но она его жена. Он ее любил: «Моя мадонна! Чистейшей прелести чистейший образец».

Кто же племянник ее, нынешний владелец Полотняного завода? Светский жуир? Нет, не похоже... Капиталист, как тот, погубивший Петю Сумарокова «Иван Кузьмич», разоритель народа, душитель? Нет, он не «Иван Кузьмич», он иной. Нынешний владелец Полотняного завода установил для рабочих восьмичасовой рабочий день. Сам освоил все рабочие профессии на своем заводе, может стать за любой станок. На его Полотняном заводе скрываются революционеры от слежки жандармов. Молодой друг Елены Фабиановны Анатолий Васильевич Луначарский находил там убежище. Вот что такое нынешний Полотняный завод!

«Если бы мог знать Пушкин!— в волнении думает Маняша.— Что сказал бы Пушкин? Конечно, гордился бы, что потомок Натали человечен и смел. И я горжусь, и даже Натали стала мне милей, и все дороже и ближе Пушкин».

— Вы умеете чувствовать, значит, способны стать музыкантшей,— сказала Елена Фабиановна. Добавила строго:— Мало работаете. Меньше, чем надо. Оставить все. Только музыка.

«Неужели путь избран?— спрашивала себя Маняша, верила и сомневалась.— Оля была способнее музыкально. У Оли были другие таланты. А у меня? Что у меня? Буду ли я? Смогу ли? Но приказываю себе: не сдаваться! Работать. Может быть, и добьюсь. Может быть, это и верно мой путь?»

Наступил декабрь 1895 года.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Негромко звякнул колокольчик входной двери. Маняша, не успев снять форменное платье и передник после гимназии, побежала в прихожую отворить. Молодая женщина, разрумянившаяся на морозе, в котиковой шапочке и недлинной зимней жакетке, на которой еще не остыли снежинки, перешагнула порог.

— Надежда Константиновна?!

Маняша никогда не видела ее, слышала о ней от Ани, но не видела. Чутье подсказало: Она.

— Надежда Константиновна!— повторила, пугаясь ее встревоженного взгляда.— Беда?

— Нет. Неприятность, но не беда. Можно видеть Марию Александровну? Очень срочное дело.

— Мамочка, мамочка! К нам из Питера. Пожалуйста, раздевайтесь, Надежда Константиновна, давайте жакетку сюда, на вешалку. Ах, как мы рады, я рада! Володя не болен? Что с Володей?

Она забросала нежданную гостью вопросами. Надежда Константиновна понравилась ей с первого взгляда. Милая Володина невеста! Никто не говорил ей, что невеста, но она уверена, как хотите, уверена! Маняша во все глаза разглядывала ее, чем дальше, сильнее располагаясь симпатией. «Как просто держится, как естественно говорит! Не красавица, а что-то в ней неотразимо притягивающее. Открытый взгляд, раздумье, чуть строгость и вместе доверчивость в выражении лица. Она любит Володю, милая Надежда Константиновна!»

Вошла мама, смертельно побледнев при виде Надежды Константиновны. Та вскочила со стула.

— Успокойтесь, Мария Александровна! Случилось, но не самое страшное. Владимир Ильич арестован, в тюрьме, в доме предварительного заключения,— это легче Петропавловской крепости; за решеткой, но не **самое страшное.** Я приехала вас известить и по делу.

— Расскажите.

— В Петербурге Владимир Ильич, вы знаете, сразу нашел товарищей,— заспешила, заволновалась Надежда Константиновна.— У него всегда... У него всегда товарищи. С первых встреч все поняли: он особенный человек. Удивительный... Прозвали Стариком. Старик, а ему двадцать три... Поражаешься, сколько нового внес он в рабочее движение! А дело, с каким я приехала, заключается в следующем. Когда этим летом, под осень, Владимир Ильич вернулся из-за границы...

— Да. И раньше Петербурга заехал к нам,— перебила Аня.

— И привез чемодан,— продолжала Надежда Константиновна.

— Помним, помним! Такой красивый, желтый чемодан!

Мария Александровна, нервно теребя на кофточке пуговицу, упавшим голосом спросила:

— Что же в том такого? Что-то опасное? Надежда Константиновна, скажите откровенно.

— Только откровенно! Возвращаясь из-за границы, Владимир Ильич вез домой порядочно литературы, все нелегальное, политическое. Знает, нельзя, но соблазнился. Заказал в тамошней мастерской чемодан с двойным дном, упрятал между днами запрещенные в России книги. На нашей пограничной станции при таможенном осмотре чиновники — цап! Повертели, постучали. Владимир Ильич понял, уловили по звуку второе дно. «Влетел!» Но его не задержали в тот час. Специально отпустили, чтобы вести наблюдение. Шпики и раньше следили за ним, а теперь уж вовсе: чемодан с двойным дном для жандармов улика. Выследили, с кем связан, у кого из рабочих бывает, что агитирует. Ну и... девятого декабря арестован.

— И что нужно?— тихо уронила Мария Александровна.

— Купить похожий чемодан и, если к вам придут с обыском, что вполне вероятно, сказать, что да, это и есть тот, который Владимир Ильич, возвращаясь из-за границы, оставил дома, в Москве.

Аня быстро вышла из комнаты, мигом вернулась в шубе и шапке.

— Иду искать чемодан.

— Важно, чтобы более или менее похожий. Я с вами,— поднялась Надежда Константиновна.

Все делалось скоро, без лишних слов, без ахов и охов.

А Маняша проводила маму в ее комнату:

— Мамочка, тебе надо лечь.

— Не хватает заболеть, самое время. Ничего, пустяки, стариковские штучки,— пыталась улыбнуться мама.

Но какие уж там улыбки! Не до улыбок. У нее еле шевелились губы.

Маняша капала в рюмку капли Зеленина, поила с ложечки чаем, Митя побежал за врачом. Маняша поминутно поглядывала в окно:

— Как медленно тянется время. Как долго они не идут с чемоданом. Несносно ждать!

— Напрасно нервничаешь, не сразу найдешь, что ищешь,— урезонивал Митя. До прихода врача он проверял мамин пульс, ставил градусник, озабоченно хмурил брови и не переставал повторять:— Мамочка, спокойно полежи два дня, от силы три, не больше. Немного откроем форточку, дохнем свежим воздухом...

Наконец чемодан принесен. Новехонький, желтый, как и требуется, ни пятнышка, ни царапинки.

Нет, так не годится, ведь он приехал издалека и ничуть не постарел, и бока не помяты. Подозрительно, хе-хе.

— Маняша, за дело!— скомандовал Митя. Досталось бедному чемодану. Его тузили кулаками, швыряли, запихивали под кровать, пока не убавили в нем щегольства, теперь подозрений не вызовет.

А потом вечер сидели в столовой тихо-претихо, чтобы не беспокоить маму, и Надежда Константиновна рассказывала о петербургской жизни Володи.

Владимир Ильич приехал в Петербург с явками, то есть секретными от полиции адресами верных людей. Явки дали самарские друзья, сначала в Нижний Новгород, зачем он и останавливался там по дороге в Петербург, дальше в столицу. Владимир Ильич встретился с товарищами. В скромной комнатке на Васильевском острове произошло совещание Петербургского марксистского кружка студентов-технологов. Впоследствии этот кружок получил название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич им руководил.

Маняша замерла, услышав эти большие слова. «Союз борьбы». Как набат, зовущий в поход против несправедливостей, насилий фабрикантов, купцов, помещиков над народом. В поход за правду, народное счастье.

«Володя, это ты!» — восхищенно думала Маняша.

И Надежда Константиновна сказала:

— Это он. Открывать рабочим марксистскую науку революционной борьбы учит Владимир Ильич. Готовиться к свержению царя, созданию рабочей и крестьянской власти.

На фабриках, заводах в Петербурге, скоро в других промышленных городах и в Москве образовались кружки «Союза борьбы».

Давно глубокая ночь. В соседних домах погасли огни. Улица погрузилась в темноту.

— Вы устали?— застенчиво спросила Надежда Константиновна.

— Нет, нет! Говорите!

— До утра! Пожалуйста, всю ночь, до утра!— сложив просительно руки, взмолилась Маняша.

Они и просидели при свете слабенькой лампы почти до рассвета.

Узнала Маняша то, о чем смутно догадывалась еще в Самаре, слыша отрывки бесед Володи с товарищами. Она прочитала «Коммунистический Манифест», но его призывы казались ей непостижимо далекими. И вдруг брат Володя поднимает сотни, тысячи рабочих, вдохновляет верой и знанием. Пишет листовки, книгу. Надежда Константиновна наизусть прочитала конец книги, написанной Маняшиным братом:

«...русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день Надежда Константиновна и Аня уехали в Петербург.

Маняша посещала гимназию. Без подъема. Неинтересны уроки, нет охоты побыть с подругами. Училище сестер Гнесиных, занятия там интересны захватывающе! Каким счастьем было бы стать музыкантшей, жить в этом волшебном мире. Но последнее время Елена Фабиановна, хмуря брови, иногда замечала:

— Дружок, ты не всю себя отдаешь музыке. Музыка требует труда неустанного.

Маняша трудилась, но не могла отдавать себя музыке всю. Многое другое требовало времени. «Вот кончу гимназию, тогда уж...» А теперь, когда с Володей случилась беда, тревога о маме захватила полностью душу. Домой, домой, к маме! Мама слабенькая, худенькая, утомлялась говорить, лучше слушать Маняшу. О своей сегодняшней жизни Маняше скучно рассказывать. Скорее бы поправилась мама, поедем в Петербург, увидим Володю, услышим голос, чем-то поможем.

— Ведь я и раньше помогала, хоть немного, еще в Самаре, кто доставал ему книги, помнишь, мама? Бывало, притащишь целую кипу. «Историю

французской революции» сама хотела прочитать, но трудно. Теперь прочитала. И еще много книг, Володя составил мне список. Мама, мне кажется... я поняла... понимаю Володино новое, что он принес, что Надежда Константиновна сказала... Может, не до конца, но главное понимаю.

Снова смысл жизни всего дома в ожидании писем. Аня писала из Петербурга маме и Марку. Нечасто, скупо, намеками. Письма читались, перечитывались вслух и наедине. Сообщалось в письмах, что «больной» выглядит бодро, и мамино лицо озарялось нежной улыбкой, все оживлялись, как будто в комнате светлеет, словно солнечный луч прорвался сквозь ледяные узоры зимних окон.

«Но надеяться на скорый выход из больницы нельзя».

— Хочу большого настоящего дела, чтобы горела душа!— бурно вырвалось у Маняши.
Владимир Ильич устремил на сестру долгий внимательный взгляд...

«Из тюрьмы»,— мысленно переводит Маняша. Тюрьма... Само слово страшит. Решетка, железная дверь камеры, узкая щель окна под потолком, ни на секунду солнца, полумрак, одиночество. Как подумаешь, зябкая дрожь побежит по телу, холодом обольет сердце. Что там с Володей?

Михаил Александрович Сильвин, Володин петербургский товарищ, второй после Надежды Константиновны вестник беды, горячий и громкий, не мог усидеть на месте двух минут, срывался со стула, бегал по комнате.

— Гиганта заперли в клетку! Что делать за решеткой человеку силищи непомерной, закованной в цепи. Чем жить? Как жить под семью замками великану, которому дан огромный талант действовать?

Но иногда Анюта напишет: «С В. поболтали нынче целый час, он бодр по-прежнему».

— «Поболтали»,— повторит мама.

Она вдумывается в каждое слово с надеждой и страхом. Взвешивает, строит догадки. Аня всячески оберегает ее, дурное скроет или смягчит, но если бы было очень уж худо, не написала бы «поболтали».

— Верно, дети? Верно, Маняша?

Маняша согласно кивает, а мама, оглядываясь по сторонам и на дверь, словно кто-то может услышать, опасливо:

— Никогда, ни с кем чужим ни слова о том, что с Володей, и о том... прошлом.

— Конечно, мама.

Так и не посвятила Маняша ни маму, ни кого другого из семьи в ту историю. Это случилось вскоре после Самары и уже позабылось, тем более что последствий ведь не было. Какие могли быть последствия?! Ничего не могло быть, однако...

Среди одноклассниц Маняши выделялась одна по имени Тата. Имя поначалу немного царапнуло. Вообще Маняша не сразу сближалась с людьми. Живая и разговорчивая дома, при чужих сжималась, уходила в себя. Застенчивость мешала быстро завязывать знакомства, тем более дружбы. Но к Тате любопытно приглядывалась. Улыбчивая, с ямочками на розовых щечках, светлой косой, узенькими дужками черных бровей Тата была прехорошенькой. Маняше хотелось делить ее веселье и смех. Как все девочки в классе, она любовалась грациозностью Таты, когда на уроке танцев она вырисовывала ножками на паркете замысловатые па. Учительница танцев, в прошлом балерина Большого императорского театра, при своей полноте и солидном возрасте легкая, как мотылек, хвалила способную ученицу:

— Прелестно! С вашей внешностью и происхождением, Тата — я слышала, папу приглашают с повышением в столицу?— с вашими данными вы можете в Петербурге стать фрейлиной императорского двора, я надеюсь, при связях... Раз-и, два-и...

В первые дни поступления Маняши в московскую гимназию «фрейлина» бросила на ходу:

— Новенькая? Из Самары? Перевели папу? Ах, умер...

Она сочувственно качнула головкой и упорхнула. И, как ни странно, продолжала издали нравиться Маняше. Странно, потому что случалось Маняше услышать Татину болтовню с подружками о туалетах, модных прическах, кавалерах, званых вечерах там-то и там-то. Темы для Маняши чужие до непонятности. Странно потому, что опять же случайно узнала Маняша, что Татин отец — немалый чин в жандармском управлении. Это смутило, хотя... Разве обязательно дочь повторяет отца? Помните Софью Перовскую? Но однажды, довольно скоро, на перемене Тата необычно замедленной поступью приблизилась к Маняше и, похолодевший взгляд устремив в упор, произнесла заученно:

— Папа в разговоре заинтересовался твоей фамилией. Ты не из тех Ульяновых, у которых был сын-преступник, его повесили, покушался на государя? Неужели твой брат?

Голубенькие стеклышки Татиных глаз кололи, выпытывая. Маняша оцепенела.

— Ну, конечно!— с привычной беспечностью поняла по-своему Тата.— Слава богу, слава богу, вы не те Ульяновы. Однофамильцы. А я испугалась, неужели брат — преступник? Ужас, стыд, если бы брат!

Задребезжал звонок, приглашая к уроку. Подружки угодливо подхватили «фрейлину» Тату, влекли в класс.

Маняша не помнит, как кончились уроки. Как шла и вернулась домой... Машинально переоделась в домашнее платье. Все собрались к обеду, кроме Мити, он жил в вольном, вернее, трудовом студенческом ритме, огорчая маму беспорядочностью питания и сна.

Маняша молча села за стол.

— Ты странная сегодня,— заметила мама.

— Тебе кажется, мамочка,— не поднимая головы, отозвалась Маняша, пряча растерянность. Она смятенно решала, стыдно или не стыдно, правильно или не правильно, что промолчала на Татин вопрос. Но ведь помнила же она открывшееся ей однажды: «Конспирация». Давая ей книгу Чернышевского, очерк Успенского, статьи Добролюбова, «Коммунистический Манифест», Володя приказывал: конспиративно!

Маняшино молчание о братьях и есть конспирация.

До глубины души ее поразило другое. В книгах она нередко встречала враждебных Володиному делу людей, то есть врагов рабочего народа, карателей свободы мысли, хищников, как Иван Кузьмич из повести «Книжка чеков». Володя называл их классовыми врагами. Маняша знала их по книгам, в жизни встретила впервые. Да, хорошенькая, чистенькая, улыбчивая Тата — классовый враг. Не в том ее вина, что дочь жандарма, она, сама она, чужда и враждебна Маняше. Достаточно вспомнить вонзившийся, как осиное жало, взгляд Таты, убийственный тон.

«Рассказать маме?— терзалась Маняша.— Из Татиных вопросов ясно: не только самарские и здешние сыщики знают, помнят, следят. Сказать маме? Лишний раз бередить рану?»

Она не сказала.

Вскоре Татиного отца, жандарма, перевели, повысив чином, в столицу, он уехал с семьей.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Марк взял билеты в двухместное купе на поезд Москва — Петербург. Помог собрать вещи, проводил на извозчике до вокзала. Легко, как бы без всяких усилий, просто.

— Марк, Вы опора нашей семьи,— сказала мама.

— Моей семьи,— ответил он.

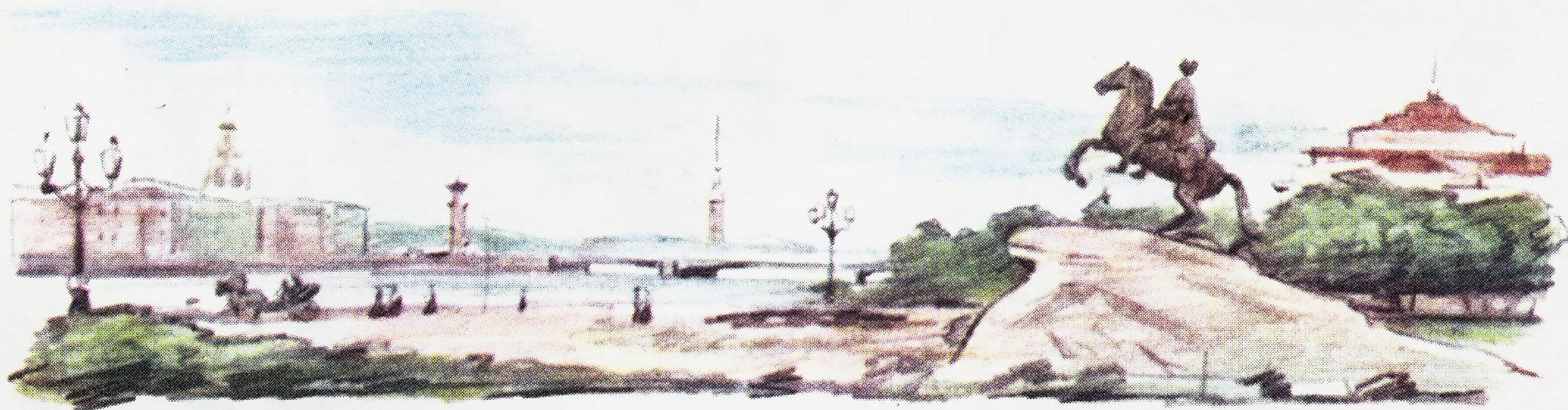
— Милый!— обняла его мама.

Войдя в купе, она молча легла, сомкнула веки. Маняша села напротив, приткнувшись в уголок, не отводя взгляда от мамы. У мамы подрагивают веки, значит, не спит. Понимает Маняша: две тягостные дороги мучительно видятся маме. Девять лет назад такой же ночью она ехала в Петербург проститься с Сашей, приговоренным к казни. Где ты нашла силы, дорогая, бесценная мамочка, не рыдать навзрыд, не вопить по-бабьи о гибели сына? Где нашла силы проститься без стона, не споткнувшись, выйти из камеры, с поднятой головой миновать в тюремном коридоре смотрителей!

Через четыре года та же дорога на похороны юной дочери, щедро, как братья, одаренной талантами. Нет тебя, Оля. До отчаяния несправедливо оборвалась твоя красивая жизнь.

Что ждет теперь? Какая кара готовится третьему ребенку?

Поезд мчит. Из окна видно: летят леса, шатровые ели дремуче раскинули низко над землей широколапые ветви, весело зеленеют молодые рощи — летят, летят навстречу поезду.

К ночи изредка мигнет огонек полустанка. весенний день долог, ночь коротка, бледны звезды на чуть темнеющем небе.

Аня, уже с полгода как поселившаяся в Петербурге для заботы о брате, встретила их на вокзале. Оживлена, ни хмуринки, и страх немного отпускает маму.

— Здоров?

— Вполне. Представьте, даже поправился. Читает, работает. Только поспевай таскать ему книги, да толстенные, прямо умаялась. Ладно, Маняша на подмогу приехала. Устраивайтесь, дорогие гости!

Аня заказала им номер в гостинице. Они подгадали приехать в день тюремных посещений. Сегодня же к назначенному часу Аня повела маму на свидание.

Маняша осталась одна. Гостиничный номер неуютен, обстановка казенная, занавески на окнах пропитаны пылью. Они здесь ненадолго, Аня устроит их где-нибудь лучше. Но сейчас так все не располагает, так чужеродно.

Сцепив на груди руки, Маняша меряет вдоль и поперек комнату. На дворе солнце, а ей зябко. И грустно. «Пойду погляжу Петербург»,— решает она.

Петербург ей нов. Она знает о нем из гимназических учебников и из Пушкина. «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, скромный вид, Невы державное теченье...»

Но у Маняши, как у мамы, с Петербургом связаны лишь горькие воспоминания. Она идет Невским проспектом, холодно обозревая роскошные дворцы и особняки с фронтонами, лепными украшениями. Ничто не радует взора. «Я лишена эстетического вкуса»,— выносит Маняша себе приговор. В самом деле, как не поразиться парадному зрелищу античных скульптур в Летнем саду и вздыбленных коней у Аничкова моста, поэтичной простоте улицы Росси, Невы «державному теченью»! Строгая торжественность архитектурной мысли во всем.

Маняша остановилась на Невской набережной. День безветренный, какой-то московский. Смирно лежит в гранитных берегах, не колебля волн, могучая река. Маняша глядит. На том берегу Петропавловская крепость. Каменные стены отвесно упадают в Неву. Зловеще вскинулся острый шпиль крепости. Безмятежно голубое небо над ним. И страшно, и ледяным холодом обливается сердце. Там за осклизлыми от вечного плеска волн крепостными стенами был Саша. Мама приходила сюда на набережную и смотрела на крепость. Ей долго не давали свиданий. Она приходила сюда и смотрела.

Теперь за решеткой Володя...

Маняша неистово жалела его! Но разве можно жалеть человека, которого люди называют гигантом? Разве позволит себя жалеть гигант? А слезы стоят в груди.

«Нюня, чувствительная барышня! Нет, я не барышня. Я преклоняюсь перед ним, его делом, и я буду...» Маняша не осмеливалась даже мысленно назвать себя революционеркой. Много перечитано, узнано, передумано, а где дело? Большое.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мама вернулась со свидания, усталая, потрясенная и... счастливая.

— Здоров. И такой, Маняша, живой, ничуть не подавлен, даже шутит. Какое мужество, верно, Аня?

— Твое мужество, мамочка! Не забуду, как ты навестила меня в тюрьме... Маняша, ты слышишь, приходит на свидание после... Когда Саша казнен... знает и ни слова. Щадит меня. Как силы хватило! Только крепко обняла. Это ли не мужество? Мама, святая...

— Страшное свалилось на нас,— тихо выронила мама. Опустилась в кресло, откинулась на спинку, худенькая, хрупкая, откуда силы?

Маняша встала на колени, расшнуровала ей башмаки, сняла.

— Мамочка!..— всхлипнула.

— Летом будем жить на даче,— заторопилась

Аня.— Я обследовала окрестности, нашла вроде подходящую дачку, верстах в тридцати от города. Главное, печка есть, хозяйка согласилась топить. Петербургский климат сырой, не дадим тебе, мамочка, мерзнуть.

— Печка? Чудесно! — похвалила мама.— Будем с Маняшей стряпать для Володи обеды, по очереди будем носить, да, Аня?

— Да, конечно, да! Тюремный врач разрешил, у Володи катар желудка, не пугайся, мама, не острее, чем раньше. Тюремный врач оказался человеком, и вообще Володя как ни в чем не бывало читает, читает...

— Тесно стало в старых рамках,— говорил Павел Маняше.— Разоблачаем хозяев, эксплуатацию вскроешь, вырвешь крохи: двенадцать часов спину над станком гнешь, часок скинут — считай, победа.

— Не слишком ли много?

— Не тревожься, мамочка, Володя осторожен и благоразумен: ежедневно зарядка, приседания, наклоны — все, что полагается. Важно, настроение бодрое. Ульяновский оптимизм. Папа был оптимистом. Маняша, послезавтра пойдешь на свидание, смотри у меня, не хныкать!

— Я? Хныкать? Когда я хныкала?!

Неделя, месяц протекут быстрей, чем один день до послезавтра. Маняша изнывала от нетерпения. Аня, сочувствуя ее неспокойствию, равно как и для будущего, задала ей урок.

— Берешь любую книгу, отмечаешь точечками буквы в словах, которыми намерена что-то мне сообщить. Я по точечкам прочитаю. Это называется тайнопись.

Маняша взяла книгу. Не так-то легко справиться с тайнописью, тем более в первый раз. Порядочно попыхтела Маняша, зато на время вылетела из головы томительная мысль о послезавтрашнем походе в тюрьму.

— «Последняя туча рассеянной бури»,— прочитала по точкам Аня.

Качнула головой.

— Плохо?

— Напротив, хорошо. Быстро усвоила тайнопись.

— Что же головой качаешь?

— Тсс.— Аня взглядом указала на маму.— На свидании, и с мамой, и вообще не говорить лишнего.

В неделю разрешалось два свидания. Одно за железной решеткой, через которую и велся разговор заключенного с посетителями, а надзиратель прохаживался мимо, слушая, что говорят. На это свидание пускали двух человек. Второе называлось личным. Допускался один посетитель из родственников.

Мама и Аня виделись с Володей через решетку. Маняше выпало идти одной.

— Детка, подожди следующего раза,— уговаривала мама,— пойдете с Аней вдвоем. Одной грустно.

— Подождать? Ни за что!

Сумасшедше бухало сердце, когда, следуя за тюремным служителем, Маняша шагала длинным, узким коридором с каменными стенами. Каменные плиты пола гулким эхом повторяли шаги. Приземистая фигура, тяжелые плечи и гнетущее безмолвие служителя пугали. Казалось, ведет ее какая-то механическая машина, бездушный истукан в человеческом обличье.

«Спокойно»,— мысленно приказывала себе Маняша, но сердце не слушалось. Приемная камера для свиданий, обставленная несколькими табуретками, была пуста. Служитель внезапно исчез. Маняша стояла, ждала. Через какое-то, Маняше показалось, нестерпимо долгое время исчезавший тюремный надзиратель появился. За ним Володя.

— Пичужка!

Он назвал ее детским, радостным, им, Володей, придуманным прозвищем.

Она кинулась ему на грудь, обвила шею руками и, чтобы надзиратель не понял, по-французски:

— Милый, милый, как мы соскучились, милый...

— На чужом языке говорить не положено,— оборвал надзиратель не то чтобы грубо, но с внушительной строгостью.

— Противный,— шепнула Маняша на ухо брату.

— Шептать тайные секреты не положено,— раздалось так же внушительно строго.

Владимир Ильич улыбнулся Маняше, глаза его искрились, он действительно — права мама — совсем не подавлен, жив, бодр, Володя, брат!

— Говори громко, Маняша, не стесняйся, какие могут быть тайны? Рассказывай, чем дышишь. Как идет музыка?

— Я оставила училище Гнесиных.

— Жаль. Наверное, мама огорчена.

— Жаль, но музыка требует всего человека, делить с чем-то нельзя.

— У тебя есть с чем делить? Ты знаешь?

— Пока не совсем, но... перейдем к другой теме,— схитрила она, чтобы усыпить бдительность надзирателя.— Я больше люблю, чем не люблю людей, а некоторых ужасно как не люблю... «Ивана Кузьмича» ненавижу.

— У тебя давнее чувство нелюбви к нему,— ответил он, догадываясь, что она хочет сказать, кого подразумевает под «Иваном Кузьмичом». Ненавижу сильней и сильней! — с яростным жаром повторила она.

— Ну, рассказывай подробно о доме: где бываешь, есть ли друзья?

Маняша поняла, опасается, как бы она не хватила лишку в своей исповеди, не вызвала бы подозрений надзирателя. И она перешла к недавним впечатлениям и мечтам, когда ей казалось, волшебный мир музыки станет навсегда ее миром. Рассказала о вспыхнувшей в ней с новой силой восхищенной любви к поэту. О беглой, но поразившей ее встрече с внучатым племянником Натальи Гончаровой — нынешним владельцем Полотняного завода, передовым человеком и, представь, сочувствует вам,— чуть не сказала — революционерам, но спохватилась: «Вам, хорошим людям сочувствует». Рассказала о том, как они славно живут на Собачьей площадке, только уж очень скучают по нему.

Он ласково слушал.

— Хочу большого настоящего дела, чтобы горела душа! — бурно вырвалось у нее.

Минутная пауза. Долгий внимательный взгляд. И ответ: музыка требует всего человека. Всерьез. Навсегда. «Что такое? Ведь я призналась ему»,— оторопела Маняша. Но Владимир Ильич, лукаво подмигивая, косится в сторону надзирателя, сидящего на табурете у противоположной стены. Тупое выражение лица, украшенного щегольски закрученными усами. Расставлены ноги, ладонями оперся на колени.

«О музыке для отвода глаз»,— поняла Маняша.

— Свидание окончено,— объявил надзиратель, поднимаясь с табурета, шумно его оттолкнув.

— До следующей встречи, Маняша,— простился Владимир Ильич. И с тем же долгим нежным, внимательным взглядом: — Аня передаст тебе мою просьбу.

Каменный коридор, отвечающий гулким эхом шагам. Слепящее после тюремного мрака сияние солнца. Шум, говор, движение улицы. Жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Время тянется, Аня ни слова о Володиной просьбе. Маняша не задает вопросов, догадываясь, Аня молчит неспроста: обучает младшую сестру конспирации. Не говорить, не спрашивать лишнего, держать язык за зубами.

Когда наконец им станет ясно: да, младшая, но не маленькая, поймите! Весной окончила гимна-

зию, пора начинать взрослую жизнь. Ту, какой живет Володя. Пусть не сразу в полную силу, но пора начинать! Как? Где? Должно быть, когда Аня передаст Володину просьбу, это и будет подсказкой — как, где.

Канул день, второй, третий... Маняша помогала маме готовить для Володи диетическую еду — молочную кашу, тушеную свеклу, картофельное и морковное пюре. Аня отвозила передачу, доставала в библиотеках для Володи статистические сборники, тащила в тюрьму, провожала маму на очередное свидание. Аня по горло занята, а Маняша со своими мыслями, неясными планами нетерпеливо ожидала Володину просьбу. Бродила дорожками тихого поселка. Аня сняла там в бревенчатом флигеле две комнаты с крылечком, заменявшим террасу. С крылечка ступени вели в садик, где на круглой клумбе цвели лиловые ирисы, да пяток сосенок стояли кружком, словно девочки в зеленых платьицах ведут хоровод. Все по-фински аккуратно — хозяйка дачи финка — и крошечно. Где наш тенистый алакаевский сад, дремучий лес — печальное кукование весенней кукушки, птичий гам, мелькание среди ветвей резвых белок?

— Получай,— объявила однажды Аня, передавая Маняше толстенный статистический сборник, полный таблиц, сводов цифр о числе заводов и фабрик, количестве рабочих в Тверской губернии.

— Тебе здесь письмо. Найди, прочитай, узнаешь, что делать.

И никаких объяснений. Маняша полистала сборник, ища письмо. О! Бестолковая. Научили тебя тайнописи?

Принялась искать точки. Читать оказалось труднее, чем писать точками. Много часов просидела Маняша над статистическим сборником, пока поняла Володину просьбу.

Надо отнести записку от Николая Петровича. Адрес: Огородный переулок близ Путиловского завода, третий дом по левой стороне с краю. Спросить Павла. Сказать пароль, а дальше — «Товарищ Павел, Союз активно продолжает работу: листовки, стачки ведутся. Но мало одних экономических требований, настало время неустанно звать рабочих к политической борьбе против самодержавия. Листовки должны объяснять политические задачи, революция — наша цель. Рабочих надо готовить к завоеванию цели».

Заставать товарища Павла дома надежнее всего воскресным утром, пораньше, объяснила Аня. Посоветовались, говорить ли маме о предстоящем визите Маняши в Огородный переулок. Решили, не надо. Будет волноваться: девочка идет к незнакомому человеку, каков он? Пусть его рекомендует Володя, но все же удобно ли девочке идти в чужой дом, к чужим людям? А в чем состоит поручение? А если Маняша попадет в лапы жандармов? Товарищ Павел, безусловно, политический деятель, безусловно, под полицейским надзором. Маняша и жандармы — страшно подумать! Нет, не будем пугать маму.

Маняша добралась до Нарвской заставы. Величественные триумфальные ворота с шестеркой взвившихся на дыбы бронзовых коней на минутку задержали внимание. Всего минутку. Дальше, дальше. Скорее.

Грязный, захламленный тракт вел к Путиловскому от Нарвских ворот. Литейные дома, казенки, мясные, булочные и множество других, лавчонки, затрапезные домишки теснились по обе стороны пыльного тракта. Лишь изредка дохнет прохладой старый, запущенный парк, глянет из-за столетних лип бывший княжеский особняк, проданный обедневшими хозяевами нажившемуся купцу, какому-нибудь «Ивану Кузьмичу», презрительно подумалось Маняше.

За Нарвской заставой Петербург не тот, что в центре. Нет дворцов, античных скульптур, знаменитых памятников, узорчатых решеток — заборы, заборы. Хибары. Здесь не великодержавная столица — окраина.

Огородный переулок в десяти минутах от Путиловского завода, воскресным утром молчал, трубы не дымили, не слышен гром заводских пушек на полигоне, где их испытывают, ни гудков, и похожи как близнецы друг на друга двухэтажные дома, обшитые тесом, темным от дождей и годов. Скучно на них смотреть, так одинаковы. Садов и палисадников под окнами нет, торчат возле крылец две-три тонкоствольные осинки. Это доходные дома, хозяева сдают каморки рабочим. Есть и «угловые» жильцы, снимают угол, тут их топчан для спанья. Можно заблудиться в унылых, не отличишь от сараев, домах. Но Маняша твердо помнила: «Третий дом слева, постучаться в такую-то дверь. Спросить Павла. Сказать пароль: «Тетенька Агаша велит кланяться». В ответ услышать: «Спасибо за добрую весть».

Дверь отворил молодой человек в белой, по случаю воскресного дня, рубашке, с распахнутым воротом. Волнистые волосы откинуты назад, открывая высокий и чистый лоб, а в общем-то внешность совершенно обыкновенная, ничем не примечательная. Но улыбнулся, и лицо так светло озарилось, так помилело, что Маняша в ответ улыбнулась тоже.

Он провел ее в свою комнатку — стол, два стула, железная кровать, в горшке на подоконнике пламенно полыхает цветок, на сколоченной из досок полке десятка два книг. Зоркий Маняшин глаз вмиг разглядел: Толстой, Чехов, Писемский...

— У меня к вам записка,— после пароля сказала она.

Никакой записки не было. Маняша должна была вытвердить ее наизусть, чтобы не нарваться на жандарма. Тогда верная решетка.

— Николай Петрович поручил передать...

И Маняша слово в слово, из осторожности полушепотом пересказала написанное точками на страницах статистического сборника о состоянии промышленности в Тверской губернии.

— Мы сами об этом догадывались,— задумчиво вымолвил Павел. Закурил.

— Можно?

— Можно, можно, курите. О чем вы догадывались?

— О политике. Тесно стало в старых рамках. Разоблачаем хозяев, эксплуатацию вскроешь, вырвешь кроху: со штрафами полегчает, двенадцать часов спину над станком гнешь, часок скинут — считай, победа.

— Я тоже раньше так думала,— почему-то вдруг открылась Павлу Маняша.— Володя...

Он вопрошающе вскинул брови. А она вспомнила, как подарила алакаевской тезке три платья, а Володя сказал: полумерами новую жизнь не построишь.

«Что я!— похолодела она.— Назвала Володю. Как можно, как можно?! Ведь учила Аня: ни единого лишнего слова! Ведь приказано называть Николаем Петровичем».

Он угадал ее испуг и смятение.

— Мы Николая Петровича вот как уважаем,— начал он почти торжественно.— Он для нас

авторитет и великий человек. А что на самом-то деле он Владимир Ильич, нам давно узналось, с тех пор, как его книгу «Друзья народа...» нелегально прочли. Глаза нам открыл Владимир Ильич, мысль разбудил. Призыв-то какой: Коммунистическая революция! Передайте, готовятся стачки на заводах... Называть не стану. С непривычки не упомните. Передайте, рабочий класс к политике тянется и ждем мы от него его слов. Владимира Ильичевы слова дух поднимают, направление дают. Нам без них непосильно. А как тебя звать?

— Мария,— с запинкой ответила она. Внезапность вопроса смутила ее.

— Мария Ильинична,— в раздумье произнес он.— Я и понял, что сродственница. Лицом схожи, не так чтобы много, а схожесть есть. Молоденькая ты, Мария Ильинична, опытом революционной работы навряд ли шибко владеешь. Опыт придет. Рядом с таким братом как не научиться революционной науке! Была бы душа преданная. Рабочему вот как нужны ученые интеллигенты, чтобы с преданной революционной задаче душой, так-то, Мария Ильинична!

— Спасибо, товарищ Павел. В моей жизни сегодня важное, как никогда.

— Связь давно с рабочими держишь, Мария Ильинична?

— Я... я сегодня впервые узнала рабочий класс.

— Эк, хватила! Узнала? Тебе рабочий класс узнавать да узнавать, Мария Ильинична!

— Да, правда,— смутилась она.— Удачно как меня к вам прислали. Я многое от вас получила. А что товарищ Павел,— с запинкой продолжала она,— кто ваш самый любимый писатель?

Он усмехнулся:

— Изучаете?

— Нет, нет, не сердитесь, пожалуйста! Просто увидела у вас мои любимые книги. О Толстом и говорить не приходится, а я и Писемского люблю.

— Еще бы! Взять рассказ «Старая барыня», истинно «барство дикое», как Пушкин сказал.

— И цветы у вас,— продолжала она наблюдения.

— Герань. Девушка, подружка, точнее сказать, ее цветок, пожелала, чтобы тут, у меня, цвел. А вы, небось, думаете, у пролетария одна политика да забастовки на уме, а чувства интеллигентам,— вдруг дерзко обронил он, нахмурился, весь как-то отдалился.

— Боже мой, видно, я не туда повернула, не сердитесь, пожалуйста, товарищ Павел!— Она привычным жестом сложила руки и прижала к груди как бы просительно.

— Боженьку призывать на помощь не будем, а сердиться мне не на что. В тебе я своего человека увидел. Верю, с пути не свернешь, не оступишься. А пора нам, однако, распрощаться до будущего, на первый раз задержались. До свиданья, товарищ связная! Ладно в шляпке пришла, не в платочке. Тут у нас в Огородном все путиловцы квартируют, в декабре девяносто пятого много политических похватали, нынче-то полицейские да шпики захаживают. Как же, наблюдение надо вести. Новенькая барышня появилась, в шляпке, пригожая да тихая,— опасности уж тут, наверное, нет. А она, в шляпке-то, из центра большую весть принесла. Поклон, Мария Ильинична, знаете кому. Скажите, листок напишем, пустим по заводам. Доброго тебе, товарищ связная!

Серьезное, небывалое совершалось и ликовало в ее душе. На губах играла улыбка. Так, с улыбкой, она и взобралась на империал конки, заняла место.

— Чему радуешься, барышня?— послышалось рядом. Сидящий возле щупленький старичок, по виду отработавший срок рабочий, в косоворотке, поношенном пиджачке, спрашивал дребезжащим от старости голосом.

— Радости радуюсь,— ответила она со счастливым смехом.

— Добро. Вьюность веселит.

«Не во «вьюности» суть,— думала Маняша,— а суть в том, что я чувствую и знаю, начинается то настоящее дело, что я искала и теперь нашла. Это путь, которым идет Володя, идут Аня и Марк, и Надя, и нынешний товарищ Павел, и самарский умник и затейник Скляренко, и — чуть не забыла — Сильвин! Приезжал к нам в Москву! Замечательные люди, их много, они цвет земли, их жизненная задача смела, благородна, и я клянусь...» Последнее слово она говорила и повторяла себе, уже сойдя с конки и шагая набережной Невы, поспешно, будто что-то очень важное торопило ее.

Нева слегка волновалась, длинные волны медленно набегали к гранитным берегам и, нешумно о них ударяясь, смирно опадали. Но глубь и непокорство могучей реки угадывались и в ее тихий час.

Маняша остановилась и, опершись на парапет, глядела. Прямо напротив Петропавловская крепость.

Здесь, за каменной немой оградой в одиночной камере, под замком, брат Саша, ни на миг не сдаваясь, ожидал своего смертного часа.

— Клянусь,— шепотом повторила Маняша.— Но не буду плакать. Начинается дело, настоящая жизнь.

В вагоне поезда, отправлявшегося с Финляндского вокзала до Келоострова — на полдороге платформа Маняшиного дачного поселка,— она обдумывала, как передаст Володе порученное товарищем Павлом.

«Не буду писать ему послание точками. Много времени уйдет на разыскивание точек. Володино время надо беречь. Поведу конспиративную беседу, даже интересно. Ты хочешь знать, как я живу. Отлично живу! Повидалась с одним знакомым. Условились встретиться у его приятеля, организуют вечеринку. Соберется много гостей, все друзья. И еще приглашают в другие дома. Знакомых развелось порядочно. Разговоры о литературе. О рассказе «Белый пудель» Куприна. Такой спор разгорелся! Занятно и... содержательно».

Всю дорогу Маняша обдумывала план беседы с братом, ответственной беседы! Конечно, он поймет, что и кто подразумевается под вечеринками и гостями. Будет рад, «Союз борьбы» не сник, действует.

Таким образом, главное Маняша сообщит.

Но есть одно, о чем на тюремном свидании не скажешь. Маняша гордо поделилась бы с братом. Рабочий Павел назвал ее Марией Ильиничной и товарищем связной. Понял бы ее гордость Володя.

Детство и отрочество позади. Не девочка Маняша, а навек преданная великой задаче Мария Ильинична вступает в пору боевой, смелой молодости и всей своей будущей жизни.

А что же музыка? А музыка до последних дней будет верным ее спутником.

КОНЕЦ.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Простая арифметика

Не письменно,
устно
решим-ка, ребята,
такой вот пример:
две руки плюс лопата,
а с ними
свое трудолюбие сложим,
а добрый порыв наш
на время помножим,
и вычтем всю лень,
и затем для ответа
на старших и младших
разделим все это.
Увидите,
будет неплох результат:
цветущий
зеленый
щебечущий
сад.

Весна пришла!

Опять — весна. Весна пришла!
Творятся дивные дела:
то по реке помчится лед,
то где-то снег трава пробьет,
то золотистые веснушки
усеют щеки и носы,
то классу
шустрые пичужки
дадут в учебные часы
концерт бесплатный...
А недавно
смеялся я чуть не до слез:
Славко — драчун, задира главный —
букет Наталке преподнес!
Сказал:
«Подснежники... Возьми...»
Что делает весна с людьми!

Старый каштан

Каштан у школы — с давних лет:
хоть стар, а в полной силе!..
Но классу заслонял он свет.
И вот
его
спилили.

Теперь не встретят здесь ребят
скворцы своими песнями,
здесь листья не зашелестят
зелеными навесами.
И май свечей не разожжет
на ветках в день погожий,
и на ладонь не ляжет плод.
на ежика похожий.
Лишь пень остался во дворе.
Уж не увидит школа
тех уравнений на коре:
«Оксана + Микола...»

Не затеняется окно:
каштан спилили старый.
Все правильно как будто...
Но
темнее
в классе
стало.

Космические перегрузки

Верить,
не верить
можете мне,
но в космонавты
гожусь я
вполне.
Выдержать смог бы
и взлеты,
и спуски:
знаю
космические перегрузки!

Затемно
встану —
и утречком ранним
час
занимаюсь
фигурным катаньем.
Дальше —
три школы:
школа нормальная,
шахматная
и еще —
музыкальная...

Быстро
домашние сделав заданья,
пулей лечу
в кружок рисованья.
Папа сказал:
«Рисовать
непременно
должен уметь
человек современный!»

Кистью вожу.
а уже
на уме
группа
вязания и макраме.
Мама сказала:
«Занятье полезное.
Нервы,
мой мальчик,
будут железные!»

Все.
Отвязался.
В постель бы...
Да где там!
Папа —
футляр мне:
«Забыл ты об этом?
Гаммы!
А ну,
без единой ошибки!»
Час
перед сном
упражняюсь на скрипке.

Лег...
Так как был
«на орбите»
весь день я,
ночью —
несбыточные сновиденья:
вот по траве
босиком я ступаю,
вот что-то строю,
что-то копаю,
вылепил
бабу смешную
из снега я,
душу отвел,
просто по двору бегая.

Но...
хочешь быть
человеком культурным —
не забывай
о катанье фигурном.
Слышу я маму:
«Сынуля!
Пора!»
И — все сначала,
как и вчера.
То же — и завтра,
и послезавтра...

Жаль,
не учусь я
на космонавта!

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

5 марта — день рождения Розы Люксембург (1871—1919), деятеля немецкого, польского и международного рабочего движения.

«Провожу третье рождество в тюрьме, но не относись к этому трагично. Я спокойна и весела, как всегда... Как странно, что я постоянно живу в радостном настроении. Лежу я здесь в темной камере, на твердом, как камень, матраце, вокруг меня царит обычная кладбищенская тишина... А я тихо лежу одна, окутанная этими покровами темноты, скуки, неволи, зимы, и при этом мое сердце бьется от непонятной, неведанной внутренней радости, как если бы я шла по цветущему лугу, сияющему при солнечном свете. И я в темноте улыбаюсь жизни, словно знаю какую-то волшебную тайну, которая изобличает ложь и все горькое и злое, приносит только свет и счастье...»

Из письма Розы Люксембург к Софье Либкнехт.

8 марта — Международный женский день.

«Приближается ваш праздник,
Наступает месяц март.
Мы сегодня поздравляем
Всех девчонок и всех мам».

Игорь Смотраев, г. Москва.
Из «Кораблика», журнал «Пионер».

16 марта — день рождения А. М. Горького (1868—1936), русского советского писателя.

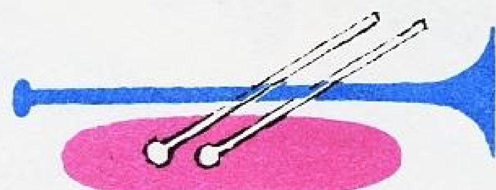
«Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Много говорил о дедушке.

Ленин слушал его с огромным вниманием, блестя прищуренными по привычке глазами, и раз как-то сказал Горькому:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...»

М. Андреева «Встречи с Лениным».

25 марта — день рождения Александра Чекалина — участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (1925—1941 гг.).

СПОР-ПЛОЩАДКА

Сегодня на нашей спор-площадке — разновозрастный юнкоровский отряд из Симферополя «СИНИЙ КРАБ-ЗЮЙД».

Ребят волнует вопрос:

КАК ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД МОЖЕТ ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЬГИ НА СВОИ НУЖДЫ?

Дважды лишают самостоятельности

Пионерский отряд нашего класса, как и другие отряды школы, летом проходил трудовую практику. Но 3—6-е классы денег за работу не получали. Считается, что мы маленькие. Те отряды, которые работали на заводе, получили мышиную долю денег, а бóльшая часть ребят работала в школе — они ничего не заработали. Вообще-то считается, что мы должны производить нужную предприятию или торговле продукцию. Но на деле все иначе. На деле — игра в труд. За игру, конечно, никто не заплатит. Так ребят дважды лишают самостоятельности: не дают им поработать серьезно и с пользой для людей и не позволяют распорядиться заработком. А ВЕДЬ МОЖНО БЫЛО БЫ ЗАРАБОТОК ПЕРЕДАВАТЬ ПРЯМО В СОВЕТ ДРУЖИНЫ ИЛИ ОТРЯДА НА ОБЩИЕ ЦЕЛИ.

Толя РАК, подшкипер, рулевой, ученик 6-го класса.

С нами не советуются

Все отряды нашей дружины летом работают в трудовых лагерях. За эту работу им начисляют деньги. Часть этих денег идет на благоустройство школы, какую-то малую долю должны получать ученики. Но все деньги расходуются так, что об этом никто ничего не знает. Невольно возникает мысль: может, они и идут на благоустройство, а может, и еще куда-то? НИКТО НАМ НИЧЕГО НЕ ГОВОРИТ, И НИКТО С НАМИ НЕ СОВЕТУЕТСЯ.

Витя МАТВИЕНКО, штурман, ученик 6-го класса.

Проблем нет

А наш отряд с этого года работает на производстве. И если нам понадобятся деньги, то мы из своего заработка внесем, сколько потребуется. Тут проблем нет.

Сережа ШЕВЧЕНКО, флаг-капитан, рулевой, ученик 8-го класса.

Ребята из отряда «Синий краб-зюйд» ставят непростые вопросы. Хотя и их можно кое о чем спросить.

Пытались ли юнкоры узнать у директора школы, сколько денег заработали их отряды и на что эти деньги были истрачены?

Обращались ли в совет дружины с просьбой часть заработанных денег передать отрядам?

Юнкоры журнала «Пионер», предлагаем всем вам включиться в этот разговор.

Расскажите, получают ли ваши отряды плату за работу во время трудовой четверти?

Куда идут заработанные средства?

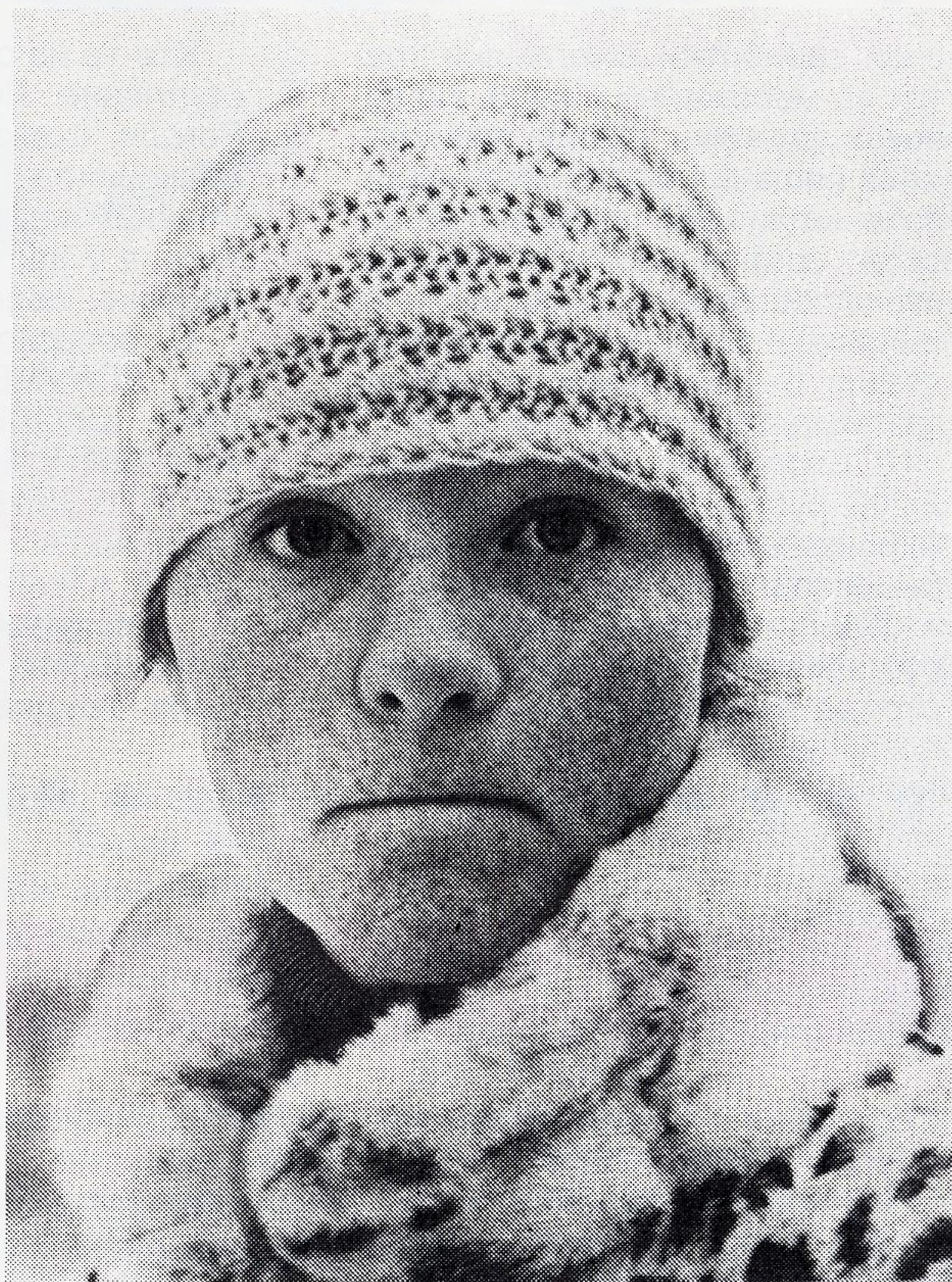
На конверте укажите девиз: «Деньги отряда».

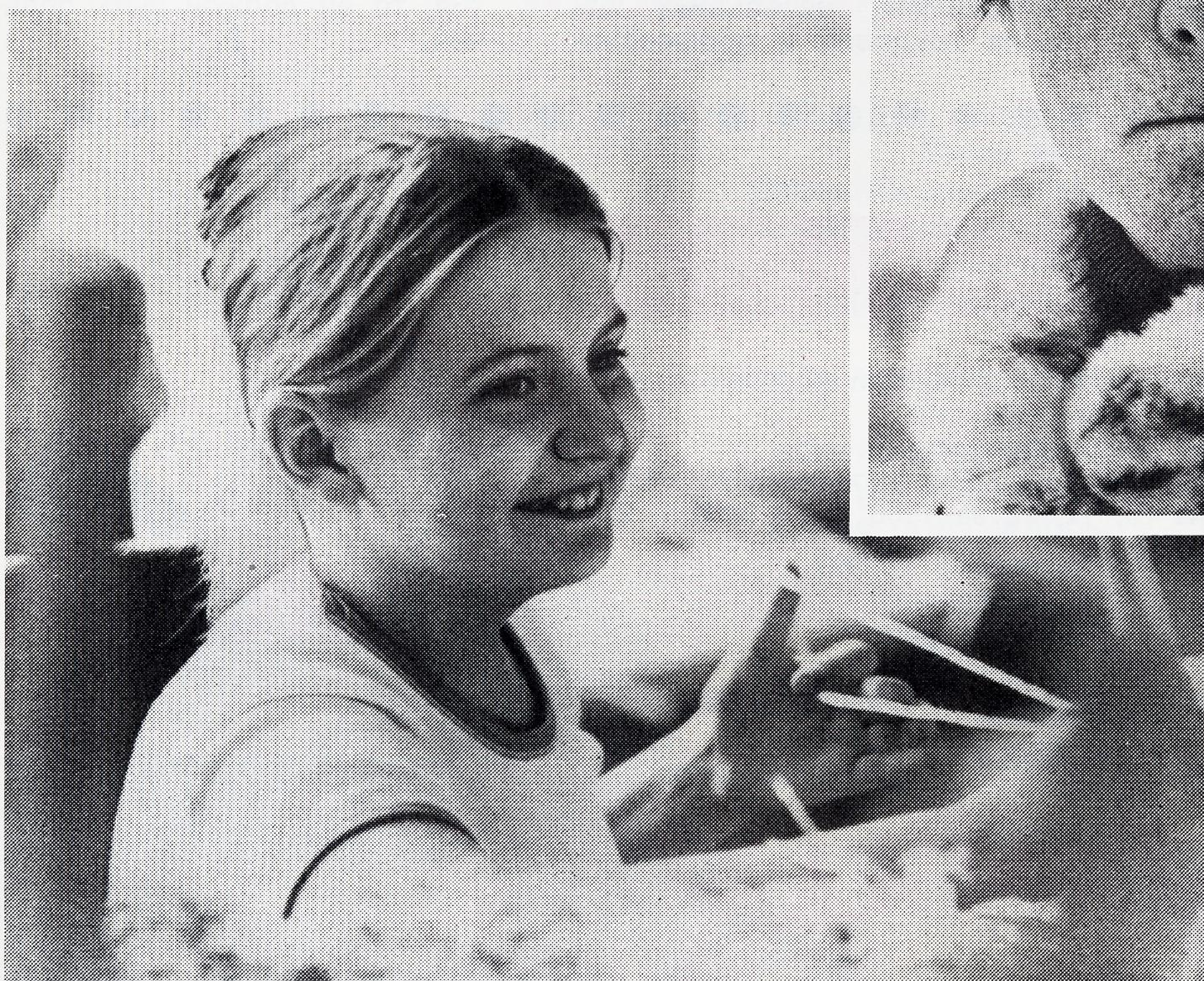

Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет, и пирожных,
и сластей всевозможных —
Вот из этого сделаны девочки.

С. Маршак
«Мальчики и девочки».

Фотографировали:

Павел ТРУБНИКОВ, 8-й класс, школа № 248, г. Москва.

Сергей ГРАЧЕВ, 9-й класс, школа № 371, г. Москва.

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

Помочь разобраться нам в сложных вопросах мы пригласили **заместителя директора московского опытно-экспериментального завода «Чайка» Леонида Ивановича РОГАЛЯ.** Вот что он рассказал:

— Школьному заводу «Чайка» 24 года. Каждый год пять тысяч школьников из 36 московских школ производят здесь товары на 2 миллиона рублей.

У нас есть четыре цеха: радиотехнический, электромеханический, швейный и типография. В основном на заводе работают школьники 8—9—10-х классов. Но в последние годы к нам приходят и ребята пионерского возраста — шести-семиклассники.

За работу школьники получают плату. Каждый учащийся знает расценки за ту или иную операцию; после смены мастер-наставник заполняет табель, куда записывает, кто и сколько сегодня изготовил деталей. Таким образом, ребята понимают, из чего складывается их заработок.

В первые годы существования «Чайки» деньги, заработанные учащимися, забирали школы на покупку спортивного инвентаря, игрушек для групп продленного дня, на ремонт здания... Школьники, по сути, своих денег не видели. И обратились к руководству завода с просьбой: выдавать зарплату им на руки.

Руководство завода и ученическое правление, созданное на «Чайке», решили, что это будет справедливо. Теперь ведомости заработной платы получают классные руководители и выдают деньги ребятам на местах.

Но это не значит, что все

свои заработки школьники тратят на мороженое и кино. На советах дружины, отряда принимаются решения: часть денег отдавать на нужды школы, пионерской организации. Те ребята, кто постоянно работает на «Чайке», отчисляют денежные суммы в Фонд мира, в фонды фестивалей.

В прошлом учебном году 2 000 рублей были переведены в фонд пострадавшим на Чернобыльской АЭС.

Так что заработать 30—40 рублей в месяц на нужды своего отряда пионеры вполне могут.

Кто-то из ребят, прочитав выступление Леонида Ивановича Рогаля, скажет: «Это только на московском школьном заводе «Чайка» можно деньги заработать, а у нас в городе (деревне, поселке, селе) нет».

С вопросом — СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДОКУМЕНТ, РАЗРЕШАЮЩИЙ ШКОЛЬНИКАМ ЗА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ПОЛУЧАТЬ ДЕНЬГИ, И С КАКОГО ВОЗРАСТА МОГУТ РЕБЯТА РАБОТАТЬ? — мы обратились к **Владимиру Николаевичу БАБЫКИНУ, начальнику отдела трудовой и профессиональной подготовки учащихся Министерства просвещения СССР.**

— Да, есть такой документ. Это постановление Госкомтруда СССР от 25 декабря 1984 года за № 374 «Об утверждении временного положения о порядке оплаты труда школьников в народном хозяйстве». Пионеры могут работать с любого класса — 4-го, 5-го, 6-го. Оплата зависит от содержания труда школьников. Если это труд по заданию какого-либо предприятия, то он должен быть оплачен.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Сегодня мы напоминаем вам все темы дискуссий на спор-площадке в этом учебном году.

На каждом барабане стоит девиз задания.

Кто забыл ответить на наши вопросы? Смотрите выпуски «Юнкоровского поста «РВС» в №№ 10, 11, 12 за 1986 год и №№ 1, 2 за 1987 год, присылайте свои заметки.

Ждем!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В совете дружины меня избрали председателем клуба друзей октябрят. Первый год я использовала все свои знания и каждый месяц проводила по 3—4 мероприятия для малышей. А сейчас моих знаний не хватает. Кто может рассказать, как интересно работать с октябрятами, напишите мне по адресу: 633050, Новосибирская область, Сузунский район, с. Бобровка, Наташе Бектяшкиной.

* * *

Я пионер-инструктор. Специальность — барабан. Знаю 17 маршей, но хотела бы знать больше. Кто знает маршей больше, чем я, напишите, пожалуйста, по адресу: 420095, г. Казань, ул. Серова, д. 13, кв. 47, Люде Тихоновой.

СВЕТ «ЗАРНИЦЫ»

...Раз-два, раз-два... Мимо меня ровными шеренгами шагали юнармейцы, участники XII Всесоюзного слета отрядов — победителей пионерской военно-спортивной игры «Зарница». А мне подумалось: разве «Зарница» только игра? Что же еще? Попробую ответить. Вернее, давайте попробуем разобраться вместе...

Встреча в Кой-Таше

На плацу царила обычная предотъездная суета. Отряды юнармейцев отбывали из Кой-Таша во Фрунзе. И в этот момент я увидел двух людей в военной форме. Они похлопывали друг друга по спине, смеялись и довольно громко приговаривали: «Ну, рад, рад! И я, и я рад!»

— Вот встретились,— обрадованно сообщил мне тот, что постарше, в погонах подполковника и с внушительной орденской колодкой.

У второго на правой стороне груди рубиново поблескивала «Красная звезда». Но, несмотря на то, что награды у обоих боевые, я уже понял: на фронте они вместе никак быть не могли. Хотя бы потому, что разница в возрасте у них лет тридцать, а то и больше.

— Леонид Абрамович Фрумкин,— представился один.

— Старший лейтенант Гулецкий,— по-военному козырнул другой и, пожимая мне руку, добавил: — Сергей.

— А откуда вы друг друга знаете?

— Мы из одной школы.

— То есть как?

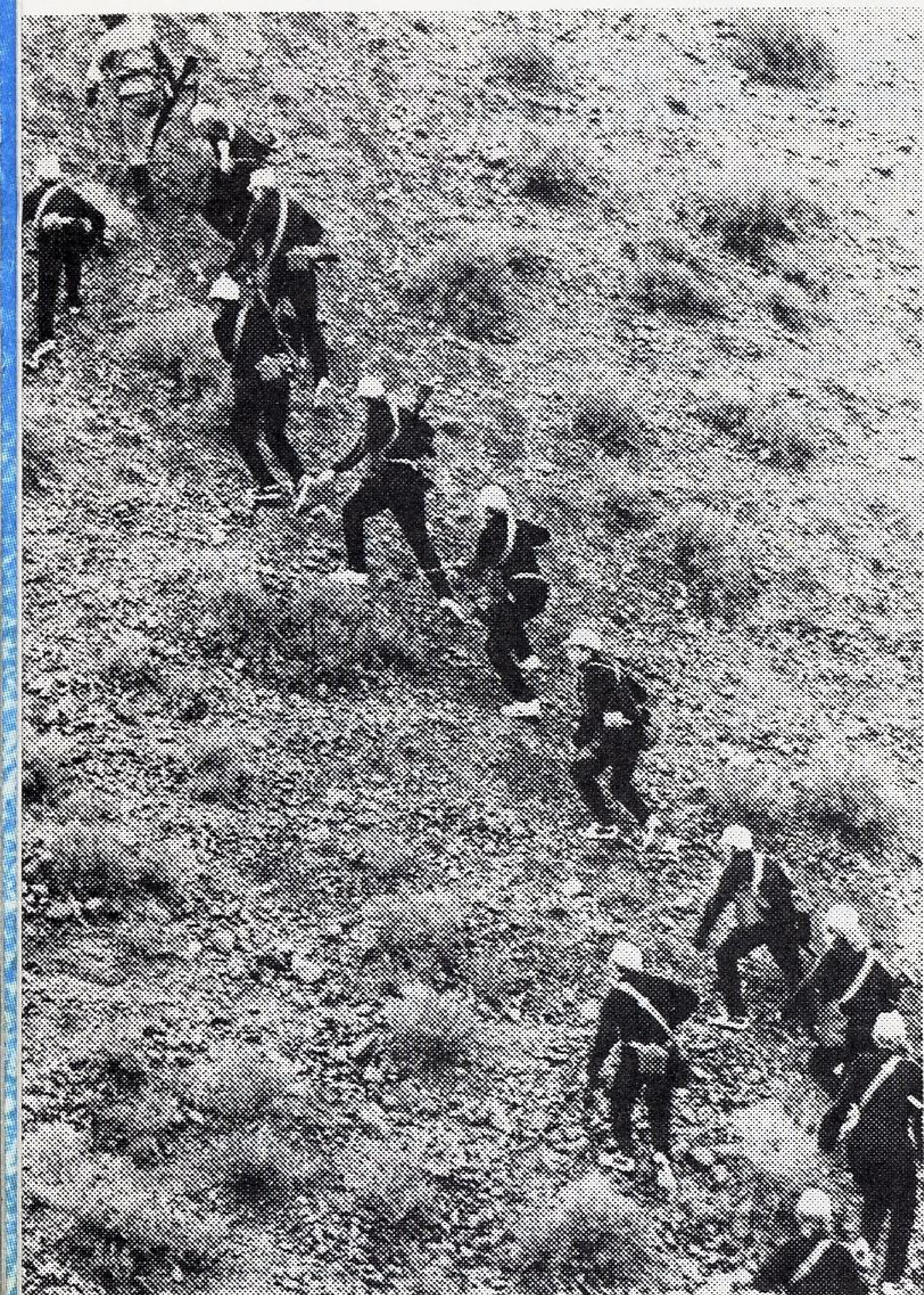
— Очень просто...

Оказалось, что Леонид Абрамович — преподаватель военного дела 144-й свердловской школы, а Сергей — ее выпускник. Так что азы своей профессии будущий старший лейтенант постигал именно на уроках Леонида Абрамовича. Мало того, с четвертого класса Сергей участвовал в «Зарнице», а военрук, естественно, помогал школьной команде в подготовке. Но это еще не все, в 1975 году юнармейский отряд 144-й свердловской школы, победив на областных соревнованиях, стал участником Всесоюзного слета в Ленинграде. Сергей Гулецкий был в этом отряде стрелком.

— Так, значит, вы бывший зарничник?

— Почему же бывший? — смеется Сергей.— Видите, снова на Всесоюзный слет попал. А если серьезно, то, честно скажу, не было бы «Зарницы» — не было бы и меня как профессионального военного. Все с «Зарницы» началось...

После школы Сергей поступил в Орджоникидзевское выс-

шее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза Еременко, в 1981 году его окончил и два года, выполняя интернациональный долг, прослужил в рядах ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан. Командовал взводом разведроты.

— Как вы считаете, опыт «Зарницы» помог вам в вашей службе?

Сергей задумчиво смотрел на меня.

— Хотите, расскажу про мой первый настоящий бой? Уже почти пять лет прошло, а как будто только вчера было...

Вражеский пулемет заставил весь взвод прижаться к земле. Надежного укрытия поблизости не было. Шагах в ста впереди дымил подорванный бронетранспортер, от него по правой обочине текла горящая солярка, а с левой стороны дорога просматривалась как на ладони. И тут впереди и левее бронетранспортера Сергей увидел огромный валун. Эх, добраться бы до него, а оттуда пулемет, если постараться, можно и гранатой достать... Только как добраться? Может, по горящей солярке, чтобы за дымом не было видно? А что, если сейчас и попробовать? Эх, была не была... Он и сам не заметил, как оказался около бронетранспортера, перемахнул через него и под захлебывающуюся очередь пулемета добежал до спасительного валуна. Теперь главное не промахнуться, добросить... Сергей сорвал чеку и кинул гранату. Пулемет замолк.

— А ведь это вы, Леонид Абрамович, меня гранаты кидать научили.

— Выходит, пригодились мои уроки,— кивая на Сергея, говорит мне военрук.

— Вы знаете,— продолжает рассказ старший лейтенант Гулецкий,— когда к нам в часть прибывает пополнение, я в первую очередь прошу выйти из строя тех, кто участвовал в «Зарнице». Верю, они будут моей главной опорой.

Так и сказал: главной опорой.

В бой идут одни... девочки

— Значит, в этом году у нас «Зарницы» не будет? — наседала на Владимира Петровича Лена Силаева.— В прошлом году была, в позапрошлом была, а в этом — нет?!

— Ну что же делать? — развел руками военрук.— Ты же сама видишь, не хватает у вас в классе ребят. Мальчишек то есть.

— А девочки, что, хуже, да? Хуже? — не отставала Лена.— Мы, что ли, бегать или стрелять не умеем? Тоже, между прочим, военное дело проходим. А получается, как районный смотр сандружинниц — так мы, как боевые листки выпускать — так тоже мы. А как до дела дошло, так нас в сторонку?!

— Да не в сторонку вовсе... Но, сама знаешь, игра у нас, конечно, пионерская, но военно-спортивная... И, значит, мальчики нужны... Нет, девочки, естественно, тоже могут играть,— предупредил возмущенный жест Лены Владимир Петрович,— они даже по уставу должны входить в отряд. Но все-таки костяк отряда — мальчишки...

— А в войну женщины, как вам известно, не хуже мужчин воевали, вот...

И тут Лена прочла военруку целую лекцию, которую можно было бы озаглавить «Женщины в Великой Отечественной войне». Да, видно, к разговору

она подготовилась капитально. Чуть ли не всех женщин — Героев Советского Союза вспомнила.

— ...А одна из них прошла всю войну в морской пехоте. И даже получила за это медаль Международного Красного Креста имени Флоренс Найтингейл... А вы знаете, что такое служба в морской пехоте?..

Фронтовик, подполковник Владимир Петрович Черников знал, что значит служба в морской пехоте. И, если честно, ему самому было жаль, что их 1-я школа Тракторозаводского района Волгограда не будет в этом году участвовать в «Зарнице». Четыре года подряд его ребята выходили победителями в городском финале, занимали призовые места и на областных соревнованиях. А тут, ну, как назло, в седьмом классе мальчишек раз-два и обчелся... Но упорство Лены было ему все же по душе.

— Ладно, давай попробуем сформировать отряд. Глядишь, может, что и выйдет.

Отряд был создан в тот же день. Его командиром, как и предполагал Владимир Петрович, стала Лена Силаева.

Когда отряд 1-й школы рапортовал о прибытии командующему областной «Зарницей», позади раздались смешки:

— Гляди, девчонки. В дочки-матери играть, что ли, приехали?

Но ни девочки, ни военрук даже не обернулись. Они были уверены в своих силах.

Это можно было назвать триумфальным шествием. Лучшим командиром признана Лена Силаева. Победа в военно-спортивной эстафете. Первое место по стрельбе... И результат — путевка во Фрунзе на XII Всесоюзный слет отрядов — победителей пионерской военно-спортивной игры «Зарница».

...И снова Лена Силаева сдавала рапорт. А среди принимавших его оказалась Екатерина Илларионовна Демина. Та самая, прошедшая войну в рядах морской пехоты и награжденная медалью имени Флоренс Найтингейл.

Командир

— Вы только...— Наташа Ершова из 42-й краснодарской школы имени В. И. Ленина ненадолго замолкает, а потом, смущаясь и краснея, все же продолжает: — Вы фамилию его, пожалуй-

Трудное это дело — быть зарничником. Ведь, помимо всего прочего, надо еще и быстро бегать, и метко стрелять, уметь подтянуться и поразить цель с одной гранаты, брать штурмом «высоты» и лихо маршировать, отлично плавать и весело петь...

ста, не называйте. Он вообще-то парень неплохой. Просто не у всех ведь командиром быть получается...

А дело было так. Выбирали командира юнармейского отряда. И руководитель школьной «Зарницы» Александр Леонидович Каракулин предложил одну кандидатуру...

— Спортсмен, кандидат в мастера, учится неплохо и такой из себя видный, высокий,— объясняет Наташа.— Мы все и проголосовали. И тут началось... Подтягиваемся мы на турнике. Командир — первым. Он подтягивается и лучше, и больше всех. А потом встанет возле турника и покрикивает на нас: «Давай, давай, тянись... Эх, ты, слабак... Каши надо больше есть...» Я от этих его окриков чуть не плакала. И так подтягиваюсь, если честно, не очень, а тут вообще силы пропадали... Или на тренировке на полосе препятствий. Он, понятно, снова все делает быстрее и лучше. А потом — та же картина. Стоит и над оставшимися посмеивается. И ни тебе посоветовать что или помощь какую оказать... Я однажды слышала, как ему за это Александр Леонидович выговаривал. А он в ответ: «Я им не нянька! Я-то все сам нормально делаю. Вот пусть с меня пример и берут!» Представляете?

А летом ребята отправились в многодневный поход по горам. Шли через Белореченский, Гузерипльский, Черкесский перевалы, по местам кровопролитных сражений за Кавказ. Командир, конечно, шагал впереди. И рюкзак нес немалый. Только назад редко оборачивался, а если кто просил подождать или отставал, презрительно хмыкал.

— У меня тогда так ногу натерло.— Наташа снова слегка краснеет.— Ну просто ужас! Уселась я на одном из привалов. Даже рюкзака нет сил снять. Губу закусила, чуть не реву. А он мне: «Если не умеешь ходить в походы, дома надо сидеть!» Ну, я и заревела. Нет, не от боли — от обиды. А он взвалил свой рюкзак и вперед. Ребята было за ним потянулись, но все же остановились, топчутся на месте, на меня смотрят... Вроде и за командиром надо идти, и меня жалко... А Александр Леонидович не вмешивается! Он потом сказал, что специально. Хотел посмотреть, чем все это кончится. И тут Саня Григорьев взвалил на себя мой рюкзак и пошел... А ведь он совсем не такой здоровый, как наш командир...

Потом мы остановились на ночлег. И командир заявляет: мол, все устали, поэтому палаток ставить не будем. Тепло — и так спать можно. А Александр Леонидович: нет, надо ставить. А командир на своем стоит. И опять Саня Григорьев всех выручил: поднял он с шуточками-прибауточками ребят и две палатки поставили...

В общем, накопилось у нас у всех обид на командира выше головы. И тогда же вечером решили мы его переизбрать. Саню выбрать. А Александр Леонидович не возражал. Молодцы, сказал, что сами догадались...

Не знаю, толково ли я вам все рассказала, но то, что мы здесь, во Фрунзе, одно из призовых мест получили, во многом Санина заслуга. Это уж точно! Все-таки здорово «Зарница» людей раскрывает. Ведь не будь ее, могли бы мы Саню Григорьева и не заметить, вот так!

Искать и помнить

Это было одиннадцать лет назад. Семиклассники 18-й школы города Бийска, что в Алтайском крае, на отрядном сборе создали юнармейский отряд. На это собрание и зашел тогдашний директор школы, фронтовик Александр Андреевич Шкомов. Он присел на заднюю парту, молчал, слушал, а потом попросил слова:

— Вот вы сейчас составили неплохой план. Есть в нем и сдача норм ГТО, и соревнования по плаванию, и дальние походы... Все это, безусловно, нужно. Но, мне кажется, вы забыли одну очень важную вещь. Мало просто сказать: будем достойны памяти дедов и отцов. Надо сохранить эту память. Сейчас фронтовиков, к сожалению, с каждым годом становится все меньше и меньше... Вот у нас в Бийске был аэроклуб. Многие его выпускники стали военными летчиками. Почему бы вам не заняться историей этого клуба, поиском его выпускников?

...Прошло одиннадцать лет. Сменилось не одно поколение зарничников, а поисковая работа не прекращается. Сейчас за нее отвечает пионерский отряд имени Героя Социалистического Труда А. А. Крылова. Кстати, тоже выпускника Бийского аэроклуба, известного летчика, бывшего начальника Новосибирского аэропорта.

Без выпускников аэроклуба сегодня невозможно себе представить дружинные сборы, праздники... Порой даже казалось, что их всех в школе знают наперечет, но...

Шел слет ветеранов 36-й гвардейской авиадивизии. Пригласили на него и юнармейцев 18-й бийской школы.

Многих ребята здесь уже знали. Знали потому, что именно в этой дивизии служил когда-то их давний друг, выпускник аэроклуба Иван Прокопьевич Бачурин. Он-то и превратил в традицию встречи пионеров со своими фронтовыми друзьями.

И на этот раз все было, как обычно. Разговоры, обмен впечатлениями, объятия, шутки, смех... Юля Шадрина даже сама не понимает, каким образом услышала она в таком многоголосии эту фразу:

— Я-то на них еще в Бийске летал...

Посмотрела на говорившего. Нет, не знаком. Но подойти в одиночку не решилась. Разыскала командира отряда Алешу Пятачкова. Немного смущаясь и краснея, Алеша отозвал того человека в сторонку, объяснил, кто они, а потом спросил:

— Мы тут случайно услышали — вы про Бийск говорили. Ну, что вы там летали. Так, может, как раз в клубе нашем занимались?..

— Занимался! И на фронт оттуда ушел...

Так ребята подружились с еще одним выпускником Бийского аэроклуба — Иваном Кузьмичом Петровым. Вот и выходит, что старая дружба дает начало новой. Ведь не подружись тогда ребята с ветеранами 36-й гвардейской, не было бы и этого нового знакомства.

* * *

Так что же такое «Зарница»? Игра? Безусловно. Но игра, которая учит не только быстро бегать и метко стрелять... Из тех историй, что я рассказал, вы, наверное, поняли: «Зарница» еще и учит честно жить, любить свою Родину, творить добро, помогать людям... В общем, учит быть Человеком.

Николай ЛАММ

Фрунзе — Москва.

Фотографии В. МАШАТИНА.

Марк КАРПОВИЧ

КРЫША

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Мы сидели на крыше нашего дома — большого старого пятиэтажного дома, расположенного в самом центре Москвы, недалеко от Политехнического музея. И, добавлю, от Ильинского сквера, где стоит памятник гренадерам, воевавшим с турками в прошлом веке. Да в конечном счете и от самого Кремля.

Это я все к тому, чтобы стало понятно, в каком незаурядном месте стоял наш дом. Мы, мальчишки, само собой, гордились подобным соседством и при случае не забывали о нем сказать. Но свои свободные часы по большей части проводили все же у себя во дворе. Покрытый выбитым асфальтом, зажатый со всех сторон громадами кирпичных корпусов, заваленный разбитыми бочками, ящиками, бутылями из продуктового магазина, занимавшего первый этаж, он тем не менее был нам чем-то мил. В нем мы умудрялись играть не только в «чижика», но и в лапту, и, уж конечно, в казаки-разбойники. Летними вечерами там озорно голосила гармошка, и ребята постарше самозабвенно топтались в старинном тустепе, краковяке.

Но временами дворовые развлечения надоедали. Тогда нас тянуло поближе к небу — на крышу. Здесь был совсем другой мир — просторный, светлый, чистый, пахнущий свежестью высоты, ее ветрами, а главное, недоступный осуждающему взгляду взрослых.

Да, крыша была нашим мальчишеским царством, мы владели им безраздельно.

Мы понимали, конечно, что лазить по крышам опасно, родители внушали нам это без конца. Но ведь известно, как сладок запретный плод! И летом мальчишеские десанты то и дело высаживались наверху. Только безнадежные трусы, изнеженные маменькины сынки не отваживались на это. Разумеется, их дружно презирали.

Итак, в тот памятный день мы как раз забрались на крышу. Нас было трое: белобрысый, ужасающе тощий и потому неестественно длинный на вид семиклассник Вася Брыскин; крепкий, спортивного склада смугляк, его одногодок Саша Кириллов и я, обыкновенный московский подросток, о котором мне трудно сказать больше: для этого надо видеть себя со стороны. Но если кто из нас и заслуживал подробного описания, то это был, конечно, Саша Кириллов, Сашка-волейболист.

Дело даже не в том, что он считался лучшим спортсменом района, играл за детскую сборную команду Москвы. Самое главное, по крайней мере для меня, в нем было другое: Сашка никогда не расставался с пионерским галстуком. Нигде. Даже на спортивную площадку в соревнованиях самого высокого ранга выходил с галстуком на шее. Пламенные язычки кумача и сейчас полыхали на его белой рубашке.

Впрочем, что же тут удивительного? Ведь там, в знаменитой на всю столицу пионерской базе «КИМ», куда входила его школа, все они были такие, одержимые. Салют на улице друг другу отдавали. А как маршировали, как пели! Таких барабанщиков, фанфаристов, как у них, тоже, наверное, нигде не видывали. Словом, Кириллов был настоящим «кимовцем», и этим все сказано.

Поэтому, кстати, забираясь с ним вместе на крышу, нечего было и думать о том, чтобы там тайком покурить или перекинуться в карты. Такого Кириллов не терпел.

— Давайте просто немного позагораем. Ладно? — предложил он, по обыкновению слегка картавя.— Солнце-то нынче смотрите какое!

Солнце в самом деле грело подходяще. Мы уютно устроились возле слухового окна, скинули рубахи, засучили штанины — и загорали, пожалуй, впервые после долгой зимы. Лениво перебрасывались словами. Общая тема нашлась сразу: все мы, несмотря на каникулы, застряли в городе.

— Ты поедешь куда-нибудь? — спросил я Ваську Брыскина.

— Кажись, поеду,— ответил тот, не очень, впрочем, уверенно.— Тетка вот в деревню зовет. Там, знаешь, как хорошо? Караси в пруду — во какие!

Он развел руками — караси у него получились

со щуку. Мы с Сашкой прыснули со смеху. Смущенно ухмыльнулся и сам Брыскин.

— Ну, это я маленько загнул... А ты сам-то куда? Небось, в пионерлагерь?

— В лагерь,— подтвердил я.— Во вторую смену.

— А я бы и в первую уже уехал,— вставил, вздыхая, Сашка.— Да нельзя.

— Почему?

— Тренировки. Через неделю с Харьковом играем. Потом с Ленинградом.

— Когда же отдыхать-то?

— Потом. Обещали даже в «Артек» отправить.

— Не врут?

Кириллов пожал плечами.

— Кто его знает? Может, и не отправят.

Молодчина он! Другой бы на его месте непременно стал задаваться: нас, чемпионов, мол, не обойдут, а он принял сомнение как должное. Даже еще добавил:

— Боюсь, вообще я с этой сборной погорю. Отец и так ворчит.

— А ему-то чего?

— Как это «чего»? Осенью у меня переэкзаменовка. По алгебре.

— Выходит, доигрался? — Я даже свистнул от удивления. Вот уж не думал, что с ним может случиться такое.

— Да нет, я, конечно, сдам,— ответил Кириллов.— Если надо, просижу в Москве хоть все лето, а подготовлюсь. И до мяча даже не дотронусь. Честное пионерское!

В устах другого столь пылкая клятва здесь, на раскаленной крыше, где мы сидели почти нагишом, звучала бы смешно. Но Сашке можно было верить. И мы с Васькой не стали спорить.

— Сейчас бы, братцы, хорошо искупаться...— мечтательно протянул Брыскин. Крохотные капельки пота росой блестели на его веснушчатом лице.— В Филях бы побывать или в Нескучном саду... Может, махнем?

— Что ты? — возразил Сашка.— Вода еще холодная. Забыл: лето началось только...

— Ну и что же? В прошлом году мы с ребятами в Измайловском пруду даже в мае купались. Знаете, как здорово было? Помню еще...

Васька не договорил. Мы так и не узнали, что именно он еще помнил, потому что разом повернули головы вправо. Там гулко загремело железо. Кто-то, пока невидимый, быстро топал по противоположному скату крыши. Не успели мы вскарабкаться наверх, как на гребне крыши возник Колька Исаченков, по прозвищу Шанхай.

Да, тут уж ничего не скажешь: улица умела давать клички. Второго такого меднокожего, скуластого подростка с глазами-щелочками, с жесткими черными волосами было не сыскать во всей округе, по крайней мере в радиусе до Чистых прудов.

Несмотря на теплынь, Шанхай и сегодня не расстался с грязноватой фуражкой-капитанкой, надвинутой до бровей. Такие фуражки, с длинными и прямыми, как руль, лакированными козырьками, говорили тогда о многом. В них щеголяли самые отпетые парни, не слишком уважавшие общественный порядок. И те, кто подражал им.

Колька-Шанхай, понятно, не относился к нашей компании. Но он жил в том же доме, его право на эту крышу тоже было неоспоримо. Впрочем, он и на чужой держался бы как хозяин.

— Ну что, все пекетесь, черти ленивые? — спросил он с ухмылочкой, пружинящими шагами спустился к нам и лихо уселся на слуховое окно.— А я вот деньгу зашибаю... Трешку с утра уже начистил.

Шанхай небрежно тряхнул карманом засаленных брюк. Звякнули монеты.

— Слыхали? Мог бы и больше!

Он занимался запретным для нас ремеслом — чисткой ботинок на улице — и похвалялся перед нами своими доходами.

— Ты как сюда залез? — спросил Васька явно для того, чтобы сбить его с неприятной темы.

— Известно как: по пожарке. Что я, пижон — через чердак топать?

Опять нам в пику. Залезать на крышу дома по отвесной пожарной лестнице, прилепившейся к кирпичной стене, удовольствие, скажу вам, не из самых приятных. Я раза два лазил, знаю, что это такое.

Можно было, конечно, ответить Шанхаю, чтобы он особенно не важничал, что пожаркой нас вообще-то не удивишь и лезть по ней сейчас, когда все чердаки открыты, просто глупо... Можно было, но... мы не стали. Как-никак у нас с ним сложились несколько особые отношения. Мы, все трое, плохо ли, хорошо ли, но учились в школах. Шанхай же, в прошлом хронический второгодник, давно отбился от всякого учения. Считалось, правда, что он подрабатывает в какой-то сапожной мастерской. Но, судя по всему, он больше занимался другими делами. Той же чисткой ботинок, например. Понятно, на нас, школьных затворников, он, человек вольный, смотрел свысока и не упускал случая зло подковырнуть. Мы тоже его не больно жаловали, но держались осторожно, избегая прямых столкновений: как-никак за ним стояла темная сила уличных дружков, носивших такие же капитанки.

Посидев с нами минуту-другую, Шанхай не выдержал:

— Скукота тут. Только языками и чешете. Давайте-ка лучше в картишки. Ну?

Он тут же вытащил из кармана замусоленную колоду карт.

— Кто первый со мной? В очко!

— Отстань,— сказал Васька Брыскин.— Ты же знаешь: мы в очко не играем.

— У нас и денег нет,— добавил я для пущей убедительности.

Но Шанхая уже трудно было остановить.

— Наплевать. Могу и в долг, раз вы такие нищие. Пятак ставлю для почину, начинай! Вот хоть ты...

Он совал карту Сашке Кириллову. Тот отстранился:

— Тебе же русским языком говорят: не надо.

— Чего-о-о? — Шанхай вскипел.— Не надо! Ишь, какой чистенький выискался. Тебе что, может, вот это мешает?

Рукой, заляпанной сапожной ваксой, он грубо ухватился за красный галстук.

Тут надо кое-что объяснить. Если у меня и Васьки были сложные отношения с Шанхаем, то Кириллову приходилось еще труднее. Его пионерская стойкость особенно раздражала Шанхая. Он всегда видел в ней вызов, пусть и молчаливый. Похоже, у него на Сашку давно чесались кулаки. Но и тот был не робкого десятка: первым драться не полезет, а сдачи даст непременно.

— Убери ручищи! — картавя больше обычного, потребовал Сашка и сам стал красным, как кумач.

Но Шанхай не торопился. Тогда Кириллов резко шлепнул его по руке.

— А, ты вон как? — Шанхай вроде как бы даже удивился.— Ну, я те счас врежу!

— Бросьте, ребята! — Васька Брыскин вклинился между ними. — Перестаньте!

Шанхай все-таки успел нанести удар. Его кулак, хоть и вскользь, чиркнул о Сашкину скулу.

Наклонив голову, Кириллов ринулся на обидчика. Но Васька, наш добрый, миролюбивый Васька, этот белобрысый дворовый дон-кихот, и тут попытался его удержать, ухватил за локоть.

— Да не мешайся ты! — зло крикнул ему Кириллов и оттолкнул в сторону.

То ли толчок был сильный, то ли Брыскин вообще плоховато держался на ногах, только произошло нечто ужасное. Он упал и, переворачиваясь словно бревно, стремительно покатился к краю крыши.

Единый вопль вырвался из наших глоток. Васька погибал на наших глазах. Еще мгновение — и он рухнет туда, вниз, в страшную глубину каменного колодца.

Признаюсь, я малодушно зажмурился. А когда открыл глаза, увидел чудо. Чудом были Васькины

Шанхая уже трудно было остановить. Похоже, у него на Сашку Кириллова давно чесались кулаки. Но и тот был не робкого десятка — первым в драку не полезет, а сдачи даст непременно.

пальцы, все же как-то уцепившиеся за низенький железный бортик, тянувшийся вдоль крыши, по самому краю. Сверху мы не видели даже его затылка. Только кисти рук и пальцы, которые могли разжаться через мгновение.

Я видел, как смертельно побелело только что пылавшее лицо Сашки. Как еще больше сузились азиатские глаза Шанхая. У меня самого перехватило дыхание.

Первым опомнился Кириллов. Скатившись к бортику, он попытался протянуть повисшему руку. При этом он страшно рисковал: сорваться ничего не стоило. Но Васька никак не реагировал — должно быть, ошалел от страха или просто ничего не слышал. До нас доносились лишь его невнятные всхлипы.

Едва ли беднягу видели и с земли. Люди обычно не ходят, задрав голову к небу. К тому же Васька висел над той стеной дома, которая выходила во двор, в этот час, как всегда, пустынный. Кричи не кричи — все напрасно.

Надо было как-то помочь Кириллову в его попытках. Я двинулся вниз, но он остановил меня:

— Назад! К трубе!

Он кричал так властно, словно уже придумал какой-то спасительный план. Невольно я подчинился.

Небольшая кирпичная труба торчала где-то на середине крутого ската крыши. От него до края оставалось шагов пять, не больше.

— Садись верхом с той стороны, да быстрее! — продолжал распоряжаться Сашка.— И лапы, лапы вперед!

— Зачем?

— Будешь держать Шанхая за ноги. Что есть мочи. Понял?

Кажется, я что-то начинал соображать. Значит, так: я ухвачу ступни Шанхая, тот, следовательно, вытянется ниже, в свою очередь возьмется за ноги Сашки, а тот...

— Ваську ты, что ли, потянешь? — спросил я.

Кириллов не ответил. Не до того ему было. Он смотрел на Шанхая: как тот себя поведет? От этого зависело многое, быть может, все.

Секунду Шанхай колебался. Он не привык, чтобы им командовали. Неужели откажется помочь?

— Колька...— просительно сказал я, впервые называя его настоящим именем.

— Да ладно тебе! — отмахнулся он и, не прибавив больше ни слова, вмиг сам растянулся на крыше, головой вниз, ногами ко мне. Сашка тем же манером плюхнулся ниже его, на самом краю крыши.

— Взяли!

Этот Сашкин выкрик — его боевой приказ — поставил все на место. Замысел Кириллова стал отчетливо ясен.

Живая цепочка мальчишеских тел растянулась по скату крыши. Верхним звеном ее, накинутым на трубу, оказался я, самый младший из всей троицы. Поэтому-то, думаю, мне и отводилось это место: опасности тут было меньше всего. Средним оказался гибкий, мускулистый Шанхай. Ну и замыкал цепочку Сашка Кириллов. Ничего не скажешь: он сам взял на себя труднейшее и рискованнейшее дело. Ведь ему надо было так далеко выдвинуться на край крыши, чтобы захватить руки Васьки выше запястий и попытаться втащить его наверх.

Выдержим ли мы, не разомкнутся ли наши ладони в самый решающий миг?

Такого напряжения всех сил я не знал еще никогда. Упираясь грудью в трубу, обхватив ее ногами, я испытывал такое чувство, словно мне расплющили тело, ощущал плечами остроту кирпичных граней и, наверно, кричал бы от боли в другой момент. Но сейчас боль ничего не значила в сравнении с тем, что зависело от наших усилий.

Склонив голову, одним глазом я видел из-за трубы, что происходит там, впереди.

После нескольких безуспешных попыток Кириллов все же изловчился и ухватил Ваську за обе руки.

— Тянем! — донеслось оттуда.— Помалу.

Не знаю, что это давало практически, но только я так тянул к трубе раскоряченные ноги Шанхая, что, казалось, у меня лопнут глаза и сломаются позвонки. Шанхай, надо думать, старался не меньше. И конечно, труднее всего было Кириллову. Мы-то, верхние, в сущности, лишь страховали его действия. Тянул же Брыскина прежде всего он.

Дело шло туго.

Васькино лицо, запрокинутое назад, мертвенно-бледное, с беззвучно раскрытым ртом, на мгновение чуть показывалось из-под карниза и снова скрывалось под ним. Так повторялось несколько раз.

Но вот то ли он нащупал ногами какую-то случайную опору, то ли наконец сказались наши старания, только голова его поднялась выше, показались плечи, и Брыскин медленно перевалился через край, в нашу сторону. Еще секунда — и он уже лежал на крыше всем животом, лежал обессилевший, почти помертвевший от страха, но главное — живой.

Живой! Да, теперь мы знали, что Васька спасен. Все-таки Сашка последним усилием оттянул его подальше от края. Мы с Шанхаем одним духом слетели к нему, наклонились над спасенным.

— Ну как ты? Ничего?

— Ни-че-го,— ответил он, почему-то по слогам, должно быть, от волнения.— Це-лый.

Он сел. В его лице не было ни кровинки. Зато веснушки проступали ярче обычного.

Нет, Васька не благодарил нас. Может, потрясенный случившимся, еще не понимал, что обязан нам жизнью. А может, просто этого и не требовал наш тогдашний мальчишеский кодекс чести, где доброе дело расценивалось, как нечто вполне обыкновенное, само собой разумеющееся — не более того.

Так или иначе, мы не услышали от него никаких одобрительных слов. Да и к чему они нам были, такие слова? С нас было довольно одного сознания того, что мы выручили товарища из беды, спасли человека. И мы тоже не говорили сейчас об этом, не поздравляли друг друга, скупые на проявление подобных чувств. Зато внутри у нас все пело.

Я говорю «у нас», причисляя сюда и Шанхая, который тоже поддался общему настроению. Он медленно подошел к Кириллову и грубовато. но вполне дружески ткнул его кулаком в плечо:

— А ты, брат, силен. Молоток!

И грозный Шанхай снова, но уже совсем по-другому, чем прежде, дотронулся до красного галстука Сашки. На этот раз осторожно, даже, пожалуй, почтительно.

И тут же, не сговариваясь, мы, все четверо, взбежали на самый гребень крыши, а потом, обнявшись за плечи, твердо пошли по всему дому.

Рыжее июньское солнце стояло над нами. Топот ног по железному настилу вызывал грохотание, похожее на раскаты грома. И этот гром, рокочущий над крышами лежащей внизу Москвы, казался нам самой сладкой музыкой на земле — музыкой нашей победы.

НАЗНАЧАЮ СЕБЯ ТИМУРОВЦЕМ

«О велении сердца и работе для «галочки» — так назывался материал, опубликованный в № 8 «Пионера» за прошлый год. Разговор о проблемах тимуровцев задел многих наших читателей. Еще бы не задеть, если не сегодня, так завтра к любому из них может подойти председатель совета отряда и сказать: «Даем тебе пионерское поручение быть тимуровцем!» Если тимуровец сомневается, нужен ли он. Если тимуровского штаба нет, а отчеты о его работе все равно пишутся. Если...

Впрочем, давайте познакомимся с письмами ребят и вместе подумаем над ними.

Вызовутся — не вызовутся?

«В некоторых школах тимуровская работа стала как должность».

«Надо, чтобы ребята сами вызывались вступить в отряд. Тогда тимуровская работа станет не поручением, а заботой о людях по велению сердца», — считают Володя Глазов и Юра Строганов из города Обнинска.

А действительно, почему назначают, почему заставляют? И не пора ли нам вытащить за ушко да на солнышко всех этих «назначителей» и «заставлятелей»? Это будет несложно. Назовем имена, осудим публично. А потом оформим приказом справедливые слова Володи и Юры, повелев, чтобы с завтрашнего дня все ребята сами вызывались быть тимуровцами. Да, вот так. Потому что, если приказом не оформить, то может случиться, что сам никто не вызовется... И снова, как прежде, придется давать ребятам поручение — быть тимуровцами.

Так, к сожалению, в жизни нередко и происходит. Не хватает желающих — назначают нежелающих. И выходят вновь назначенные «должностные лица» в поход на поиски работы. Звонят в незнакомые двери. Спрашивают, насупясь, у настороженных старушек, не надо ли, мол, чего... И возвращаются домой разобиженные: никому ничего не надо!

А между тем, заметьте, каждый из этих ребят знает хоть одного человека в своем собственном родном доме, которому помощь нужна! И если бы, скажем, к Евдокии Ивановне с девятого этажа постучался утром не целый отряд незнакомых мальчишек, а Виталик из соседней квартиры... И если бы Виталик не показывал всем своим видом, что выполняет чье-то тяжелое поручение, а сказал просто: «Баба Дуся, в булочную иду. Вам, как всегда, батон и пол-орловского?»...

Но для того, чтобы постучаться по своей воле в эту дверь, надо обладать, как минимум, двумя важными качествами: добротой и чувством долга.

Вот и получается, что добровольно в тимуровский отряд записываются те, у кого эти замечательные качества достаточно развиты. А к остальным, выходит, лучше и не подступаться. Нет у собаки хобота, нет у крокодила крыльев, а у Васи Сидорова нет доброты... Куда ж ему в тимуровцы?

Таких Вась не меньше, чем добровольцев в тимуровцы. И может такой Вася решить: «Нет у меня доброты, нет чувства долга и не надо». **А ведь необходимые качества можно и нужно в себе вырастить.** В десять — тринадцать лет самый рост! Растут люди, а вместе с ними растут и их душевные качества. Всякие. Если, например, кто-то пройдет равнодушно мимо чужой беды, как чертополох, кверху рванет жестокость. А поможет слабому этот кто-то — в рост пойдет доброта.

Хочу поспорить

«Я думаю, что надо вернуть романтику тимуровской работе. Я могу предложить один вариант. Надо прикреплять к дверям ветеранов записки: «Уважаемый товарищ! Мы предлагаем Вам свою помощь.

Напишите нам ответ и задания. Записку прикрепите к двери». Иван Нардюжев, ученик 5 «А» класса, Калужская область.

Об исчезнувшей тимуровской романтике пишут многие. Спрашивают, как ее вернуть, особенно в городских условиях. Предлагают разные игры.

Что ж, можно, конечно, работать и в масках, и новые имена себе придумывать. Разнесутся по школе интригующие слухи, в отряде от желающих поиграть в жмурки отбоя не будет. В жмурки, в благородных разбойников, в индейцев, но только не в тимуровцев. «Почему? — спросите вы.— Ведь гайдаровские ребята играли...» А вот тут есть о чем поспорить! Подумайте, разве ради романтики таились Тимур и члены его команды? **Тайна давала им возможность делать добро по своей воле, самостоятельно.**

Есть и еще одно важное обстоятельство. Герои повести Гайдара были скромны и бескорыстны. Попробуйте-ка представить себе Тимура, берущего за услуги полтинник на мороженое... Не получается? А в наши дни с тимуровцами и такие бывают случаи. Трудно упрекнуть стариков. Они не хотят оставаться в долгу, им приятно порадовать чем-нибудь своих юных помощников. Но ребята, если они настоящие тимуровцы и помогают от чистого сердца, никогда не возьмут «чаевые». У них появляется естественное желание, сделав доброе дело, стать невидимками. Они понимают: невозможно ставить пожилого человека в такое положение, когда он обязан «отблагодарить».

Романтика хороша, если она не становится самоцелью. Возвращать ее или изобретать вновь — надо подумать. Но вот что тимуровцам возвратить действительно необходимо — так это **самостоятельность.**

Кое-что о бумажках и чердаках

«Наш тимуровский штаб только требует отчеты и ставит «галочки». Из письма Светланы Истратовой, Краснодарский край.

«Уж очень нам стали нравиться красивые бумаги! Мы редко помогаем ветеранам, но уж если поможем, то потом так хвалим себя в отчетах!» — пишет Катя Байметова из поселка Майский Бурятской АССР.

Все, кто смотрел кинофильм «Золушка», наверное, очень веселились, когда мачеха и ее дочки подсчитывали на балу знаки внимания со стороны принца. Эпизод этот вспоминается, когда читаешь отчеты о знаках внимания, оказанных кому-либо нашими тимуровцами. Правда, тут, поверьте, бывает не до смеха. Записав в отчет собственный добрый поступок, человек ставит под сомнение сразу все свои хорошие качества: и доброту, и бескорыстие, и самостоятельность, и чувство долга.

Кому же и зачем нужны такие отчеты?

Иногда кажется, что тимуровские штабы находятся где-то за тысячи километров и от родной школы, и вообще от нашей грешной земли. Им надо знать, как работают рядовые тимуровцы, но пойти посмотреть, расспросить штабисты почему-то не могут. И начинают переписываться со школами района, города...

— Зачем вам, ребята, письменные отчеты о таком неописуемо тонком, живом и деликатном деле? Пройдите сами, посмотрите, как идет работа,— подсказывают взрослые.

— Разве всюду успеешь? Да и из райкома могут позвонить, спросить, сколько и чего сделано,— отвечают озабоченные штабисты.

Только ведь и райком не на околоземной орбите находится! Нынче депутаты, министры, сам Генеральный секретарь ЦК КПСС находят время и возможность встретиться с народом там, где народ живет и работает. К лицу ли пионеру, комсомольцу изучать жизнь по бумажке?..

Ах, как часто не хватает нам гайдаровского чердака со штурвалом! Не ради романтики. Ради дела.

Представьте себе штаб, который, кроме названия, имеет еще и крышу над головой. Ведь все, что существует на самом деле, а не на бумаге, должно иметь место для существования! Приходится напомнить, что тимуровец — тоже человек. Не благодетель какой-нибудь, приносящий себя в жертву старым и немощным, а живой, юный, веселый, увлеченный человек. Можно ли, например, поделить людей на тимуровцев и спортсменов, на тимуровцев и фотолюбителей, цветоводов, музыкантов, поэтов?

Нет, нельзя. Можно быть тимуровцем и увлекаться рисованием, цветоводством, фотографией.

И вот, представьте, как эти очень разные и очень интересные люди собираются в своем штабе. Фотолюбитель несет пачку фотографий — всех ветеранов района запечатлел! И не для отчета, конечно. Художник познакомился с художником, который на полвека старше его. И вот развешивает на стенах работы своего старшего друга. Юный техник в уголке чинит утюги и будильники. Кто-то договаривается с кукольниками о «гастролях» в многодетную семью.

Посиди в таком штабе пять минут — никаких отчетов не потребуется. Сам увидишь: работа кипит.

Тимуровец — значит друг

«Я знаю, как это — быть одному, без друга. Когда я болею, ко мне никто не приходит, не звонит. После болезни, придя в отряд, я почувствовала холод.

Я теперь поняла, каково у нас двоечникам, тем, кого называют «трудными». А ведь у нас тоже есть тимуровцы. Надо оглянуться, раскрыть глаза. Может, кому помочь надо, и не только ветеранам»,— Маша Соловьева, г. Реж, Свердловская область.

Очень часто спрашивают тимуровцы, что входит, а что не входит в их обязанности. Неделями, месяцами и даже годами не могут разобраться, что делать, а что не делать. Дерево кто-то ломает? Это «зеленый патруль» пусть занимается! Кто-то проболел и нахватал двоек? Учебного сектора забота! Женщина несет три сумки. Рук не хватает... Но ведь она еще не пенсионерка!

Если продолжить эти рассуждения, может оказаться, что тимуровцам вообще делать нечего. Вымыть пол в квартире, например, может представитель фирмы «Заря», а с праздником поздравят ветерана родные и знакомые.

Недавно газеты сообщили, что в Литве заботы по облегчению быта одиноких, нетрудоспособных людей взяли на себя сотрудники отделов социального обеспечения. Составили картотеку, распределили обязанности. Не значит ли это, что в Литовской республике тимуровские команды можно распустить?

Обязанности тимуровца. Как о них рассказать? Это все равно, что говорить об обязанностях друга.

Представьте себе: что двоек нахватал Мишка, с которым в одной песочнице играли, сотни раз вместе в кино бегали, пуд мороженого съели. Совсем запутался, отстал Мишка — ваш друг. Вы что же, учебному сектору его спасать поручите? А если сумки тяжелые мама несет? Станете вы высчитывать, сколько ей лет осталось до пенсии? А дерево, которое ломают? Представьте, что вы посадили его собственными руками.

Может быть, кто-то скажет, что тут нечего и сравнивать. Друг, мама, свое, а не чужое дерево... **Так вот, тимуровец — это тот, для кого каждый человек — друг и каждое дерево — свое, а не чужое. Это человек, у которого глаза всегда раскрыты. И если даже его в тимуровцы почему-либо не запишут, он назначит себя тимуровцем сам.**

Б. ЕРМОЛАЕВА.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА и В. МАШАТИНА.

Зоя ТУМАНОВА

Снимается кино

Кино!
Кино!
Снимается кино!
Хоть туда и не пускают,
Проберемся все равно!
Вот какой счастливый случай:
Нынче будет дождь без тучи,
Кто-то прыгнет из окна,
Судно — без реки — отчалит...
Сердце сжалось. Прозвучало
Слово грозное — «война!».
Землю сотрясают взрывы
Сыплется в окоп песок...
Там стреляют! Значит, живы!
Продержитесь! Хоть часок!
Вновь разрыв — и туча пыли...
Оборвалась связи нить...
Хоть бы нас туда пустили —
Надо ж связь восстановить!
Ну и что же, что кино?
Пусть — снимается кино,
Будь что будет, только нашим
Мы поможем все равно!

Кто когда встал

Братишка и сестренка спят —
Еще закрыт их детский сад.
Отца не велено будить —
Отцу в ночную выходить.
А мама, сидя у стола,
Все шила — за полночь легла.
Мне просыпаться нелегко —
Привозят рано молоко.
С подушкой расставаться жаль,
Встаю, от холода дрожа,
Бидон хватаю на лету,
Дверь открываю в темноту.
И мне мигают фонари:
— Что, брат, поднялся до зари?..
...А кто ответит на вопрос:
Когда же встал молоковоз?
Какой в ту пору пробил час,
Когда доярка поднялась?

...Шагаю бодро и легко:
Несу семье я молоко.

Виктор РЫБИН

ВЕЛИКИЙ МАЛЫШ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 2.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Облава

Под утро Луису приснился странный сон. Будто он и все «дункари» пришли на митинг на Национальный стадион.

Посреди бейсбольного поля стояла трибуна, утыканная множеством микрофонов. Митинг транслировали по всей планете.

Высокий худощавый мужчина с красно-черной нарукавной повязкой, распорядитель митинга, приглашает ораторов одного за другим на трибуну.

— Товарищи,— говорит распорядитель,— а кто выступает от «Движения учеников начальных классов»? В программе митинга «ДУНКа» почему-то нет.

Чей-то голос эхом разнесся по стадиону:

— Луис Веласкес! Требуем Луиса Веласкеса!

Голос будоражит людей. Ему вторят другие голоса. Эхо усиливается. Будто гром, перекатывается оно из конца в конец стадиона.

Луис счастлив. Он приветственно машет рукой, спускаясь к трибуне на поле. Однако на его пути встает Энрике.

— Не ходи туда, Луис! Это провокация,— говорит Энрике.

— Не может быть,— возражает Луис. Крики зрителей разожгли в нем какого-то беса.

— Да очнись ты, Луис! — Энрике хватает брата за плечи.— «Жабам» только и надо, чтобы ты вышел из толпы. Тогда они в два счета с тобой расправятся.

Луис молчит, но глаза жадно смотрят на трибуну.

— Луис, что с тобой? — встряхивает его снова Энрике.— Луис?

— Луис! Да проснись ты, Луис! Облава! — Над Луисом склонилась мать. Ее жаркое дыхание он ощутил на щеке.

— Облава?! Какая облава? — Луис все еще был в плену у своего странного сна.

— Полицейские по домам рыщут. Обыскивают... Тетушка Жозефина прибегала предупредить. От бензоколонки начали — скоро и к нам придут!

Будто в подтверждение ее слов, за окном проурчал полицейский пикап, расплескивая на ходу синие брызги мигалки.

Луис подскочил к кухонному шкафу, гремя посудой, извлек потрепанный школьный ранец.

— Спрячь это — там листовки.

Валентина некоторое время с недоумением смотрит на ранец, будто не может взять в толк, каким образом оказались в нем листовки, потом неловко подхватывает его и убегает в комнату. Оттуда уже несутся испуганные голоса сестер, а кто-то из них даже всхлипнул.

Облава... Кого ищут? — Мысли Луиса вихрем закружились в голове.— А что если переворошат все в доме и найдут листовки?.. Ну, я им устрою!

Луис порылся в коробке, куда мать складывала лоскуты ткани на заплатки, пуговицы, нитки, извлек огрызок школьного мелка...

Если бы кто-то из друзей увидел его в этот момент рисующим на стене, подумал бы, или Луис тронулся, или того хуже: продался сомосовцам,— потому что Луис рисовал портрет... диктатора Сомосы!

— Боже! Ты с ума сошел?! — Вот и вернувшаяся в кухоньку мать высказалась в том же духе.— Что же ты стену пачкаешь?

— Так надо, мама! — Луис увлеченно водил мелом.— Видела, сколько на улице развешено портретов Сомосы? Пусть полицейские знают, что и здесь чтут господина президента!

Валентина покачала головой. Не то испугалась, не то обрадовалась. Но задумку сына поняла.

— Похож... Ну, точно такой, как на булочной сеньора Рамоса...

Закончив портрет, Луис размашисто, большими буквами под ним написал: «Да здравствует Сомоса!»

Едва спрятал мелок, в дверь грубо постучали. Чей-то голос объявил: «Открывайте! Полиция!» И тут же тише, однако так, чтобы слышали в доме.

— Серхио, Рамон — во двор, Томас — к окну.

Минуту спустя полицейский сержант, покусывая карандаш и листая записную книжку, допрашивал Валентину.

Луис заметил, что мать волновалась. Но отвечала с достоинством, не торопясь. Где муж? На заработках. Сеньор сержант знает, как трудно нынче с продуктами. Дороговизна. А у нее четверо детей. Вот и приходится мужу... Роберто где? Он ночует у приятеля. Они собирались на хлопок. В провинции, говорят, хороший урожай хлопка нынче. Может, уже и уехали... Остальные здесь. Сеньор может убедиться...

Сержант задумчиво кивает, листая записную книжку. Луис чуть было не вскрикнул, разглядев ее. Она как две капли воды была похожа на ту, что подарил ему Энрике. «Наверно,— подумал Луис,— и сержант, и Энрике покупали их в «Боливаре», в самом большом книжном магазине. Может быть, даже в одно время... Дорого бы дал Луис, чтобы заглянуть в записную книжку сержанта. Но еще дороже, наверно, дал бы сержант, чтобы завладеть дневником «дункарей»...

Сержант между тем приоткрыл дверь и громко крикнул:

— Серхио, позови-ка сеньора Гомеса!

При виде мужчины с тараканьими усами Луис непроизвольно втянул голову в плечи...

— Посмотрите-ка на этого мальца, сеньор Гомес...— Сержант снова принялся листать записную книжку. Вид его был при этом многозначительный, как у судьи, объявляющего подсудимому приговор.— Не он ли трепался в университете?

От острого холодного взгляда шпика Луису сделалось не по себе. Больших усилий стоило выдержать этот взгляд. Да еще и выдавить улыбку.

— Может, он...— нерешительно пробормотал Гомес, не спуская глаз с Луиса.— А может, не он...

Луис вздрогнул. Он впервые слышал голос шпика. Но вот что поразило: его голос был абсолютно схож с тем, что звал во сне: «Луис Веласкес! Требуем Луиса Веласкеса!»...

— Далеко было, не разглядел,— сожалеюще бухтел между тем этот голос.— Столько народу собралось...

— Столько народу...— недовольно засопел сержант, отрываясь наконец от своей записной книжки. На какое-то мгновение он задерживает дыхание, изумленно смотрит на портрет Сомосы, нарисованный на стене.

Шпик тоже замечает портрет, растерянно передергивает плечами. Лицо его съеживается, становится каким-то слезливо-жалостливым, будто шпик надкусил стручок огненного перца чиле.

Наступила неловкая пауза, которую нарушил сержант. Он медленно прошелся по кухоньке, рассеянно оглядывая незамысловатую утварь Веласкесов, хмыкнул, что-то обдумывая, и, взглянув еще раз на портрет Сомосы, будто убеждаясь, не почудилось ли, решительно шагнул к двери. За ним, озираясь, скользнул шпик, на прощание одарив Луиса презрительным взглядом.

Луис так и не понял, опознал его шпик или не опознал. Впрочем, даже если и были у того сомнения, портрет Сомосы сыграл свою роль.

— Спасибо Коротышке! — Луис размазал локтем портрет диктатора, подмигнул матери.— Здорово он нас выручил, верно, мама!

Гомесу предстоит работа...

Капитан Диас не любил распекать подчиненных. Он предпочитал действовать, чем тратить время на увещевания. Но на сей раз пришлось изменить привычке. Слишком много неудач за один день свалилось на Диаса. И все по причине ротозейства нижних чинов.

Маленький, подвижный, с непомерно большими и тяжелыми очками на приплюснутом носике, капитан напоминал кузнечика. Он и по характеру был под стать кузнечику — верткий, трескучий, громкий. Сейчас капитан суетливо перебирал бумаги на столе и беспрерывно чертыхался.

Сухой, лающий голос шефа выбивал тоскливую дробь мыслей в голове у Гомеса. На сержанта, застывшего рядом с Гомесом по стойке «смирно», голос шефа почему-то навевал зевоту. Чтобы зевотой не навлечь на себя грозу, сержант несмело откашлялся и решился продолжить рапорт.

— Осмелюсь доложить, сеньор капитан, проверяли дома, где есть мальчики восьми — двенадцати лет... Ни одного похожего на того, кто выступал в университете на митинге...

Диас отстранился от бумаг, тяжелым немигающим взглядом окинул сержанта с ног до головы.

— То есть как ни одного похожего? Не хотите ли вы сказать, что мальчишку не застали дома?

— Никак нет, сеньор капитан. Все подозреваемые были на месте.— Он достал свою записную книжку, зашуршал страницами.— Алеман, Кальдера, Лавияна, Наварро, Варгос, Беноварес... Но сеньор Гомес никого не опознал. В смысле, похожего на того, из университета...

Шпик тут же откликнулся:

— Рост сто сорок — сто пятьдесят, волосы прямые, длинные, черные. Говорит быстро. Подвижен...

— И по таким приметам не опознали преступника?

— Но, сеньор капитан,— смущенно пробормотал Гомес,— я же говорил, что от трибуны стоял далеко. И потом после его выступления привалило столько людей! Не протиснуться было... И мальчишек набежало... Если бы лицо увидеть близко, вот как ваше сейчас...

— А мне наплевать, что вы стояли далеко от трибуны! — Голос капитана раскатисто гремел над самым ухом.— Наплевать, что трудно было протиснуться. Вы обязаны были протиснуться, черт возьми! И разглядеть мальчишку!.. Обыск провели?

— Так точно! — бойко отозвался сержант.— Ничего подозрительного.

— Ничего подозрительного!.. Выгнать вас всех давно пора за такую службу! — Капитан поднял телефонную трубку, щелкнул тумблером на пульте связи.— Дежурный? Принесите фотографии, те, что пришли сегодня с курьером...

Вошел дежурный, положил на стол перед Диасом стопку фотографий.

— Вот кто выступал вчера в университете...— Капитан небрежно разложил фотографии на столе.

— Веласкес! Луис Веласкес! — обомлел шпик.

— Да,— подтвердил Диас.— Сегодня получена директива из управления. Луис Веласкес является опасным государственным преступником.

— Разрешите доставить в участок и допросить? — тут же предложил Гомес.

— А если не сознается? Если будет молчать, хоть убей?!

— Заставить говорить...

— А потом либералы и красные поднимут шум: полиция-де воюет с малолетними детьми! По какому закону, по какой статье конституции, спросят, предусмотрен арест и пытки девятилетнего ребенка?.. Нет, этого сопляка надо брать с поличным. Тогда тем же либералам будет чем рот заткнуть. Не далее как три дня назад патруль видел у «Тексниксы»[1] мальчишку, по описанию похожего на Веласкеса. Подозревают, он наследил там листовками... Вот случай был его взять!..

Листовки... Шпик сжался, будто что-то тяжелое свалилось на него сверху. Он понял, какую допустил промашку сержант, не сделав обыска в доме Веласкеса. А Гомес на обыске не настоял... Как же ловко провел их этот бесенок портретом Сомосы!..

— Итак,— капитан строго посмотрел на сержанта и шпика,— приказываю установить за Веласкесом постоянное наблюдение. Каждый его шаг — под контроль. Докладывать мне лично!

Важное задание

Тысячи рабочих, служащих и студентов Манагуа приняли участие в демонстрации протеста против массовых убийств мирных жителей карателями Сомосы...

Партизаны СФНО повели широкое наступление в районах Матагальпы, Эстели, Чинандеги... Только за первую неделю боев убито около 200 сомосовских солдат и офицеров...

Из сообщений газеты «Баррикады» за февраль — март 1979 года.

Луис Альфонсо Веласкес.

Антигосударственная деятельность:

Февраль 1979 года. Распространял клеветнические листовки у Национальной библиотеки и учительского колледжа. Собирал деньги и одежду для бастующих рабочих цементного завода...

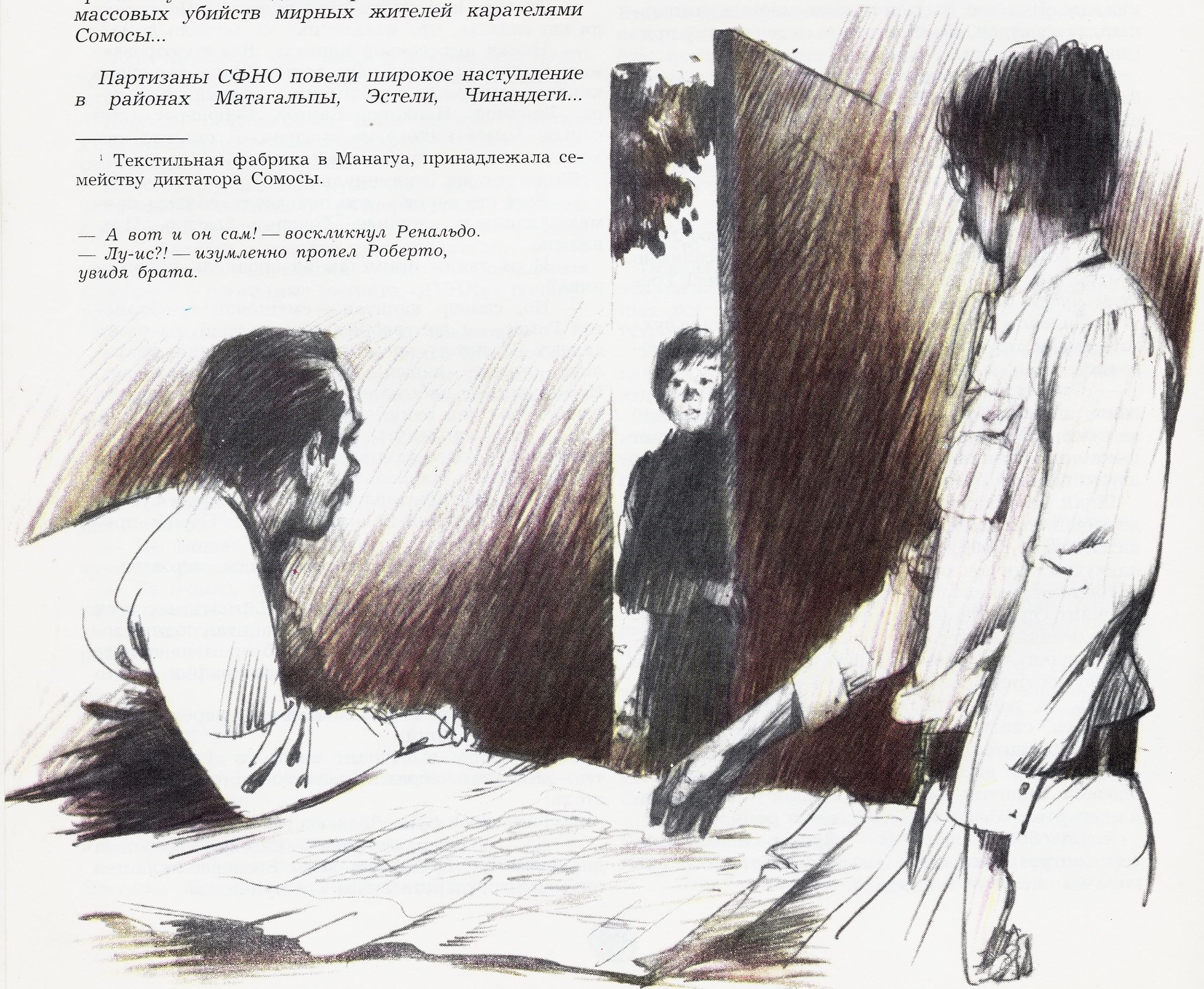
26.02.79 выступал на митинге в поддержку бастующих, на котором призывал рабочих к вооруженному восстанию...

Из полицейского досье.

У сандинистов Манагуа было много хорошо законспирированных явок. Одна из них располагалась в мастерской модельной обуви неподалеку от церкви Святой Марии. Поздним вечером Ренальдо встретился здесь с Роберто Веласкесом. Роберто не знал, по какому делу его срочно вызвали. Однако по лицу Ренальдо, необычайно строгому, сосредоточенному, даже несколько угрюмому, догадался, что разговор обещает быть серьезным.

— Из штаба Северного фронта сообщают, что к партизанам перестали поступать медикамен-

[1] Текстильная фабрика в Манагуа, принадлежала семейству диктатора Сомосы.

— А вот и он сам! — воскликнул Ренальдо.
— Лу-ис?! — изумленно пропел Роберто, увидя брата.

ты,— глухо сказал Ренальдо.— Твоя пятерка отвечала, кажется, за их доставку?

— Нам передавал медикаменты провизор Бланко из аптеки «Альтамиро». Неделю назад Бланко исчез.

— Как исчез? — насторожился Ренальдо.

— Соседи говорят, что уехал в Хинотегу. Нашел якобы хорошую работу в Хинотеге и уехал...

— Не предупредив нас?

Роберто растерянно переступил с ноги на ногу, нахмурился. Только сейчас под пронзительным взглядом Ренальдо он начал понимать, что исчезновение Бланко не прихоть самого провизора. Не в характере Бланко такая недисциплинированность.

— Странно, очень странно.— Ренальдо вышагивал из угла в угол крохотной мастерской, огибая скамьи и столы мастеровых, раздумчиво выговаривал сам себе: — Уехал, а нас не известил... Ни записки, ни телефонного звонка...

— В аптеке остался его помощник Франциско,— сказал Роберто.— По-моему, с Бланко он дружил. Но нам Франциско показался подозрительным...— Роберто смешался.— Понимаешь, скользкий он какой-то, услужливый,— готов всего тебя облизать, купи только что-нибудь... Благо, была бы аптека его собственной! Но у нее же есть хозяин...

— Значит, на контакт вы с ним не выходили и пароль для связи не называли?

Роберто мотнул головой:

— Нет.

Ренальдо задумался, склонился над картой Манагуа, разложенной на столе.

— Партизанам нужны медикаменты. Ты слышал, какие тяжелые бои были в Эль Венадо и Эль Консуэло?.. А теперь еще Сомоса отдал приказ бомбить все селения в районах дислокации партизан... Надо срочно проверить Франциско. Если он агент охранки, мы поручим сбор медикаментов товарищам из больницы «Ориенталь», там работает наш человек, доктор дон Пастильо.

— Хорошо.

— Кстати,— оживился Ренальдо,— сюда должен прийти занятный парень. Настоящий сандинист! Смелый. Смышленый. Подпольщики зовут его Сверчком... Что, если послать этого малыша в аптеку? Он все же меньше вызовет подозрений, чем взрослый...

Его размышления прервал условный стук в дверь.

— А вот и он сам!

— Луи-ис?! — изумленно пропел Роберто, увидя брата.

— Вы разве знакомы? — вскинул брови Ренальдо.— Погоди, погоди... Веласкес! Как же я не сообразил! Оба Веласкесы и живете в одном квартале... Ну и ну! — Ренальдо мотнул головой и засмеялся.

Роберто оглядел брата так пристально, будто по крайней мере год был с ним в разлуке.

Потом развел руками:

— Чудеса!

— А знаешь, Роберто, как мы его нашли?

Роберто молчал.

— Помнишь митинг в университете? Там выступил один малыш. Он буквально сразил нас всех! Я тогда подумал, хорошо бы нам иметь таких помощников. Ребята могут сделать то, что не удается взрослым. Вот и разыскали. Его и всю их организацию...

— У нас много мальчишек, кто хотел бы драться с сомосовцами! — взволнованно сказал Луис.— И девчонки есть не трусихи. Только оружия нет...

Ренальдо ласково потрепал Луиса по плечу.

— Дойдет дело и до оружия. А пока ваш «ДУНК» будет подчиняться нам. И вот какое важное поручение мы хотим тебе дать, Луис... Взгляни-ка на карту...

Ренальдо слегка подтолкнул Луиса к столу.

— Вот здесь, на авениде Президента, есть аптека... Завтра утром тебе нужно зайти в аптеку и спросить у продавца... Ренальдо вопросительно взглянул на Роберто.

— «У вас есть персиковое масло нынешнего урожая?» — неторопливо и отчетливо назвал Роберто пароль.— Продавец должен ответить: «К сожалению, продали последнюю упаковку». И добавить: «Однако есть масло прошлогоднего урожая». После этого он должен вручить тебе сверток.

— Сверток ты принесешь сюда, в мастерскую, если установишь, что за тобой нет слежки. Если заметишь слежку, спрячь сверток при первой возможности и уноси ноги.— Внимательно посмотрев на Луиса, будто сверяясь с какими-то своими мыслями, Ренальдо спросил: — Запомнил пароль? Повтори!

Луис повторил.

— Если ответ на пароль будет другим или если заметишь подозрительных людей в аптеке, немедленно уходи,— сказал Роберто.

Долго еще обсуждали они разные обстоятельства, которые могут возникнуть в аптеке при контакте с продавцом, проговаривали инструкцию, как вести себя Луису в операции. Прощаясь, Ренальдо сказал:

— Мы очень надеемся на тебя, Луис. В тебе трудно заподозрить агента сандинистов. Но если шпики и заподозрят, то навряд ли арестуют. Постараются проследить за тобой и выявить твои связи. Поэтому при малейшей опасности удирай!

В аптеке

Из подробной инструкции Ренальдо следовало: во-первых, сразу в аптеку не входить. Некоторое время понаблюдать, не околачиваются ли поблизости полицейские или какие-нибудь подозрительные типы. Во-вторых, дождаться момента, когда в аптеке не будет покупателей, и только тогда войти. В-третьих, уходить из аптеки быстро, но без лишней суеты.

На задание Луис взял Четагу и Виалеса. Если бы задание было опасным, пошел бы один. Не стал бы рисковать друзьями. Но со слов Ренальдо выходило, что опасаться за жизнь нет причины. Все же перед тем, как отправиться на авениду Президента, Луис на всякий случай предупредил друзей, повторяя слова Ренальдо: быть бдительными, не суетиться, не выказывать волнения. Вообще изображать беззаботных мальчишек, не знающих, как убить время.

— А вдруг тебя схватят? — спросил Виалес.

— Не схватят,— ответил Луис. Ему не хотелось открывать маленький секрет, почему охранке не с руки арестовывать Луиса. На правах вожака он все же хотел знать больше, чем рядовые бойцы.

— Ну, а если...— не унимался дотошный Хосе.

— Если, если! — передразнил Луис.— Если схватят, то спасать меня будете — для чего же

я вас беру с собой! Как хотите, так и спасайте. Вы мое прикрытие!

Четага и Виалес переглянулись. Непонятно было, в шутку ли, всерьез ли вспылил Луис.

Не доходя метров сорок до аптеки, остановились и держали совет. Решили сделать так: Виалес займет пост у коммерческого банка, что наискосок от аптеки, будет прохаживаться возле лотка с мороженым. Четага подойдет к самой аптеке и, вышагивая взад-вперед, станет посматривать в единственную аптечную витрину. У аптеки какой-то мужчина торгует сладостями, так что можно постоять и возле его тележки. А мальчишка, глазеющий на сладости, не вызовет подозрений ни у полицейских, ни у шпиков, если таковые окажутся поблизости. Однако что должен делать каждый из них в случае опасности, Луис не объяснил.

Отправив Хосе и Хуана на свои места, Луис не спеша, что далось ему с трудом, прошелся по авениде мимо аптеки. Как же его подмывало заглянуть в витрину! А то и сразу шагнуть к прилавку продавца. Но мысли эти крепко связывала инструкция Ренальдо.

Заметив Четагу, рассматривающего огромный щит с портретом президента Сомосы, Луис улыбнулся. Вид у Четаги был все же не скучающего, бесцельно слоняющегося бездельника, а налетчика. Вон как настороженно косится на дверь, будто вот-вот оттуда понесут мешки с деньгами...

Дождавшись, когда очередной покупатель покинет аптеку, Луис заглянул в витрину. Убедившись, что никого нет, быстро направился к двери.

Прозвенел дверной колокольчик. Тотчас из-за ширмы к прилавку выпорхнул молодой, гладко выбритый мужчина в белом халате, с набриолиненными волосами, улыбчивый и подвижный. Едва взглянул на Луиса, и лицо его изменилось. От улыбки и следа не осталось. Лицо стало жестким и надменным.

Но не столько встревожили Луиса изменения в лице продавца, сколько сидевший в углу под огромным фикусом парень спортивного вида в поношенных джинсах. С улицы его не было видно.

Парень-крепыш листал потрепанную книгу лекарственных трав и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на Луиса.

Луис растерялся. Два противоречивых чувства боролись в нем: немедленно уйти, сообразуясь с инструкцией Ренальдо, или все-таки назвать пароль.

— Чего тебе? — сердито спросил продавец.

Луис вздрогнул и бессознательно шагнул к прилавку, тотчас позабыв об инструкции. После он не раз будет размышлять, почему все-таки пошел к продавцу. Но так и не найдет объяснения.

— У вас есть персиковое масло нынешнего урожая? — сказал Луис тихо, так, чтобы не услышал парень под фикусом.

Продавец смешался, испуганно взглянул в угол, где сидел крепыш, шепнул:

— К сожалению, продали последнюю упаковку. Однако есть масло прошлогоднего урожая...

После этого продавец замялся, стал бесцельно перебирать какие-то рецепты.

По полу катилась ручная граната...
Не раздумывая, Луис впился зубами
в кисть крепыша и рванулся к разбитой витрине.
Никто не успел опомниться, как Луис уже исчез...

— Где же оно? — нетерпеливо спросил Луис.

— Вот, вот, пожалуйста...— Продавец выложил на прилавок пакет и снова покосился на парня под фикусом.

Луис взял пакет, повернулся, чтобы выйти из аптеки. Но в дверях стоял... усатый шпик!

Луис почувствовал, как ладони сразу сделались потными, а ноги будто одеревенели.

Парень под фикусом между тем отложил книгу, поднялся со стула и полез в карман.

— Тихо, малыш! Без шума! — сказал спокойно, даже вроде устало. Вынул из кармана наручники и шагнул к Луису, на ходу бросив: — Гомес, срочно фоторепортера сюда!

Все дальнейшее было как во сне.

Крепыш схватил Луиса за руки и ловко накинул наручники. Луис рванулся и... выдернул руки из «хомутов»! Зажимы у наручников оказались велики для худенького запястья Луиса. Не предусмотрело правительство Сомосы специальных наручников для детей.

Крепыш опешил.

— Вяжите ему руки ремнем! — закричал продавец.

Крепыш ослабил свои объятия, выдергивая ремень из джинсов, и тут страшный грохот разбитого стекла и крик «Держите его!» буквально оглушили всех. В тот же миг Луис увидел катящийся по полу корпус ручной гранаты... Не раздумывая, он впился зубами в кисть крепыша и рванулся к разбитой витрине. Мгновение, другое... и он оказался на улице.

Прикрытие

Главным участником спасения Луиса стал Четага.

Когда Луис вошел в аптеку, Четага постоял возле тележки со сладостями и понял, что лучшего места для наблюдения, чем возле нищего под кустом малинче, не пожелаешь. Поэтому он сместился к нищему, который, впрочем, выказал недовольство непрошеным соседом. Однако, получив от какой-то монашенки медяк, успокоился и с прежним усердием принялся раскачиваться над шляпой, гнусавя что-то себе под нос.

В аптеке все было спокойно до тех пор, пока туда не вошел... усатый! Тот самый, которого Четага чуть не сбил с ног в университете. Увидев шпика, Четага бросился к Виалесу. Ноги как-то сами против воли понесли.

— Там шпик, Профессор! — воскликнул Четага, едва добежав до Хосе.— В аптеке... А в аптеке Луис!

Виалес растерянно огляделся, сдернул с носа очки.

— Мы же прикрытие! Луис там, а мы, выходит, от аптеки подальше!.. А ну бежим к нему...

Когда они подскочили к аптечной витрине, Луису уже накидывали наручники.

— Бей стекло! Бросай свою гранату! — отчаянно зашептал Хосе.

Четага, отдав себя во власть Виалеса, выхватил из-за пазухи корпус ручной гранаты и со всей силы швырнул в стекло. В тот же миг они метнулись в разные стороны.

Виалес заметил, как мирно дремавший торговец сладостями вдруг встрепенулся и ринулся за Четагой. Но вот сквозь разбитое окно выскочил Луис, и торговец бросился в погоню за ним. Несколько поодаль бежали усатый шпик и какой-то толстяк в соломенной шляпе и с фотоаппаратом на груди — он вынырнул из старенького «шевроле», притормозившего у аптеки.

Не зная, как помочь Луису, но чувствуя, что не в силах просто созерцать эту погоню, Хосе ловко выхватил у пробегавшего мимо разносчика газет номер «Ла Пренсы» и устремился навстречу преследователям. Размахивая газетой, он завопил во весь голос:

— Сомосу убили! Сомосу убили! Убили президента Сомосу!

Люди, шагавшие до сих пор спокойно и деловито, будто по команде ринулись к Виалесу. Разбухающая на глазах толпа покатилась навстречу шпикам...

Мечта

К своему потайному месту Луис и Хосе прибежали, предварительно поплутав по городу. На случай слежки. Хуан же, как опрометью ринулся от аптеки прямиком к развалинам, так только здесь, у пекарни, и перевел дух.

Некоторое время все сидели как-то сосредоточенно молча. Будто готовились к следующему броску. Будто вот-вот покажутся шпики и придется уносить ноги. А потому стоило кое о чем поразмышлять. Куда, например, податься? И что с ними будет в конце концов?

Но шпики не показывались, сколько бы Луис ни обшаривал глазами пустырь перед пекарней. Удостоверившись в безопасности, он повалился на спину, вытянулся во весь рост прямо на горячей щебенке. Страшная усталость сковала руки, ноги, грудь... Не хотелось ни двигаться, ни думать. Хотелось смотреть в бесконечную даль неба и любоваться безмолвной, загадочной голубизной.

Хосе снял очки, дыхнул на стекла и стал протирать их майкой.

— Чуть не потерял свои гляделки...— Из горла у него вырвался хрип, похожий на воронье карканье.

Луис и Хуан удивленно посмотрели на Виалеса.

Хосе откашлялся.

— Охрип! — сказал. И сколько бы потом ни

Луис лежал на горячем асфальте,
широко раскинув руки.
Под ним растекалась лужица крови...

откашливался, прежний, привычный голос не возвращался.

Глядя, как Хосе тщетно прочищает горло, Луис рассмеялся. Его поддержал Хуан. А вот и сам Виалес прыснул в кулак. И напало на них такое веселье, что у Четаги от смеха даже слезы накатились на глаза. И чем больше они смеялись, тем сильнее чувствовали какое-то облегчение, какую-то легкость в себе. Вот и силы вроде прибавилось, а от недавнего страха не осталось и следа. И все вокруг показалось таким замечательным, таким милым и родным, и каждый из них показался таким милым и родным другому, что от переполнившей их радости захотелось смеяться, петь, визжать... Вообще делать всякие глупости, какие творят мальчишки в хорошем настроении.

— А здорово я вмазал по витрине! — глотая смех, выпалил Четага.— Ка-ак дал! А она ка-ак бабахнет! И на мелкие осколочки! И в разные стороны...— На скуластом лице Четаги было такое умиление, будто он тысячу кордоб на дороге нашел.

Луис приподнялся с кучи щебенки. Острая боль пронзила локоть левой руки. Рука, на удивление, припухла.

Левую руку ему особенно старательно выкручивал агент-крепыш. Поначалу в горячке побега Луис не почувствовал боли. А теперь вот понял, что не зря агент старался.

Все же Луис решил не подавать вида, что повредил руку.

— А торговец-то гад! — не унимался Четага.— Сонный такой сидел. А как я гранату швырнул, он сразу ко мне! А тут Луис... Ну, он к нему... Потеха!.. Торговец тоже шпиком был... Они потом за тобой, Хосе, рванули... И толпа...

— Я в толпе чуть очки не потерял...— просипел Виалес.— В одной руке очки, в другой газета. И люди со всех сторон... Никакой больше конспирации! В очках всегда буду! — Хосе с вызовом посмотрел на Луиса.

Но Луис промолчал. Он думал о своем. О том, в частности, почему агенты охранки решили все-таки его арестовать. Да еще сфотографировать — не зря же усатый побежал за фотографом... Ренальдо, выходит, ошибался? Что-то не предусмотрел?.. И почему усатый шпик все чаще появляется на пути Луиса?

Хуан нарвал травы, сделал себе подстилку. Потом сдернул майку и повязал ее вокруг головы. Проделав все это, он лег на спину и вперился глазами в небо.

— Луис, а ты кем бы хотел стать? — спросил вдруг Четага.

— Офицером.

— Офицером? — удивился Четага. — А я думал, художником. Ты же здорово рисуешь!..

— Есть дела поважнее, чем рисование,— серьезно сказал Луис.— Мне товарищ Ренальдо говорил, что, даже когда сбросят Коротышку, сандинистам долго еще придется держать в руках оружие. И еще он говорил: вместо сомосовской армии убийц и грабителей у нас будет народная, революционная армия!

— А я буду моряком,— заявил Четага так, будто его долго уговаривали, и он наконец согласился.— Буду плавать на кораблях по всем океанам! Кра-асивая жизнь!

— А я пойду учиться на агронома. Как мой дядя, буду агрономом,— пропыхтел Виалес.

Вопрос, кем быть после победы революции, взбудоражил мысли. Вообще-то для Луиса вопрос этот давно решенный. Вот только долго ждать, когда мечта сбудется... Но самое главное — сбросить бы поскорее Сомосу. Тогда все будет хорошо. Тогда все пойдет гладко, без задержки. Сначала Луис закончит школу, потом — военное училище. Ему присвоят офицерское звание и назначат командиром в какой-нибудь гарнизон. Ему дадут офицерскую форму с погонами и портупеей. И конечно же, личное оружие...

Луис поморщился. Поврежденная рука все чаще напоминала о себе. Сейчас бы сунуть ее под струю холодной воды! Сколько у него было ушибов, сколько всяких синяков и вывихов... И спасала холодная вода!

Мысль о холодной воде вытеснила скоро все иные мысли. С этой мыслью он встретил сумерки.

Наскоро попрощавшись с друзьями, Луис во весь дух помчался домой, провожаемый недоуменными взглядами Четаги и Виалеса: их вожак против обыкновения покидал развалины пекарни первым.

Уведомляю об исключительной опасности...

Луис Альфонсо Веласкес.

Антигосударственная деятельность:

Март — апрель 1979 года. Распространял клеветнические листовки у кафедрального собора,

в районах Альтамиро и Дон Боско... Подозревается в нападении на военный патруль 2-го пехотного батальона в Типитапе 12.03.79... Неоднократно замечен в сборе порожних бутылок, которые, вероятно, передает террористам для изготовления самодельных гранат...

Из полицейского досье.

20.04.79

Секретно
Начальнику управления Службы национальной безопасности

Настоящим уведомляю об исключительной опасности агента террористов Луиса Альфонсо Веласкеса, 1969 года рождения, проживающего в Манагуа. Все попытки пресечь или изобличить преступника не дали результата. Прошу Ваших санкций в соответствии с объявленным в стране чрезвычайным положением.

Шеф полиции Восьмой зоны.

Апрельское солнце неистово сушит землю.

Кусты жимолости и акаций почернели и потрескивают, будто вот-вот займутся огнем.

Трава пожелтела. Налет красной пыли делает ее похожей на какую-то неземную оранжевую траву.

Пронзительно верещат цикады. День ото дня их голос суматошнее, будто конец света грядет.

Луис прислушивается к этому однообразному треску за окном, улыбается. Не конец света грядет, а дождливый сезон в свои права вступить собирается. Верная примета! По ночам уже доносятся отдаленные раскаты грома. Скоро сюда придут ливни. И тогда все вокруг зазеленеет и зацветет. Земля превратится в благоухающий цветник. В такой, какой он видел у хозяйки этого особняка, куда пришел с матерью... А вот и сама хозяйка, легка на помине. Толстая. Важная. В красивом шелковом халате. С веером в руке.

— Доброе утро, сеньора! Как ваша голова, не болит? Вчера, помнится, вы жаловались на голову. Но сегодня, слава богу, выглядите замечательно, сеньора!

Луис удивленно глядит на мать: полчаса, как они драят полы и чистят мебель в гостиной, и мать ни звука. А тут вдруг...

— Ты не одна, донья Валентина? — Толстая сеньора прошлась по гостиной, провела пальцем по подоконнику. Не найдя там пыли, вскинула брови. Не то обрадовалась, не то обиделась.— Какой славный у тебя помощник! Твой сын?

— Младшенький. Луис.

— А почему он не в школе?

— Ходил, сеньора, ходил в школу. И учителя хвалили. Говорили, что смышленый. Математика ему легко давалась. И рисует хорошо.— Валентина огорченно развела руками.— Да вы же знаете, сколько денег на них, сорванцов, идет... А достаток наш известно какой... Вот и решили, пока Луис будет мне да отцу помогать, до лучших времен...

Хозяйка особняка небрежно обмахнула лицо веером, прищурилась.

— До каких времен?

Луис заметил, как мать сразу смутилась

В день похорон Луиса тысячи взрослых и детей пришли на траурный митинг к университету. Ни полицейские кордоны, ни фашистские молодчики не смогли запугать людей.

и в волнении стала теребить тряпку, которой только что вытирала пыль с подоконников.

— Сыну моему... другому... Роберто обещали хорошую работу... Вот тогда, может, полегче будет...

— И мне обещали работу, сеньора! — затараторил Луис, угадывая, что толстая сеньора не очень-то поверила матери.— Замечательную работу! Я давно мечтал о такой, сеньора! Знаете, меня обещали взять помощником механика в автомастерскую. У меня будут свои деньги. Я даже смогу кое-что откладывать. Хозяин мастерской сказал, что если хорошо работать, то можно скопить на велосипед!..

— Не слушайте его! — улыбнулась Валентина.— Обещать-то могут сколько угодно, да навряд ли возьмут. Какой из него работник! Вон сегодня опять рука разболелась. Видите, как вздулась?

Испуг тенью скользнул по лицу хозяйки особняка, забился в складках губ.

— А это не заразно?

— Что вы, сеньора! — успокоила Валентина. Разговаривая с хозяйкой, она ни на минуту не прекращала работу. Переставляла с места на место стулья, двигала стол, перекладывала всякие безделушки, ловко обмахивая их мягкой фланелью.— Это ушиб у него...

Толстая сеньора что-то проворчала себе под нос и вышла из гостиной.

Странная сеньора, подумал Луис. Мать давно уже подрабатывала у нее. И всегда жаловалась, какая строгая хозяйка. А Луису она показалась совсем не строгой. Рассеянной показалась, не в себе. Будто напугал ее кто. Она вот разговаривала с матерью, а думала о чем-то своем... Впрочем, все они, богатеи, встревожены сейчас. Чем лучше дела у повстанцев, тем хуже настроение у дам и господ «Эль Дорадо»[1]. Хотя и здесь есть хорошие люди, беднякам не гнушаются помочь и сандинистам сочувствуют.

— Что это за грузовичок крутится здесь?..— настороженно сказала Валентина, мельком глянув в окно.

Луис подскочил к матери.

— «Тойота»-пикап... Наверно, чей-то дом ищет.

— Странно ищет...— задумчиво проговорила мать, уже более внимательно наблюдая за проползающим мимо пикапом.— То в нашем квартале все утро рыскал, теперь вот в «Эль Дорадо»... А когда мы шли сюда, дважды нас обогнал...

Луис пожал плечами.

— Разве этот пикап?

— Кузов приметный. Старый, весь в ржавчине... а номера новенькие. Будто только-только намалевали...

Луис ничего на это не сказал. Он и сам давно приметил пикап, только вида не подавал.

Чтобы отвлечь мать от гнетущих мыслей, Луис обнял ее за плечи, отстранил от окна.

— Что тебе дался этот пикап?! Расскажи лучше, о чем вы вчера говорили с доном Армандо?

Мать испуганно поглядела на дверь, сердито зашептала:

— Ты же знаешь, дон Армандо передавал привет от Роберто... Жив-здоров наш Роберто, воюет. В Сан-Мигеле он...

Дон Армандо, одинокий старик, жил по соседству с Веласкесами. Неделю назад он ездил к родственникам в деревню Сан-Мигель, что затерялась где-то в сельве на севере. А вчера вернулся и сразу нагрянул к Веласкесам, рассказать о встрече с Роберто. Роберто уже три месяца как сражался в партизанском отряде.

Долго шептались на кухне отец, мать и дон Армандо. Луису удалось подслушать, о чем они говорили. Но он готов был снова слушать о брате.

Бой настенных часов провозгласил полдень.

— Я, пожалуй, схожу к сеньору Пастильо,— спохватился Луис.— Может, он уже дома?

— Иди,— согласилась мать.— Не забудь передать ему привет от Роберто. И поблагодарить не забудь, когда доктор осмотрит твою руку. Да не утомляй его разговорами: сеньор Пастильо после ночного дежурства...

«Что за беда привязалась к руке? — в который раз подумала Валентина.— Уж старые болеют, понятно. Но молодые, да еще такие ветрогоны, как Луис... За что господь в немилости нас держит...»

С улицы донесся визг тормозов. Эхом раскатился выстрел, другой... Предчувствуя беду, Валентина опрометью бросилась из дома...

Луис лежал на горячем асфальте, широко раскинув руки. Под ним растекалась лужица крови...

— Они скрылись, сеньора...— кто-то схватил Валентину за руку, встряхнул.— Из пикапа стреляли, из «тойоты»... Усатый, кажется... А потом пикап наехал на мальчонку...

Это случилось 29 апреля 1979 года.

Убийство Луиса Веласкеса потрясло жителей Манагуа. В день похорон тысячи взрослых и детей пришли на траурный митинг к университету. Ни полицейские кордоны, ни шпики, ни фашистские молодчики не смогли запугать людей.

На митинге подпольщики включили пленку с записями выступлений Луиса. Вновь говорил Великий Малыш. Он призывал к оружию...

* * *

Луис Альфонсо Веласкес не дожил до победы сандинистской революции два с половиной месяца. 19 июля 1979 года рухнула диктатура Сомосы. Рабочие и крестьяне стали хозяевами своей страны.

Никарагуанский народ свято чтит героев революции. Именем Луиса Альфонсо Веласкеса названа Ассоциация сандинистских детей — массовая детская организация Никарагуа. Его имя носят школа, где он учился, крестьянский кооператив, парк в Манагуа, батальон милисианос — народного ополчения. Посмертно Луису присвоено высшее воинское звание Команданте.

Наша справка: Революционное правительство Никарагуа навсегда покончило с несправедливостью. Награбленные Сомосой и его приспешниками богатства возвращены народу. Национализированы предприятия, помещичьи земли передаются крестьянам. Только за первые пять лет народной власти 30 тысяч семей получили земельные наделы. Для детей построено 1500 школ. Число неграмотных сократилось в шесть раз...

Эти достижения были бы еще значительнее, если бы не тайная война, которую развязали американские империалисты против молодой республики. Ущерб, причиненный экономике Никарагуа в результате этой войны, составил уже более полутора миллиардов долларов. От рук «контрас» погибло более 20 тысяч никарагуанцев. В целях дальнейшего разжигания войны против Никарагуа в 1986 году правительство США выделило «контрас» еще 100 миллионов долларов...

---

[1] «Эль Дорадо» — район в Манагуа, где при Сомосе жили состоятельные никарагуанцы.

...«Я родился в Овстуге»...

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Строки эти все время всплывают в памяти, хотя нет и в помине ни тонкого волоса паутины, ни тепла. Осень — вовсе не первоначальная, а самая что ни на есть поздняя и «до первых зимних бурь» не «далеко», а, напротив,— рукой подать. Но день в самом деле «хрустальный», то есть ясный до прозрачности, до сияния. И «отдыхающее поле» — вот оно, простирается вправо и влево от дороги. Полевые работы закончились, борозда и впрямь теперь праздная. А светлое-светлое, очень чистое, без облачка, голубое небо обнимает его, словно на него и в самом деле «льется».

Стихи витают в воздухе над местом своего рождения. Это поле, этот клочок голубого неба описал Федор Тютчев в своем знаменитом стихотворении.

Называется село Овстугом. От чего бы ни произошло его имя, нам слышатся в нем и «овес», и «стог» — слова, связанные с самой сущностью крестьянской жизни, крестьянских забот.

Отставной секунд-майор Николай Андреевич Тютчев увидел Овстуг, должно быть, весной или летом — Овстуг тогда хорош необыкновенно. Старинное село раскинулось привольно, вольготно — на семи холмах, словно вздумало подражать столичному граду Москве. Улиц здесь не знавали, дома стояли не в ряд, а каждый на особицу. Строились высоко, на холмах, так, чтоб было побольше света, чтобы не упустить ни одного из лучей не слишком щедрого в здешних краях, зато ласкового, необжигающего солнышка, чтобы ветру сподручно было осенью подсушить раскисшую во дворе грязь, весной наполнить свежим полевым духом прокоптившуюся за зиму избу. Отсюда, с холмов, и вид был знаменитый: на Десну, на чащобу славных брянских лесов. А по пути к Овстугу нельзя не заглядеться на березовую рощу, до того белоствольную, до того стройную, до того густую, что жалко миновать ее, так и манит она под свои кроны.

Секунд-майор Тютчев решил обосноваться в благословенных местах под Брянском. По его повелению была возведена церковь, построен дом и выкопан пруд — небольшой и не очень глубокий, зато с островком у дальнего берега, где позднее соорудили легкую ажурную беседку. Село Овстуг было немноголюдно, а потому барин приказал переселить туда крепостных из подмосковного его владения Теплый Стан. В селе до сих пор живут потомки крестьян-переселенцев по фамилии Теплостанские.

Расположен Овстуг в 35 километрах от Брянска — меньше часа идет сейчас из города в село «уазик» или «Нива». А в девятнадцатом веке считался он изрядной глушью — зимовать там Тютчевы не решались: в августе, в начале сен-

тября покидали поместье. Только однажды, в 1803 году, сын Николая Андреевича и его семья задержались в Овстуге до зимы. 23 ноября (по новому стилю — 5 декабря) родился у них сын, названный Федором.

Ему суждено было стать одним из величайших русских поэтов.

Во время нашествия наполеоновской армии на Россию подмосковное имение семьи Тютчевых было сожжено французами, а Овстуг уцелел. Там проводили Тютчевы ежегодно по нескольку месяцев, там прошло детство будущего поэта.

Для мальчика что может быть лучше жизни в таком вот приволье! Вообразите себе дом на вершине холма. Полого спускается его склон, заросший тополями и липами, аккуратно разделенными ниточками аллей; к пруду — Федору он казался морем-океаном, Горбатый мостик, слегка пружинивший под ногами взрослых, не дрогнув, выдерживает шаги мальчика и ведет на остров — необитаемый, конечно, так как слишком мал и решительно непригоден для обитания кого бы то ни было, кроме птиц. Зато для игр и фантазии места тут предостаточно! Если спуститься с холма и пройти от барского дома не к пруду, а к реке, по левую руку увидишь чудо-дерево, тополь, толще которого не сыскать во всей округе: шестеро мужчин, взявшись за руки, с трудом обхватят его ствол. Рядом с тополем — колодец, который славится необычайно чистой водой. Еще дальше — река, весной широкая и мутная, летом прозрачная, возвращающая тебе твое искаженное, струящееся изображение, когда, замирая от страха, решишься наклониться над самой водой... Поднимешь голову от воды — и тут уж раздолье для сладкого ужаса: по ту сторону реки поднимается лес, всегда темный, потому что ни один луч солнца не продирается сквозь его чащу, манящий и жуткий, потому что населен всеми — реальными и сказочными — героями прочитанных книг.

По вечерам, когда от реки тянет холодом, а над прудом сгущаются тени, спрятав протоку между островом и берегом, так, что кажется: мостик взбирается прямо на соседний холм,— лучше гулять поверху. Там растет лес, еще молодой, светлый — он долго хранит краски угасающего дня, сопротивляясь ночной тьме. Тогда путь мальчика идет от дома в сторону церкви. Он не боится заходить на скромное сельское кладбище — его манит туда сладковатый нежный запах ночной фиалки. Неказистый скромный цветок нелегко разглядеть в сгустившихся сумерках, он словно сливается с ними, растворяется в них. Но Феденька терпелив — стебелек к стебельку собирает душистый ночной букет. Ему почему-то необыкновенно важно это занятие: благоухание цветов во мраке рождает в душе незнакомое чувство, тревожное и прекрасное,— позднее он назовет его «невыразимым чувством таинственности», будет вспоминать о «благоговейной сосредоточенности» тех минут. Должно быть, это сама поэзия пробуждалась в душе ребенка.

Весной Овстуг полон запахов: подле церкви цветут фиалки, у господского дома — сирень, в поле — гречиха, в соседней Гостиловке — черемуха. А звуки! Целая гамма птичьих голосов днем и ночью обрушивается на мальчика — от изысканных трелей соловья до гортанных криков грачей и грубого гусиного гогота. Мальчик прислушивается к этим голосам, ему кажется, что

Этот рояль Федор Иванович Тютчев подарил своему учителю Семену Раичу. Потомки Раича бережно хранили реликвию, а когда в Овстуге открылся новый музей, передали туда рояль.

в каждом есть свой смысл. И как это взрослые о том не догадываются? Он следит за непрестанной сменой красок в небе и на земле, и ему кажется, что они таинственным образом связаны с событиями человеческой жизни, имеют прямое отношение к его детским забавам и его недетским размышлениям... Пройдет много лет, и он напишет свои знаменитые строки:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Существование этого многим людям неведомого языка он открыл для себя здесь, в Овстуге. И всю последующую жизнь учился его понимать.

еще одному языку учился здесь Федор Тютчев — своему родному языку, русскому.

В семье Тютчевых, как принято было в те времена в дворянских семьях, говорили, писали и даже думали по-французски. Русский нужен был мальчику только для общения с «дядькой», бывшим крепостным Николаем Афанасьевичем Хлоповым (он был приставлен к Феденьке, когда тому минуло четыре года). Хлопов нежно любил своего воспитанника, а Тютчев платил ему привязанностью, которую сам в одном из своих поздних писем к брату назвал «страстной». «Дядька» принес в дом разговорный русский и представления о том, что почиталось хорошим, а что дурным в крестьянской семье. Литературному русскому Тютчев учился у молодого поэта Семена Егоровича Амфитеатрова, больше известного под именем Раича — так он подписывал свои стихи. Раича пригласили в Овстуг в качестве воспитателя Феденьки. Плененный одаренностью и душевной тонкостью ученика, он вскоре превратился из учителя в старшего друга. В зрелые годы Тютчев посвятит ему стихи. А Раичу, кстати сказать, предстоит в недалеком будущем учить и пестовать другого замечательного мальчика, Михаила Лермонтова.

«Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня. Года через три он уже был не учеником, а товарищем моим,— так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум,— писал Раич впоследствии о Федоре Тютчеве.—...Необыкновенно даровитый от природы, он был уже посвящен в таинства Поэзии и сам con amore[1] занимался ею». Потом, чуть не полвека спустя, в том же Овстуге поэт расскажет дочери о том, как однажды в маленькой рощице неподалеку от дома нашел он в траве мертвую горлицу. Событие так потрясло мальчика, что по этому печальному поводу он сочинил первое свое стихотворение. Овстуг подарил будущему поэту и эту радость — радость слагать стихи.

Потом, в зрелые годы, поэт увидит Овстуг уменьшившимся и куда более скромным: «Старинный садик, 4 больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный — все это помещается на участке в несколько квадратных сажен».

[1] С любовью.

Чудо-тополь дожил до наших дней...

днако, уменьшаясь в размерах, мир детства отнюдь не тускнел в памяти Федора Ивановича Тютчева. «Я познаю на опыте, что впечатления детства молодеют по мере того, как человек стареет»,— писал он родителям из Мюнхена. В стихах, созданных в зрелые годы, говорит он о призраке «забытого, загадочного счастья» детского возраста.

Счастье, может быть, и было забыто, но уроки, полученные в Овстуге, поэт не забывал никогда.

Не такую уж большую часть жизни провел он там: семья жила в имении только в летние месяцы, да и то не всякий год, а в 19 лет Тютчев отправился служить за границу и 22 года провел в Европе. Вернувшись на родину, жил по большей части в Петербурге, где удерживала его не только государственная служба, но и дорогие ему человеческие отношения, и салоны, и светская жизнь — Тютчев был человеком, что называется, «блестящим», не просто умным и широко образованным, но и остроумным собеседником, «жемчужноустым» называли его современники.

Но Овстуг всегда существовал в его душе не как далекое воспоминание, а как фон, на котором происходили события его жизни. В Овстуге подолгу жили жена и дети поэта, он часто писал туда, подробнейшим образом рассказывая о своих переживаниях, делился размышлениями, советовался о делах.

Издалека, как это часто случается, родные места казались еще прекраснее, Овстуг в памяти поэта вырастал, становился чуть что ни символом России. «...для того ли я родился в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость»,— с горечью восклицает он в одном из писем к родителям из Италии. А из Петербурга пишет жене: «Когда ты рассказываешь о прекрасных днях, которыми ты упиваешься, дыша полной грудью, и которые уходят и не вернутся, быть может, в течение многих лет, когда ты говоришь об Овстуге, прелестном, благоухающем, цветущем, безмятежном и лучезарном,— ах, какие приступы тоски по родине овладевают мною, до какой степени я чувствую себя виноватым по отношению к самому себе, по отношению к своему собственному счастью, и с каким нетерпением стремлюсь к тебе...»

Впрочем, случалось поэту и бранить свой «край безлюдный», называть его «немилым» — что

ж, мы часто бываем несправедливы к тем и к тому, что любим... Но равнодушным к нему он не бывал никогда.

Время от времени он туда наведывался и, хотя не входил в хозяйственные хлопоты и не задерживался подолгу, неизменно проникался поэтическим очарованием этих мест. И неизменно был им признателен, ибо в Овстуге научился тому, что имело важнейшее значение в его жизни: любить и тонко чувствовать природу, любить и тонко понимать поэзию.

едор Тютчев — поэт-философ. Он пристально вглядывается в движение жизни, в малейшие перемены, размышляет о смысле и значении их; он любуется красотой и гармонией и открывает их там, где невнимательному взгляду видится хаос или скучная обыденность; он показывает связь между далекими, казалось бы, явлениями. Его стихия — сосредоточенность, наблюдения, раздумья. Деревня дарила его не только своей неброской красотой, но тишиной и безлюдием, столь необходимыми для того, чтобы ясно видеть и глубоко чувствовать.

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река,
И поля дышать на зное.

Это написано в окрестностях Овстуга, на хуторе Гостиловка, который стоял на Десне, в зарослях черемухи. Тютчев любил ездить туда в коляске. И тишина («немые дубровы»), и краски («белеющие поля»), и ароматы («веет запахом медовым»), и жара («тень ушла»), и прохлада («в искрах катится река») — все приметы жаркого российского лета вместило короткое стихотворение. Оно не только о прелести летнего дня, оно о вечности, о нетленности красоты.

Внимательному взгляду и острому уму пищу для размышлений дает и самое незначительное происшествие. В одно из последних посещений Овстуга, гуляя в парке, Тютчев видел однажды, как мирно дремавшее стадо гусей внезапно ожило, сорвалось с места и ринулось, хлопая крыльями, прочь от собаки, спугнувшей их. Незатейливая сценка, сама обыденность, явилась поводом для стихотворения «В деревне», написанного там же, в Овстуге.

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит,
Летит — куда, сама не зная,
И как шальная, голосит...

Торжественный патетический, возвышенный тон в рассказе о столь низменном событии и столь жалких «героях» настраивает читателя на веселый лад. Мы ждем шутки, легкого, насмешливого стихотворения, а оно оборачивается хотя и насмешливым, но достаточно серьезным размышлением о смысле событий, происходящих в обществе, и о том, как оценивают их современники. Из стихотворной шутки оно превращается в поэтическую аллегорию:

...Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой,
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

ишь однажды Тютчев посетил Овстуг зимой — приехал туда в канун Нового, 1853 года. В тот же день было написано стихотворение, которое все мы с детства знаем наизусть.

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,—
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Стихотворение радостное, солнечное и таинственное, как сам новогодний праздник! Стихотворение-сказка, оно слегка напоминает сказку о Спящей царевне, которую любили перелагать поэты, или былину об Илье Муромце, богатыре,

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит...

в котором силушка спит-дремлет до поры до времени... Зима — недаром это слово написано с большой буквы — тут не время года, а живое, хотя и сказочное, существо, могучая волшебница, околдовавшая исполина. И путы, которыми она его сковала, возможны только в сказке, ибо поэт соединяет для их обозначения три несоединимых слова – «Легкой цепью пуховой». Ведь если цепь, то непременно тяжелая, а не из непрочного, от дыхания улетающего пуха. «Легкой цепью пуховой» — возможно ли вернее описать **тяжелые** пласты **легкого** снега, **холодом сковавшие** зимний лес!

Чудесным образом сказка смешивается с былью. Описание зимнего леса — самое что ни на есть точное, так и встает он перед глазами. Видишь и снежную бахрому на его ветвях, и то, как иней ослепительно вспыхивает под косым лучом низкого зимнего солнца. А как это верно сказано о зимнем лесе — «не мертвец и не живой»! Деревья застыли, промерзли до самой сердцевины, но соки будущей весны готовы проснуться в них. Как знать, не встали ли перед мысленным взором поэта детские его впечатления о брянском лесе — могучем, таинственном, полном сказок — в тот миг, когда слагались эти стихи?

е одни только картины природы занимали воображение поэта в Овстуге. В 1857 году, когда вся Россия ожидала освобождения крестьян, Тютчев писал:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Стихотворение написано после того, как поэт побывал на деревенском празднике в Овстуге. Толпу крестьян он назвал не просто «темной», а «непробужденной». Он верил, что тьму можно рассеять, что исполин-народ, подобно исполину-лесу, спящему зимой, не бессилен. Он спит, а значит, когда-нибудь восстанет ото сна, подобно героям народных сказок. Как пробудить его? На этот вопрос мы не найдем ответа в стихах Тютчева. Но намек на ответ найдем в истории его семьи.

ладшая дочь поэта, Мария Федоровна, Мари, была натурой деятельной и романтической: она умела думать о других больше, чем о себе. Одно время намеревалась даже стать медицинской сестрой. Из Овстуга с горечью писала отцу о невежестве и нищете, в которых прозябают окрестные крестьяне, о детях, «гибнущих из-за недостатка ухода».

И Мари решилась открыть в Овстуге школу для деревенских детей. Она знала, что крестьяне собрали деньги на школу, но что средств не хватило даже на ремонт здания, в котором собирались ее открыть,— денег требовалось ровно вчетверо больше.

Мари взяла на себя ремонт школы, по ее распоряжению и на ее средства здание перестроили, расширили почти вдвое, приобрели все принадлежности для школы. Она не ограничилась одной только благотворительностью, то есть тем, что из своих небольших средств платила за все, что требовалось,— от дров до тетрадок. Она входила во все нужды школы: сама подыскала учителя, присылала из Петербурга книги и наглядные пособия. Мари верила в преобразующую силу просвещения: «...я убеждена, что стоит только начать — через несколько лет крестьяне сами не захотят оставаться без школы», — писала она брату в феврале 1871 года.

В августе того же года Федор Иванович Тютчев в последний раз посетил Овстуг. Школа готовилась к первому учебному году. Поэт был тронут и увлечен этим событием и захотел принять в нем участие. Он передал школе десятину земли своей усадьбы и распорядился в течение шести лет снабжать школу дровами из принадлежащих ему лесных угодий. В начале сентября, уже из Петербурга, он спрашивал в письме: «Скоро ли откроется школа?»

Она открылась в том же сентябре. Это было образцовое училище, где преподавали грамоту, арифметику, геометрию, черчение, учили и некоторым ремеслам — шорному делу, бондарному.

Детей туда привозили, не говоря уж о самом Овстуге, не только из близлежащих деревень, но и из дальних, даже из города, из Брянска.

Мария Федоровна вскоре после открытия школы вынуждена была уехать из Овстуга, но она переписывалась с учениками и очень гордилась их успехами. Через два месяца после начала учебного года она писала: «Я получаю хорошие новости из Овстуга, особенно о моей школе. Почти все ученики мне написали, и никто не хочет верить, что эти грамотеи только 10 сентября начали заниматься».

Мари довелось радоваться училищу и следить за ним меньше года: летом 1872 года она скончалась 32 лет от роду от чахотки, неизлечимой тогда болезни. Поэт пережил ее ненамного, всего на один год.

После смерти Федора Ивановича Тютчева дом в Овстуге пришел в запустение. Сын его обосновался под Москвой, в имении Аксаковых Мураново — там же провела остаток жизни Эрнестина Федоровна, вдова поэта. Постепенно в Мураново перевезли семейные портреты, книги, мебель. Овстугский дом, построенный отцом поэта, стоял нежилой и постепенно разрушался. В конце концов его с разрешения владельцев разобрали, выстроили вместо него волостное правление. На месте дома остался один только фундамент. «Тютчевскими местами» стали считать Мураново и его окрестности. Название «Овстуг» продолжало звучать только в письмах поэта, которые включались в его собрания сочинений, да в комментариях к его стихам.

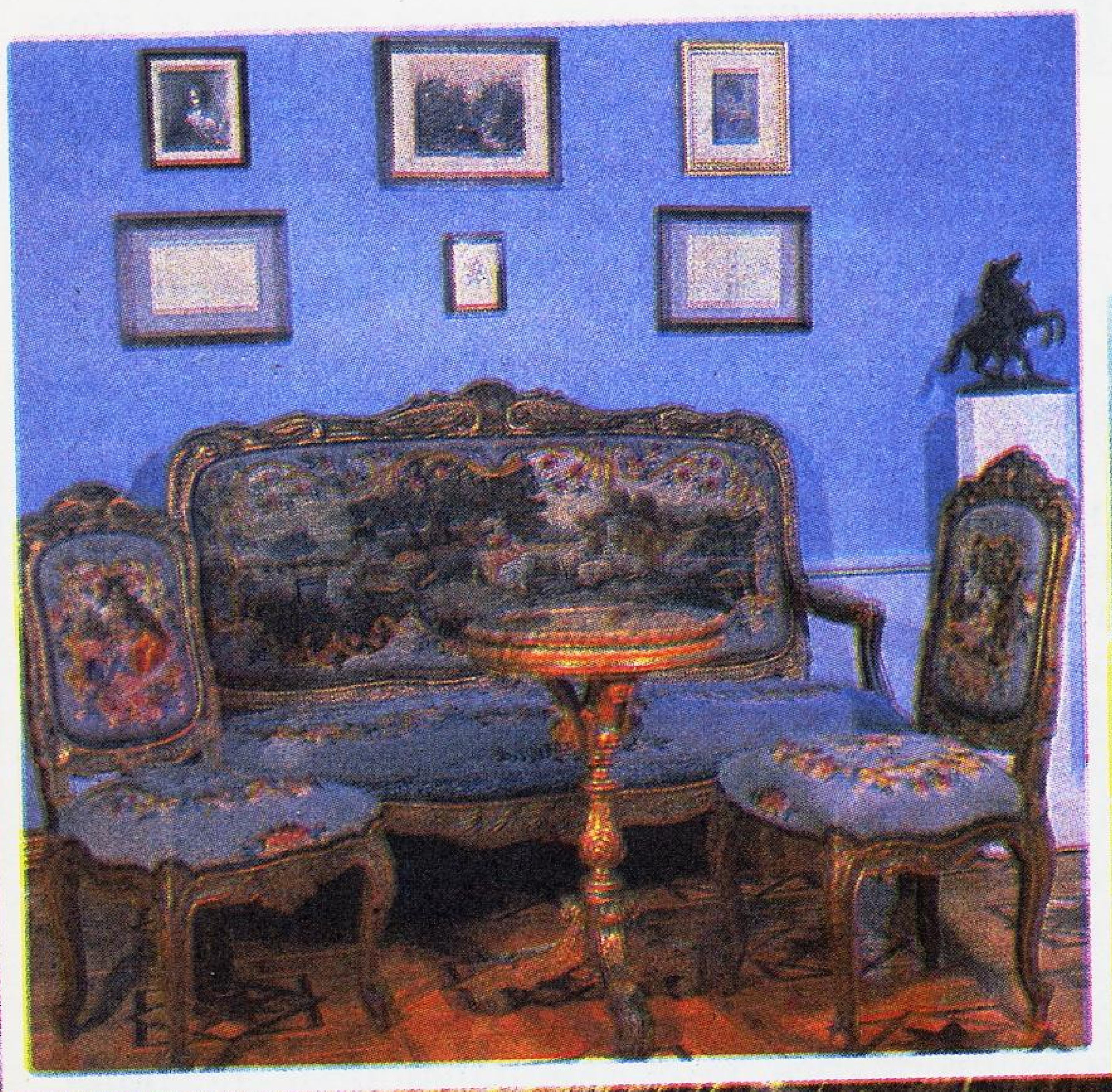
Но в самом Овстуге память о Тютчевых продолжала жить и значила для села очень много: в Овстуге осталась Тютчевская школа, она работала, она процветала.

Самые замечательные люди округи вышли из стен школы, и школа хранит память о каждом из них. Здесь берегут их портреты, их письма, здесь вам подробно и охотно о них расскажут. Но охотнее всего и подробнее всего — о самом любимом из выпускников, Владимире Даниловиче Гамолине.

В Овстуг он приехал мальчиком, когда его отец стал председателем здешнего колхоза. Играл с ребятами на месте разрушенного тютчевского дома — по остову фундамента, поднимавшегося над землей, хорошо было бегать, проверяя свою ловкость. Тогда же узнал он звонкое имя «Тютчев» и запомнил красивые и непонятные строки, которые иногда по вечерам читал вслух его отец: Даниил Гамолин был любителем и знатоком поэзии Тютчева, что в те времена казалось странной причудой.

Война превратила цветущий Овстуг в пустыню. Фашисты уничтожили фруктовые сады, вырубили тютчевский парк, взорвали церковь, построенную дедом поэта и устроили свалку на могиле его отца.

В первые послевоенные годы людям было не до восстановления исторических ценностей — слиш-

Залы нового музея в Овстуге раскрыли свои двери экскурсантам 14 июня прошлого года.

ком много бед и забот было у них. Даже через десять лет после окончания войны мысль об устройстве литературного мемориала людей удивляла. Когда Владимир Гамолин, окончив педагогический институт в Ленинграде, вернулся в Овстуг, чтобы преподавать литературу в Тютчевской школе, и заговорил о музее, его подняли на смех.

Больше он о музее не говорил. Он его создавал.

Школа имени Тютчева к тому времени переехала в новое здание, а старое, перестроенное еще в 1871 году под руководством Марии Федоровны, превратили в общежитие для учителей. Там и поселили молодого специалиста с семьей: дали им комнату. А еще одна, как вскоре обнаружил Владимир, пустовала: там хранили старое, ненужное школе оборудование. Гамолин добился того, что комнату отдали под литературный уголок. Старшеклассники разобрали и снесли в металлолом скопившийся хлам, рабочие сделали отдельный вход. Сам Владимир Данилович отправился в Мураново, привез оттуда фотографии. Собрали весь доступный материал, и 1 января 1957 года в селе Овстуг открылась «комната-музей» Федора Ивановича Тютчева. В этот день Владимир Данилович провел первую из своих бесчисленных экскурсий: для товарищей по работе, учителей Тютчевской школы.

Потом экскурсанты потянулись из ближних и дальних мест — приезжали, прослышав про новый музей, кто в одиночку, кто с семьей или с друзьями. Для каждого Владимир Данилович проводил подробнейшую экскурсию, даже если перед ним был только один слушатель. К тому времени он стал уже завучем, музеем руководил на общественных началах.

Тогда он принялся за спасение тютчевского парка. Старшие из жителей села хорошо помнили, как он выглядел, где и что там росло. Сохранились пни от вырубленных аллей, можно было угадать направление дорожек. Вместе с учениками и учителями уходил Гамолин в окрестные рощи, там выкапывали молодые деревья, переносили их в село, сажали на месте погибшего парка. И вот он поднялся — пока невысокий и негустой, но весной и летом он шелестел молодой листвой, а осенью устилал дорожки червонным золотом.

4 июня 1961 года в парке состоялся первый Тютчевский праздник поэзии.

Три тысячи человек приехали в этот день в Овстуг из окрестных сел, из Брянска. Стихи Тютчева и стихи о Тютчеве звучали с импровизированной трибуны и так всем понравились, что на следующий же день у Гамолина стали спрашивать: нельзя ли, мол, повторить праздник, хотя бы через неделю?

Праздник повторили через год, и с тех пор он стал традиционным. Ко второму воскресенью июня, когда весенние полевые работы завершены, а сенокос еще не начался, школьники приводят в идеальный порядок парк, каждый дом в Овстуге старается принарядиться, в каждую семью приезжают гости. Этот день — тютчевский, день всесоюзного праздника поэзии. На нем выступают поэты из Москвы и Брянска, читают свои стихи Владимир Гамолин и даже его ученики.

На холме над парком поднялся сейчас дом с колоннами, с куполом и шпилем — точная копия того, в котором жили Тютчевы. Совсем новый (его открыли 14 июня 1986 года), он весь сияет, и даже обязательные музейные тапочки там не успели потускнеть. Экспонаты размещаются в просторных залах, а две комнаты воспроизводят обстановку того времени, когда Тютчев жил здесь.

В здании, где сто с лишним лет тому назад была открыта школа, разместился затем первый музей Ф. И. Тютчева. Теперь тут художественная галерея.

ороткий осенний день клонится к вечеру. Солнце зажгло золото на верхушках еще не облетевших берез. Потускнело золото упавших листьев под ногами. В залах музея зажигают свет.

Прошли те времена, когда Владимир Данилович Гамолин показывал крошечный музей двум-трем посетителям. Еле вмещаются в зал экскурсанты — большая группа из Брянска и несколько приезжих из соседней деревни. А к ограде парка подкатывает междугородный автобус.

Владимир Данилович о семье Тютчевых говорит, как о своих близких знакомых. Невозможно поверить, что этих людей он никогда не видел, что знает их лишь по портретам, письмам, стихам. Он любит их, он их жалеет, он ими восхищается, он скорбит об их ошибках. Только осуждать их он себе не позволяет. Он уважает их чувства.

Перед портретом Елены Александровны Денисьевой — той, которую поэт называл своей последней любовью, он останавливается, чтобы прочитать стихи Тютчева, написанные год спустя после ее кончины.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?..

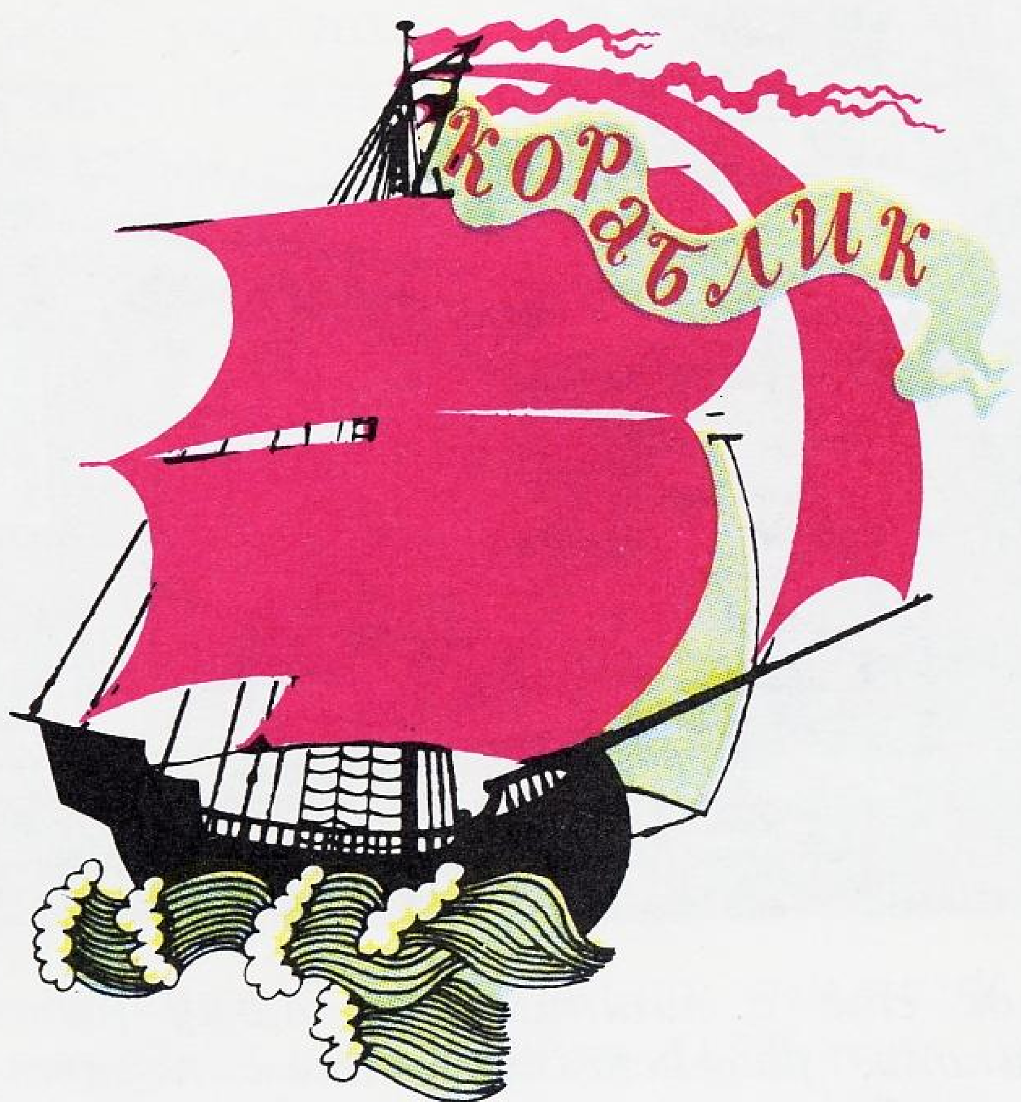
Смотрят на портрет две девочки, девятиклассницы из Брянска, в коричневых форменных платьях, в одинаковых кружевных воротничках и кружевных фартуках. Одни и те же чувства — печали, восхищения, зависти к прекрасной женской доле — к той, что была музой поэта, — и ужаса перед такой судьбой, ибо жизнь ее была коротка и трагична, делают вдруг похожими столь разные лица девочек. Притихли шестеро «любителей поэзии» из 4-го «А» той же школы, которые увязались за старшими «к Тютчеву». Пригорюнилась, печально улыбаясь, их учительница. Молодая женщина из ближнего села углом нарядной шали утирает мелкие частые слезинки.

Столетней давности любовь, столетней давности страдания разрывают сердце.

Тютчев-то им не чужой... Свой, овстугский.

С. БОГАТЫРЕВА

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

По случаю праздника, Международного женского дня, на борту «Кораблика» — творчество одних только девочек!

«Сегодня на улице сильный ветер и метель. Я сочинила об этом стихотворение».
Надя ЕФИМОВА, ученица 5 «А» класса школы № 30 города Оренбурга.

Ветер в марте

Он пахнет зимою,
Морозом и снегом,
Бежит от Весны он
Порывистым бегом.
Он кличет снега,
Град, морозов клинки:
«Уходим! Уходим!
Прошли наши дни!»
Весне открывает
Ворота Природа.
До нового снежного
Зимнего года!

Наташа СЕМАШКО — шестиклассница, живет в Казани, учится в школе № 111. В этом году Наташу выбрали редактором дружинной стенной газеты, потому что она сочиняет стихи и хорошо рисует.

Маме

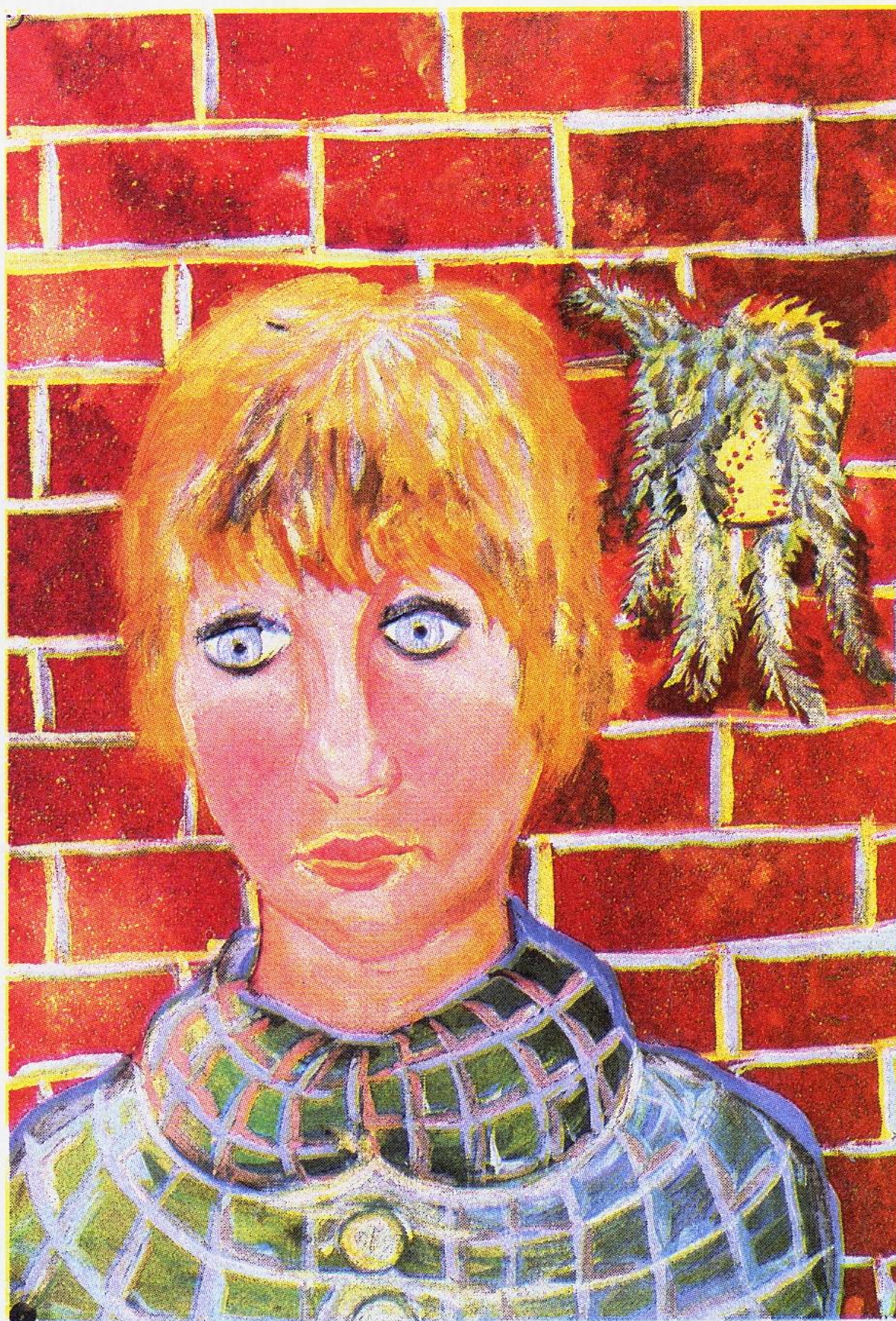
Я маму поздравляю
С прекрасным днем на свете!
Ей радости желаю
И мира на планете.
Пусть мама будет счастлива,
Здоровием крепка,
Пусть маме светит солнышко
С улыбкой свысока.

Лошадь служит человеку...

Лошадь служит человеку,
Носит на себе седло,
Возит тяжести и грузы.
Ей живется тяжело.
Хоть масти разные, породы,
Но одинаковы глаза.
Пройдет лошадка все невзгоды,
Пройдет и реки, и леса.

«ПОРТРЕТ СЕСТРЫ»
нарисовала Оксана БРОВКОВА, 9 лет.

*«Кораблик» — * Журнал в журнале * Печатает только тебя **

«ПОВАРИХА» —
работа Лены КУЗНЕЦОВОЙ, 12 лет.

Кира КАГАН — восьмиклассница из Киева.

О рыцарях

Говорят, что устарело рыцарство,
Устарели благородство, верность, честь..
Говорят... Но все же очень хочется
Старые романы перечесть.
Тихо я страницы перелистываю,
И из книги смотрят на меня
Очи благородных верных рыцарей,
Полные любви, надежд, огня.
Тихо я страницы перелистываю,
Вижу и глазами, и душой,
Кажется мне: все, что здесь написано,
Это было также и со мной...
Нет, не так, не устарело рыцарство,
Существуют благородство, верность, честь!
Только не мешало б нашим мальчикам
Старые романы перечесть...

Светлана МАРКОВА живет во Владимире, учится в 7-м классе школы № 16.

Кормушка

Висит кормушка на окне
на радость нам и птицам.
И каждый день по сто друзей
в окно мое стучится.

Синицы, галки, воробьи —
тихони и задиры —
стучатся дружно по утрам
в окно моей квартиры.

Какая радость видеть птиц
и слышать трель синичек!
Я каждый раз встречаю их,
как дорогих сестричек.

Ворона

Опустели гнезда и кроны,
на юг улетели стаи,
и замарашки-вороны
снова заметными стали.

Занятное очень обличье,
осмысленное выраженье.
И что-то совсем не птичье
в некоторых движеньях.

То чинно шагает по тропкам,
как ходят солидные люди,
то скачет нелепым галопом,
как бедуин на верблюде.

Всю зиму живем бок о бок
и рады уже, как другу:
не испугалась сугробов,
не улетела к югу.

А когда прогорланит в марте:
«Кар-кар, прошла зима!» —
Крику вещуньи, поверьте,
рада весна сама.

Лев Кассиль. 1965 год.

Счастье писателя

Почти нет такого детского писателя в нашей стране, который бы не знал Бориса Исааковича Камира. Дело в том, что более четырех десятков лет этот человек проработал в издательстве «Детская литература». Через его руки прошли тысячи рукописей. Он был знаком с Аркадием Гайдаром, встречался с Самуилом Маршаком. Вместе с Александром Твардовским готовил для ребят поэму «Василий Теркин», а с Александром Фадеевым — «Молодую гвардию». За статью «Властитель дум» («Пионер» № 2 за 1984 год) ему были присуждены диплом имени Л. А. Кассиля и премия.

В нынешнем году заслуженному работнику культуры РСФСР Борису Камиру исполняется 80 лет. Мы от всей души поздравляем Бориса Исааковича с юбилеем и предлагаем вниманию читателей его новую работу.

Борис КАМИР

«Плыви, плыви... пленительное судно...»

Комнатка похожа на фонарь, у которого нет одной стороны. Два с половиной шага в длину. Два — в ширину. Высоченное окно — от пола до потолка — распахнуто, и кажется, будто мой служебный стол висит над переулком... Знаменитый Мало-Черкасский! Я работаю здесь. В отделе массовой работы и библиографии издательства «Детская литература».

За спиной прошуршала дверь, и в комнатке появился невероятно худой человек. Светло-кремовый без единой морщинки костюм облегает длиннющую фигуру. Галстук в крапинку и платочек, уголком выглядывающий из нагрудного кармашка пиджака, отливают голубизной. Элегантно приподняв невесомую шляпу из соломки, вошедший улыбчиво сказал:

— Здравствуйте! Я — Кассиль. У нас в «Известиях» все известно,— последнее слово он шутливо подчеркнул.— Вы газетчик. С юга. Не отпирайтесь.

...Воскресное многолюдное утро у Савеловского вокзала. Спешу на электричку. Мне в Водники, к Кассилю.

И вот калитка в низкой ограде любезно пропускает меня к двухэтажному дому с одиноким обветшалым тополем. Над крышей высится шест и на нем — медный кораблик под парусами. Фантастическую гриновскую бригантину зажгло солнце, и она призывно горит в синем небе.

Это — яхт-клуб «Спартака». Сюда, на водную станцию своего любимого спортивного общества, и пригласил меня Лев Абрамович в тот июльский день 1940 года.

По крутой дорожке, пробитой в кустарнике, сбегаю с холма и сразу попадаю на пирс. У пирса чуть покачивается на волнах белоснежный катер. Зеркальные стекла каюты переливаются перламутром. С мачты спускаются разноцветные гирлянды — флаги расцвечивания — красные, синие, желтые.

На бортах катера накладные золоченые буквы: «Швамбрания».

Сам «адмирал» стоит на шершавом пирсе. Приветственно машет рукой. На нем брезентовая роба, темный берет, в уголке рта темно-вишневая трубка. Настоящий морской волк! И мог ли я, глядя на него в ту минуту, предположить, что пройдет всего два года — и летом 1942-го к нам на Мало-Черкасский в издательскую комнатку-фонарь с теперь уже наглухо закрытым и окленным крест-накрест бумажными полосками окном,— чтобы стекла не лопались в бомбежку,— войдет военный моряк в темно-синем бушлате, заломленной комсоставской фуражке с крабом и лихо доложит: «Военный корреспондент Кассиль. Прибыл с Северного флота». Да, швамбранский мечтатель «адмирал-капитан Ардельяр Кейс» в грозный час войны стал в строй защитников Родины...

Кассиль был уже на катере и протянул мне руку:

— Шагайте смелее! Мой «сверхдредноут» готов к плаванию.

Я собрался с духом и, стараясь не покачнуться, переступил с пирса на борт. Под ногами была отдраенная до блеска палуба.

Чудо-катер предстал передо мной во всей красе — от решетчатых деревянных подстилок-пайол до клотика на мачте. «Крейсер-лимузин» — так значился он в справочнике — был превосходен. Длина — 8 метров. Мотор — восьмицилиндровый. Скорость — 24 — 27 километров в час. На корме флагшток с твердым цветным квадратом. На нем «швамбранский» герб: щит с силуэтами человечьего зуба, парохода, двух старинных автомобильчиков и королевской короной на шахматном поле.

Помните, в тексте «Швамбрании»: «...На государственном гербе «Швамбрании» к Зубу Швамбранской Мудрости, пароходу Джека, Спутника Моряков, и Черной королеве — хранительнице тайны — прибавились еще автомобили...»

Мы вошли в маленькую каюту с иллюминаторами и уселись за крохотным складным столиком. Лев Абрамович не без самодовольства,— знай, мол, наших! — показал мне походную библиотечку «Швамбрании» и журнал-лоцию с «ходовыми» записями.

Катер совершал рейсы к дмитровским и яхромским школьникам, катал ребят из Московского Дома пионеров. До сих пор у меня в ушах баритонально мягкий голос Кассиля, прочитавшего под плеск волны шуточное послание его друга — поэтессы Веры Инбер:

— Я знаю, что порою
это трудно.
Но надо плыть.
Плыви, плыви вперед,
«Швамбрания» —
пленительное судно,
Прообраз поэтических широт.

Тут пришла и моя очередь порадовать Кассиля. С величайшей осторожностью и, решусь сказать, нежностью я вынул из маленькой папки с шелковистыми тесемками и передал Кассилю сверстанные, пахнущие типографской краской оттиски страниц недавно законченной им повести «Великое противостояние».

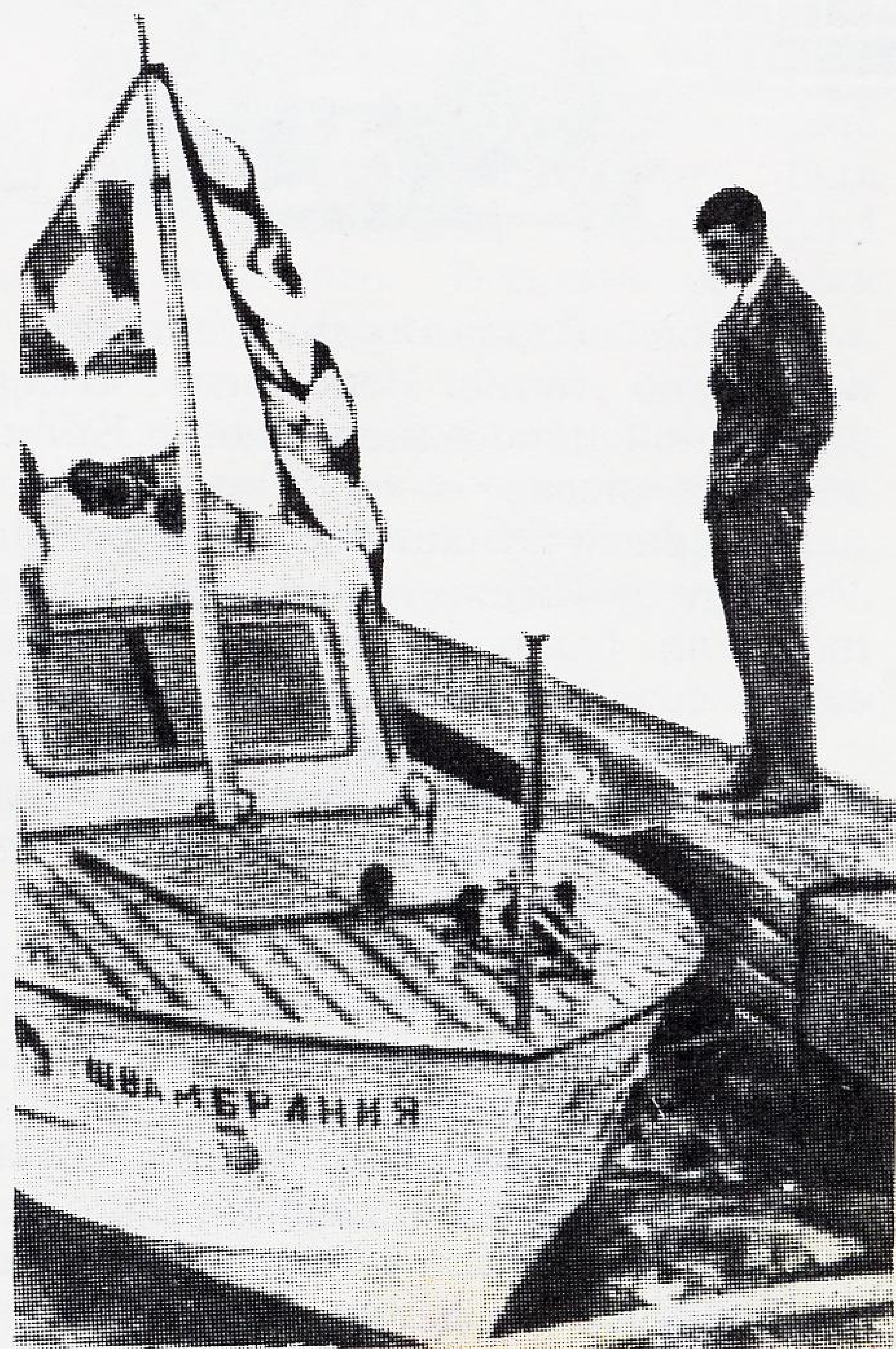
— Шум, труба-барабан! Драгоценность величайшая! Не ожидал! — воскликнул Кассиль и прижал верстку к груди.

Лев Абрамович пригласил меня в двухместную рубку управления. Здесь руль, рычаги, ходовые приборы.

— Нет лучшего отдыха, чем за штурвалом,— с этими словами он мягко повернул рычаг, под полом рубки что-то заурчало, и за кормой появилась острая пенная струя. «Швамбрания», освобожденная от расчалок, развернулась, оставила вправо от себя пирс и, набирая скорость, пошла на середину бухты и дальше, к большой воде...

Когда мы были на канале вблизи Речного вокзала, рулевой заглушил мотор и поднял парус. Ветер упруго выгнул его, и «Швамбрания» заскользила по речной ряби. Мы поравнялись с трехпалубным красавцем-теплоходом. Пассажиры размахивали зонтами, платочками, приветствовали солнечную яхту...

На этом мой рассказ о «Швамбрании» можно было бы закончить, если бы... если бы сама жизнь не подсказала его продолжение. Да,

Через минуту-другую «Швамбрания» отправится в плавание.

жизнь — великий зодчий, и свершения ее непредсказуемы.

1 апреля 1980 года советские астрономы — разведчики Вселенной открыли в Солнечной системе среди орбит Земли, Марса и Юпитера малую планету № 2149 и присвоили ей имя «Швамбрания».

В бесконечном космическом пространстве, познаваемом нами ради мира и счастья людей Земли, живет и совершает свой вечный путь малая планета с гордым именем Швамбрания.

«Книжкины именины»

В дневниковых записях Льва Кассиля читаем: «Приятно, когда твоя выдумка со словом входит в жизнь, уже отрывается от твоего авторства, становится общим достоянием. «Книжкины именины» (о Неделе детской книги)...»

директор издательства «Детская литература», и Лев Кассиль.

В зале зажжены не все люстры, далеко не все,— электричество надо экономить,— но света много...

А вверху над сценой, между колоннами, портрет Алексея Максимовича Горького. Два военных прожектора — справа и слева — подсвечивают портрет и кумачовую ленту, на которой его трогательное признание: «Когда у меня в руках новая книга... я чувствую, что в мою жизнь вошло что-то живое, говорящее, чудесное».

Через два дня — в воскресенье — исполнится 75 лет со дня рождения Алексея Максимовича.

Время — грозное, и детская литература на посту. В руках у ребят книги писателей-фронтовиков: «Рассказы о войне» Николая Богданова и «Сила жизни» Василия Ильенкова, «Возвращение» Михаила Лузгина и «Орлиный залет» Вениамина Каверина, «Фронтовые рассказы» Николая

Военный корреспондент Лев Кассиль на фронтовых дорогах встречал своих маленьких друзей.

Да, он обладал удивительным даром — называть емко, точно. Вспомните: «Главная елка» — о ежегодной новогодней елке в Кремле, или «Ледовый комиссар» — об Отто Юльевиче Шмидте, легендарном участнике челюскинской эпопеи...

А вот с «Книжкиными именинами»... Авторство писателя было не только в названии: Кассиль сам и создал уникальный книжный праздник.

Перенесемся на четыре с лишним десятилетия назад, в военную Москву ранней весны 1943 года.

...Утро 26 марта — это была пятница — выдалось на редкость холодное, хмурое. Из станции метро «Охотный ряд» и «Площадь Свердлова», из трамваев и троллейбусов выбегают ребята-школьники. Двери главного входа Дома Союзов раскрыты, и ребят встречают устроители праздника — первых «Книжкиных именин». Двое военных — светловолосая женщина-майор с орденом Красной Звезды на кителе и высокий моряк в комсоставской форме с орденом «Знак Почета» здороваются с каждым. Это — Людмила Викторовна Дубровина,

Тихонова и «Партизанскими тропами» Льва Плескачевского.

Газета «Вечерняя Москва» в те дни писала: «Сегодня — второй день школьных каникул. Гостеприимно открыты для детей двери Дома союзов. Ежедневно в Колонном зале устраиваются концерты мастеров искусств, встречи с писателями, поэтами, фронтовиками».

От этих «Книжкиных именин» и пошли по всей стране ежегодные Недели детской книги.

Мы будем рады, если все здесь написанное попадет на глаза тем детям фронтовиков, пионерам-тимуровцам, кто в весенние каникулы 1943 года побывал в Колонном зале на «Книжкиных именинах», и они откликнутся.

...Победный 1945-й. В этот год Неделя была не в весенние каникулы, а в предпраздничные октябрьские дни. 30 000 учащихся московских школ и дошкольников получили красочные билеты. Приглашаем тебя в Колонный зал. Ты

узнаешь об интересных книгах, писатели прочтут тебе свои стихи и рассказы, ты посмотришь книжную выставку и получишь книги в подарок».

На сцене — книга-гигант. Называется она «Наша книга». Это «сборник» стихов, рассказов, сказок. Неожиданно книга оживает, и с ее страниц на эстраду сходят герои любимых произведений: Дон Кихот и Санчо Панса, Гаврик и Петя, Том, Бекки и Гек Финн, Лёля и Ося... Книжные утренники и вечера длились с воскресенья, 14, до воскресенья, 21 октября.

17 октября. В зале такая тишина, что слух улавливает дыхание соседа. Собравшиеся — писатели и читатели — чтут память товарищей, литераторов, не вернувшихся с фронта...

Позади 1418 дней войны. Отгремел над миром победный салют. Идут наполненные самоотверженным трудом послевоенные будни. И вот впервые за этот тяжелейший и героический период в жизни страны юноши и девушки встретились со своими

духовными наставниками, художниками слова. Ведущий — Лев Кассиль называет присутствующих в Колонном зале писателей: Сергей Григорьев, Михаил Пришвин, Самуил Маршак, Алексей Сурков, Сергей Михалков, Агния Барто, Константин Паустовский, Аркадий Первенцев, Вера Инбер, Александр Кононов, Вениамин Каверин, Маргарита Алигер, Сергей Васильев...

Как-то само собой получилось, что в конце вечера в овальной комнате за сценой собрались и сфотографировались «на память» писатели и художники-иллюстраторы. Фотография сохранилась. Сейчас она передо мной, и я вглядываюсь в каждое запечатленное на ней лицо: художники Валериан Щеглов, Евгений Рачев, Андриан Ермолаев, писатели Лев Кассиль, Сергей Михалков, Игорь Всеволожский, Александр Кононов, Алексей Пантелеев, Лев Квитко, Владимир Немцов. На обороте фотоснимка надпись: «Это было 17 октября 1945 года, в кулуарах Колонного зала, где писатели и читатели проводили Неделю детской книги. Фотография наглядно показывает, какая золотая дружба, какое завидное единство царит в среде работников детской книги... Смотрите и поучайтесь. Всегда бы так... Лев Кассиль»

Из старых блокнотов

Рождение книги окутано тайной. Истина старая, но всегда интригующая. Тайну хочется разгадать.

Произошла, говоря по-современному, обратная связь. Не писатель с заявкой пришел в издательство, а издательство мобилизовало писателя. Идею подала неугомонная Инна Ивановна Кротова, наш товарищ по издательству, редактор произведений Кассиля.

— У него ворох корреспондентских блокнотов, газетных вырезок, репортерских записей. Крючки и закорючки, ему одному понятные. А оживет все это, и ребята узнают такое...

Пояснять, что скрывается за словом «такое», не требовалось. За тридцать лет газетной горячечной жизни у оперативнейшего «известинца», писателя-журналиста накопилось такое богатство впечатлений и встреч, что они сами просились в ребячью книгу. Сам Лев Абрамович о своих жизненных «маячных огнях» говорил так: «Подобно тому, как, поставив иглу патефона на крайний виток пластинки и запустив диск, начинаешь снова слышать давно спетую песню, так, раскрывая старые свои корреспондентские блокноты и пробегая глазами по бороздкам полуистершихся строк, опять как бы видишь перед собой картины давних, но запечатлевшихся лет...»

Картины давних лет. Это и рассвет в подмосковном Щелкове 18 июня 1937 года. «Еще темно, но уже заправленную, готовую к полету машину с ярко-алыми крыльями осторожно выводят из ворот ангара...» Чкалов, крепкий, плечистый, в унтах из нерпы, в обычной серой кепке, обходит самолет. Еще минута, и он со своими друзьями — Беляковым и Байдуковым — поднимет краснокрылую красавицу машину в воздух. «Трое москвичей только что покинули город и землю, чтобы первыми из людей совершить великий межконтинентальный перелет через полюс и спуститься с неба «на той стороне» земного шара — в Америке...»

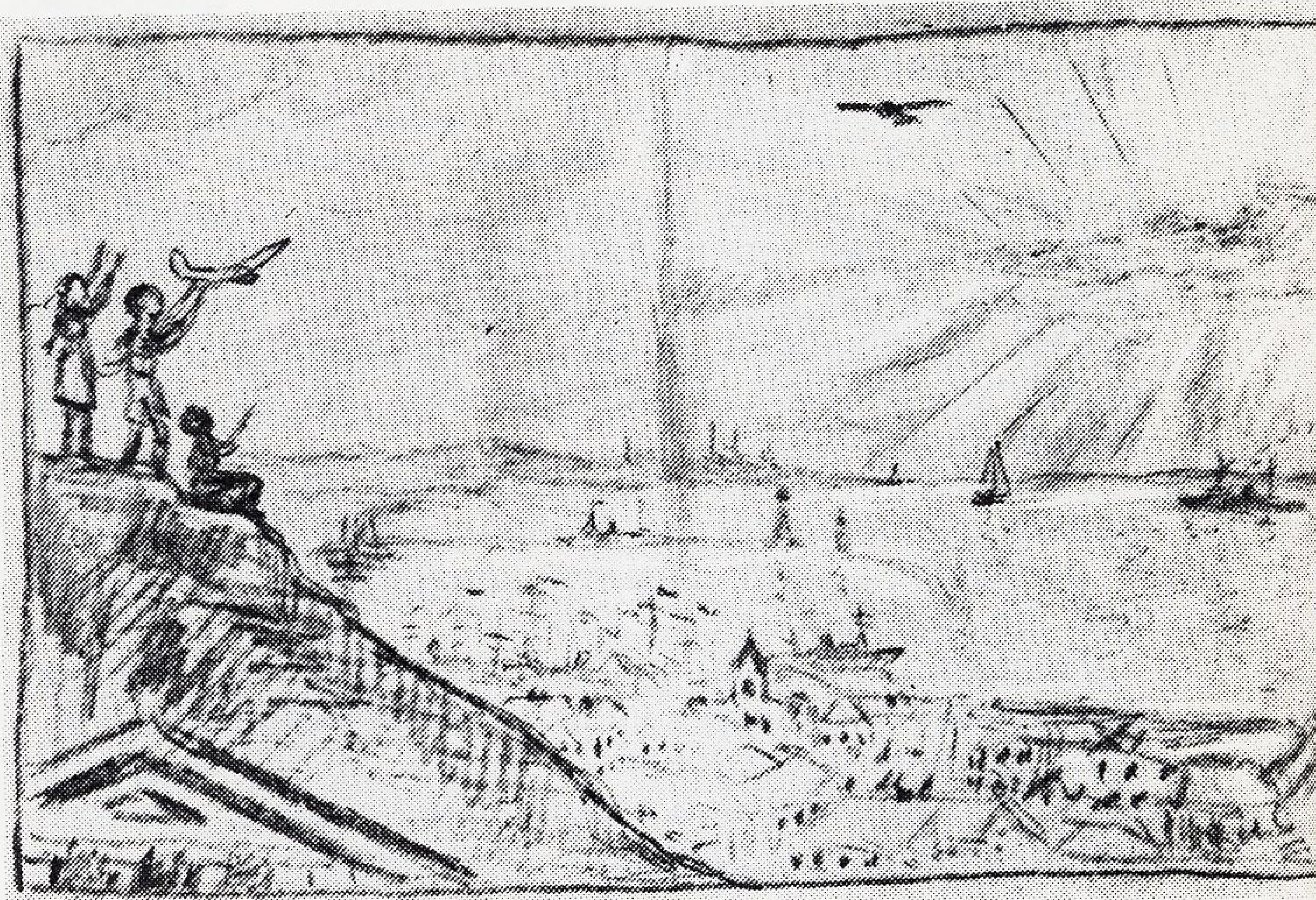
В новелле «Поэт-маяк» автор говорит о высокой радости знать человека, голос которого был «могучим глаголом нового века», — Владимира Владимировича Маяковского. Вспоминает, как интересно было ходить с Маяковским по Москве, невольно любуясь его просторной поступью. «Послушайте!.. Мы здесь с вами как-то проходили с месяц назад. Тут же ни черта похожего не было. Я помню — свалка, дрянь всякая горой. А сейчас, глядите, уже три этажа вымахали. Пойдем узнаем, что это тут строится».

Замечательные люди и потрясающие события изображены писателем. «Путь к звездам» — встреча в Калуге с Константином Эдуардовичем Циолковским. «... Убедительно и дерзновенно наш народ, народ-звездоносец, прокладывает человечеству путь в космос, начатый когда-то калужским учителем, имя которого ныне известно уже на всей нашей планете». Или новелла «Вставка в кинофильм «Чапаев». В 1936 году Кассилю довелось побывать в республиканской Испании. Где-то на дороге из Валенсии в Мадрид в крохотном кинозале бойцы народного фронта смотрели «Чапаева» и в порыве гнева, когда увидели психическую

атаку белогвардейцев-каппелевцев, забросали экран апельсиновыми корками и жеваной бумагой... Или: «Деревцо у школы» — о разговоре с Зоей Космодемьянской за 4 дня до начала войны во дворе 201-й московской школы у посаженной ею яблоньки. Кстати, о том, что школьница, с которой беседовал Кассиль, была Зоя Космодемьянская, он узнал из ее дневника, опубликованного много лет спустя в книге матери Зои Любови Тимофеевны Космодемьянской.

«Люди нового века» — так назвал писатель эту свою маленькую книжечку, в 12 новеллах которой он оживил полуистертые строчки из старых блокнотов. Книжка увидела свет в начале 1958 года. «Вину» за ее появление он поделил с теми, кто ее «подсказал», и подчеркнул это в дарственной надписи на титульной странице врученной нам книги.

Роль издательских работников он, конечно, преувеличил, но, по совести говоря, вина наша и, при том без кавычек, была и есть: книжка «Люди нового века» с тех пор ни разу не переиздана. А жаль!

Вид на город Керчь с горы Митридат. Рисунок Льва Кассиля. (Набросок к форзацу книги «Улица младшего сына».)

В нем жил художник...

В давней, очень давней автобиографии (не знаю публиковалась ли она, у меня сохранился лишь машинописный текст), Кассиль писал: «Гимназию не окончил, но помог прикончить. Дальше учился в единой трудовой школе. Ее окончил. Затем предался искусству и занимался в саратовском художественно-практическом институте. Рисовал».

На слове «рисовал» задержимся. Люди, близко знавшие Кассиля, говорили, что в ранней юности он рисовал, и рисовал интересно, занимался музыкой, мечтал стать архитектором, кораблестроителем или естествоиспытателем. Победила страсть к литературе. «Очень хотелось писать, желанию этому противостоять не мог». Знал, что «литература — самый трудный род искусства», и все же выбрал его.

... С Максом Поляновским мы были знакомы еще до войны, а в 44-м встретились в издательстве. Подтянутый, загорелый, в летнем кителе с майорскими погонами защитного цвета, он улыбался и, чувствовалось, торопился что-то сказать. Но первый вопрос, естественно, «откуда»? Оказывается, из освобожденной Керчи. Приятно слышать. Сводки Совинформбюро уже сообщали, что в апреле — мае этого года победно завершен Третий удар Советской Армии. Одесса и Крым очищены от немецко-фашистских захватчиков.

В руках у фронтового корреспондента пухлая папка, под завязку набитая черновыми записями, вырезками из армейских газет. Он пришел за советом и помощью. В растерзанном, но непокорившемся городе он узнал и собрал первые сведения о керченском мальчишке, пионере-разведчике, юном бойце партизанского отряда в Аджимушкайских каменоломнях, «младшем сыне партии» — Володе Дубинине. Трогательная и трагическая история. Нельзя не поведать о ней детям. Но Макс Леонидович откровенно признался:

— Один не справлюсь. Не обладаю опытом детского писателя.

Кто поможет? Кассиль! Да, только Кассиль.

Остальное, как принято говорить, решил телефон. Благо, писатель оказался в Москве.

Более трех лет длилась их совместная работа.

Сбор материалов, накопление и изучение всего, что так или иначе связано с жизнью юного героя. Встречи, поездки, расспросы. В мучительных поисках родилась фабула и композиция повести. «Улица младшего сына» увидела свет в 1949 году и тогда же получила высшую премию государства.

Несколько лет спустя, на литературно-критических чтениях в Доме детской книги, Кассиль говорил: «Нахожу уместным здесь еще раз поблагодарить М. Л. Поляновского за то, что, деля все трудности, встречающиеся при собирании, изучении фактического материала и распределения его в книге, он затем полностью доверился моему писательскому опыту и не мешал мне сохранить в повести то, без чего я был не в силах выполнить эту работу,— мою уже в какой-то мере выработанную годами творческую манеру».

Здесь как раз и следует высветлить одну удивительную грань в творческой манере Кассиля: в его писательской душе жил взращенный со школьных лет художник-рисовальщик. Сочинив повесть, роман, очерк или рассказ, он видел «образ» своей будущей, уже проиллюстрированной книги.

Пример? Все та же «Улица младшего сына».

Передо мной чудом сохранившаяся страница настольного календаря за 5-е, 6-е и 7-е сентября 1948 года. На обороте этого изрядно выцветшего листка два кассилевских карандашных рисунка. Под первым читаем:

«Проект обложки»

Темно-коричневый общий, ровный фон. Ослепительно яркое пятно — отверстие выхода из подземелья, как бы видимое из тьмы штольни. В нем — небо, море, солнце, птицы... Силуэт мальчика, резко очерченный на светлом фоне выхода, с одного бока освещенный по контуру солнцем. Вся фигура мальчика в остальном срастается с общим фоном обложки. Все надписи (авторы, заглавие) даются наклонными внутрь (лучше вырубленными), освещенными как бы от входа, дающими перспективу подземелья».

Под вторым:

«Проект форзаца»

В основу берется фотопанорама Керчи, снятая с вершины горы Митридат. На горе — крупно — группа пионеров, запускающих авиамодель. Внизу город, порт, мол, корабли. Простор. Ветер. Солнце в легких облаках. Море. Самолет, вторящий своей реальностью пионерской модели — мечте...»

В первом издании «Улицы младшего сына» этот иллюстративный замысел писателя нашел свое полное воплощение.

Драгоценная закладка

Июль 1965 года. Кассиль у нас в издательстве, рассматривает только что напечатанную узкую книжную закладку. На лицевой стороне — фото писателя — добрый взгляд, легкая улыбка,— а ниже одно из его высказываний. На обороте — содержание подготовленного к выпуску 5-томного собрания сочинений.

Он подносит закладку к глазам и доверчиво, совсем по-ребячьи спрашивает:

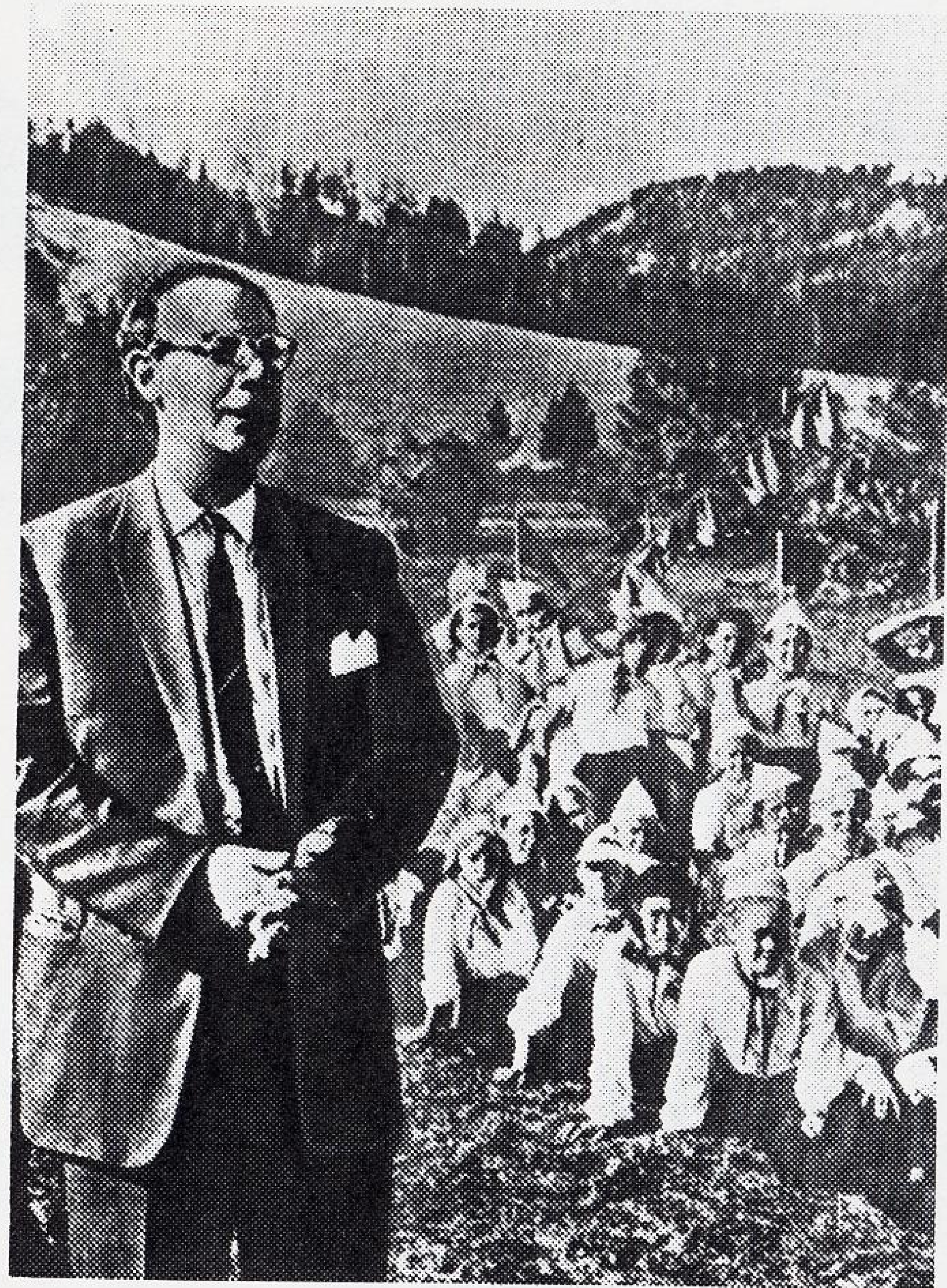
— Чуть-чуть поправить можно?

— Охотно.

Достает из внутреннего кармана темно-синюю самописку и что-то поправляет. Текст звучит так: «Если бы взрослые реже забывали, какие они были маленькими, а дети чаще бы задумывались, какие они будут большими, старость не торопилась бы к людям, а мудрость не опаздывала бы... Лев Кассиль»

И чтобы не оставалось сомнений в авторстве, озорно подписывает: «Исправленному верить. *Л. К.* 9.VII.65»,— и возвращает закладку. Тогда, признаться, я не разглядел, что внизу под текстом он тонким штрихом нарисовал, очертил рамочку-сердце. Почему?.. И только теперь, вглядываясь в драгоценную закладку, понимаю, что своим рисунком-символом он обращается к друзьям-читателям — маленьким и большим — со словами: «Сердце мое принадлежит вам!»

И мы отвечаем ему благодарностью.

Лев Кассиль в пионерском лагере.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Раздел ведет
В. НИКИТИНА.

Рисунки
Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ИСКУССТВО СПАСТИ КРАСОТУ

Четверть века назад один человек приехал в старинный русский город. Он долго обследовал развалины одного здания, извлекал что-то из обломков, складывал найденное в коробки. Так началась работа, привязавшая его к этим руинам на всю жизнь. Человека зовут Александр Петрович Греков; старинный город — Новгород; развалины — это все, что осталось после войны от знаменитого храма Спаса на Ковалеве.

Новгородский храм на Ковалеве был на всю Россию знаменит фресками, которые украшали его внутренние стены. Фрески — это картины, выполненные красками по только что оштукатуренной, покрытой известью, еще сырой стене. Древних фресок до наших дней сохранилось мало, любая из них бесценна. А с конца XIV века даже храмов почти не осталось, не то что фресок. Поэтому фрески из храма Спаса уникальны.

Стены маленького храма были расписаны талантливыми мастерами. Они изобразили портреты наших далеких предков: воинов и мудрецов, сильных и гордых людей. Века стоял этот шедевр, пока в 1941 году Новгород не захватили фашисты. После освобождения в городе уцелело всего сорок жилых домов и пятьдесят жителей. Почти все древнейшие и потому особо ценные здания были разрушены, в том числе и ковалевский храм. И вот в 1963 году Александр Петрович Греков и его жена и помощник Валентина Борисовна пришли на пустынный ковалевский холм. Они решили возродить погибшую красоту. Скоро на руины приехали археологи и целая бригада реставраторов.

Александр Петрович пишет о начале работ в Ковалеве так: «Под тарахтение движка, при свете тускло горевших мигающих лампочек или трепетном мерцании свечей, под шум барабанящего по кровле летнего дождя или завывание холодного северного ветра поздней осени, при 5—7 градусах мороза, когда от холода деревенело тело, не сгибались пальцы рук, горсть за горстью перебирались казавшиеся бесконечными груды строительного мусора». И так продолжалось почти пять лет. Большинство осколков некогда прекрасной живописи было совершенно изуродовано — мокрые, измятые, с едва проступающим рисунком. Порой от одного лишь прикосновения они обращались в пыль. Все осколки, даже самые маленькие, реставраторы бережно очищали мягкой кистью, укрепляли специальным раствором и склеивали.

Но самая тяжелая работа — собрать разрозненные части в целую композицию или картину. Реставраторы раздобыли план церкви. На нем было отмечено, где на стенах располагались росписи. Были у них и черно-белые фотографии, сделанные в храме до войны. Но как же трудно им пришлось! Представьте, что вам подарили детскую игру — мозаику. Из десяти кубиков надо сложить узор. А реставраторы Грековы собрали и очистили несколько миллионов сильно поврежденных обломков росписи, а потом сложили из них более 200 квадратных метров фресок.

Возрожденные картины были очень хрупкие. Поэтому фрески укрепили на специальных щитах из титанового сплава. Титан — материал легкий, прочный, из него делают обшивку самолетов. Он не деформируется, не боится влаги и, что самое главное, не вступает в химическое взаимодействие с известью. Щиты позволили эти хрупкие фрески даже перевозить из города в город, чтобы их увидело как можно больше людей. Картины уже побывали на выставках в Югославии, во Франции.

Грековы мечтают о том времени, когда у нас будет создан первый в мире музей восстановленных фресок. Вы сможете прийти туда и увидеть спасенные шедевры. Вспомните тогда об удивительном искусстве, которое вернуло людям, казалось бы, навсегда погибшую красоту.

Р. ШУЛЬГИНА

Где мы были, что мы видели

МАСТЕРСТВО ОГНЯ

Несколько лет назад в подмосковном городке Черноголовка я был свидетелем простого опыта. К сероватому столбику, спрессованному из смеси двух металлических порошков, подвели тонкую проволочную спираль и включили ток. Раскаленная спираль ярко засветилась — верхушка столбика вспыхнула и мгновенно раскалилась добела. Ослепительно белая светящаяся волна прокатилась сверху вниз и тут же погасла. Прошло не больше секунды, и столбик вновь стал серым. Но теперь передо мной был удивительный сплав двух металлов...

Технике наших дней, а еще больше технике будущего требуются вещества с особыми свойствами. Одни должны выдерживать немыслимый жар, другие — не бояться самых едких кислот, третьи — отличаться особой твердостью. Такие вещества есть, это соединения металлов с бором, углеродом, кремнием, азотом. Получать их сложно и дорого. Готовят такие вещества в мощных печах, и уходят на это многие часы.

Тем и поразителен опыт, свидетелем которого я стал, что во время него вещества получились мгновенно.

И дрова в печке, и уголь в топке, и порох в патроне при сжигании выделяют газы. Но есть и другое горение — без дыма и языков пламени, когда два или несколько твердых веществ сгорают друг в друге, соединяясь при этом прочными химическими узами. Его и стали изучать в Черноголовке, в Институте химической физики Академии наук СССР. И обнаружили, что, умело подбирая «горючее», можно получать сотни замечательных веществ.

Созданный в институте метод получения этих веществ назвали СВС—самораспространяющийся высокотемпературный синтез. Самораспространяющийся — потому что стоит поджечь столбик, и волна горения сама добежит до другого его конца. Высокотемпературный — потому что такое горение жарче, чем в любой печи: выгорают и испаряются все ненужные примеси — получаются вещества высочайшей чистоты. Ну, а синтез — значит соединение.

То, что на лабораторном столе кажется предельно простым и получается как бы само собою, в огромном заводском цехе нередко оказывается сложным, дорогим и капризным. И я поделился своими сомнениями с одним из создателей метода СВС, доктором физико-математических наук А. Г. Мержановым.

Александр Григорьевич пригласил меня в мастерскую по соседству с лабораторией. Там стояли реакторы — полутораметровые металлические трубы, смахивающие на старинные крепостные пушки. Одну из них у меня на глазах зарядили смесью сажи и титана, плотно завинтили крышку и включили запал. Но выстрела не последовало. Не было ни дыма, ни огня. Потом пушечке дали остыть, отвернули крышку, и прямо на пол из жерла съехала серая матовая двухпудовая чушка.

— Вот вам и готовая продукция — карбид титана,— сказал Александр Григорьевич.— Она даже не требует очистки. Наконец, третий опыт, который я увидел в Черноголовке. Вернее, даже не опыт, а способ изготовления деталей из чрезвычайно твердых и хрупких веществ. Таких хрупких, что детали из них невозможно вытачивать на станках. А тут...

В пресс-форму насыпали исходные порошки и нажали на кнопку. Пресс грохнул всей своей стотонной мощью по пресс-форме, рабочий выхватил щипцами малиновую от жара деталь и бросил ее в ящик с песком остывать. Разве это не поразительно — одним махом получается и материал, из которого должна быть сделана деталь, и сама деталь! Без стружки, без отходов...

Методу СВС ищут и находят все новые и новые применения.

На съезде партии он был назван среди самых важных и нужных технологий двенадцатой пятилетки, среди технологий завтрашнего дня.

Г. МИХАЙЛОВ

Знаешь?

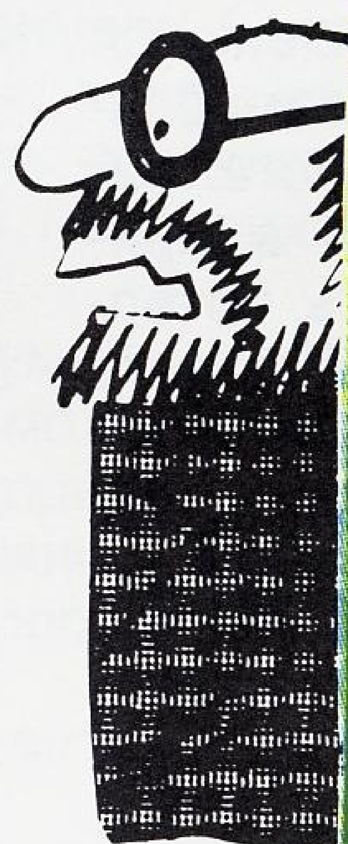
В газах, извергаемых вулканами, обнаружено более 50 органических веществ.

* * *

Из ацетона можно получать искусственные алмазы.

* * *

Когда человек говорит, у него повышается кровяное давление, а когда слушает, то кровяное давление у него понижается.

Что делать с комарами?

Скоро лето, и я с друзьями поеду в пионерский лагерь. Нам очень нравится ходить в походы, но по вечерам досаждают комары. Как от них защититься?

Н. ЛАТЫШЕВ, г. Челябинск.

Действительно, укусы комаров, вернее, комарих (самцы этих насекомых не кусаются), могут испортить настроение в походе. Если вы прихлопнете комариху, вонзившую вам в руку хоботок, на этом месте появится волдырь. В слюне комарихи есть антикоагулянты — вещества, которые не дают крови свернуться и позволяют комарихе как следует пообедать. Вот из-за этой слюны и чешется место укуса.

Положите в походный рюкзак какое-нибудь средство, отпугивающее насекомых: «ДЭТу», «Тайгу» или даже обыкновенный одеколон «Гвоздика».

Но если комары вас все-таки покусали, тоже не беда. Возьмите в походной аптечке питьевую соду, разведите половину чайной ложки соды в кружке воды и протрите место укуса. Зуд быстро прекратится. Помогает также нашатырный спирт, смешанный с равным количеством воды.

М. КОСТИН

Домашняя лаборатория

Морозные узоры в жаркий день

Зимой стекла покрываются морозным узором. Это замерзает осевшая влага, и кристаллики льда складываются в причудливые картины. Чуть потеплеет — и лед растает, а вместе с ним и картинка на стекле.

Но можно сделать так, чтобы узор сохранился в тепле. Для этого надо попросить у мамы или бабушки немного пищевого желатина. Он наверняка найдется на кухне: ведь с его помощью готовят разные вкусные вещи — от заливной рыбы до сладкого желе.

Чайную ложку желатинового порошка опусти в четверть стакана холодной воды и оставь на час-другой, чтобы порошок успел как следует набухнуть. Затем перелей смесь в маленькую кастрюльку и пристрой ее в большом сосуде, например, в миске с горячей водой. Желатиновая смесь будет нагреваться на водяной бане. Размешивай содержимое кастрюльки до тех пор, пока желатин полностью не растворится.

Готовый вязкий и теплый раствор вылей на стеклянную пластинку и сразу поставь на мороз (можно в морозильник холодильника). Часть воды замерзнет, образуя ледяной узор, а желатин с оставшейся частью воды превратится в упругий студень, охватывающий узор, как формочка — лед. Через два-три дня внеси пластинку в комнату, и пусть она медленно оттаивает. Лед исчезнет, а отпечатки морозных узоров в студне останутся.

А если хочешь, можно сделать морозный узор и не выходя на мороз, даже летом. Налей в склянку теплую воду, не очень много, не больше столовой ложки. Небольшими порциями, каждый раз хорошо размешивая, всыпь нашатырь. Как только он перестанет растворяться, кисточкой нанеси раствор на кусок стекла или зеркальце (гляди не порежься!). Теперь придется подождать, пока вся вода не испарится. А когда воды не останется, на стекле появится узор, очень похожий на морозный. Только вместо льда кристаллики нашатыря (или хлорида аммония — так называют химики это вещество). Тепло им не страшно, но смотри, чтобы на них не попала вода. Несколько капель — и конец чуду...

Если тебе понравились эти опыты, возьми в библиотеке книгу О. Ольгина «Чудеса на выбор». Здесь ты найдешь еще сотню интересных и простых опытов, которые сможешь сделать сам и показать своим друзьям. Желаем успеха.

Л. ВИКТОРОВА

65 000 21 28 2 No. 82

В шутку и всерьез

МОГУЩЕСТВЕННАЯ ЦИФИРЬ

Как-то утром мне понадобилось позвонить в учреждение, расположенное в Казахстане, в городе Петропавловске. Взял я справочник, нашел код автоматической телефонной связи, набираю: 8, потом 315, потом остальное, что требуется, и слышу сердитый голос. На мою просьбу он отвечает отказом: рабочий день закончен.

Что такое? Смотрю на часы — всего десять. Сколько же часов в день эти люди работают? «Как все, восемь»,— отрезает голос. Уточняю в панике: «Это Петропавловск?» «Петропавловск». «Сколько же на ваших часах?» «Семь вечера!»

И только тут до меня дошло: это совсем не тот Петропавловск, что в Казахстане, а другой, который на Камчатке.

Проверяю по справочнику. Ну ясно: код почти такой же — 415. Выходит, я ошибся при наборе всего на единицу, а залетел на пять тысяч километров дальше, чем собирался. Могущественная все-таки штука — цифра: какой самолет доставил бы меня в такую даль за секунду?

Еще бы не могущественная!

Письмо находит своего адресата по цифровому коду, перепутай на конверте хоть один знак — застрянет в пути. Автоматическая камера хранения ни за что не отдаст твой чемодан, пока не наберешь верные цифры. Въезжаешь на машине в незнакомый город — снова кругом цифры, условные значки, указатели, только поспевай разбираться, не то заблудишься. Без цифровых кодов не найдешь в библиотеке нужную книгу, не выпишешь на почте газету, не «договоришься» с ЭВМ...

Ученые говорят: современный человек живет не только в издавна привычной природной среде с ее небом, реками, облаками, но и в другой — неосязаемой, информационной. Здесь правит цифра, и горе тому, кто с ней не ладит. Невнимательный разиня в информационных дебрях мгновенно заплутает, как в тайге. Он будет вечно опаздывать, попадать не туда, куда собирался, получать не то, что просил. И пенять будет не на что — только на собственную малограмотность. Быть современным нелегко, это обязывает...

Здесь мои мысли прервал телефонный звонок. Незнакомый голос прокричал: «Ваш заказ 178 готов, заходите». Проверяю, ко мне ли звонят. Верно, номер мой. Кончаю писать, бегу в прачечную...

Жить в информационной среде не только трудно, но и удобно.

П. САВКО

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

Последняя цифра

— Буду вас встречать на «Жигулях»! — кричал мне по междугородному телефону математик, которого я не знал в лицо.— Как их отличить? Проще всего по номеру: 3125. Но вы все цифры не запоминайте, только последнюю. По ней легко восстановить весь номер.

Он попрощался, а я долго думал (потом все же додумался), как одна-единственная цифра может заменить все остальные. А вы догадались? Если да, то прикиньте заодно, каково будет наибольшее число, которое можно запомнить таким же способом, с помощью одной, самой последней его цифры.

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Чтобы получить число 3125, достаточно последнюю его цифру (5) умножить саму на себя 5 раз, то есть возвести в 5-ю степень. Наибольшее же число, которое можно получить таким способом, очевидно, равно девятке, возведенной в девятую же степень. Вот оно: 9^9 = 387 420 489.

250 000

Литературный экскурс в историю счетных машин

— Расскажи мне какую-нибудь историю, пострашней и потаинственней,— попросил Сережа.— Лучше всего про Шерлока Холмса и доктора Уотсона.

— Потаинственней? — Чип задумался и начал зловещим голосом:

«Доктор Уотсон протянул озябшие руки к камину и повторил:

— Нет, Холмс, это не человек, это сам дьявол! Человек не может не оставлять следов и не делать ошибок.

Холмс ничего не ответил. Полузакрыв глаза, он сидел, вытянув длинные ноги, и как будто дремал. Только пальцы, нервно барабанящие по каминной полке, выдавали, что лучший ум Лондона напряженно работает над новой задачей.

Неожиданно он вскочил. Глаза его лихорадочно блестели.

— Едемте, Уотсон, нельзя терять ни минуты!

— Но куда?

— Объясню по дороге. Эй, кеб! Кебмен, нам нужно попасть в Сохо не позднее полуночи. Вот вам соверен, гоните! Уотсон, вам доводилось слышать о леди Лавлейс?

— Ада Лавлейс? Дочь великого Байрона! Уж не хотите ли вы сказать, что она замешана в этой серии дерзких преступлений? Грабительница-аристократка, дочь поэта? Я верно рассуждаю, Холмс?

— О нет, дорогой друг, ваше воображение не в меру разыгралось. Ада Лавлейс замешана в этом деле, но не так, как вы думаете.

— Но как же, Холмс? Я теряюсь, вы говорите загадками.

— Терпение, мой друг, терпение, вот мы и у цели. Этот грязный переулок Сохо отличается от прочих только одним: в нем ровно в полночь, то есть через тридцать пять секунд, произойдет передача краденых драгоценностей... А, вот и они!

Холмс откинулся в глубину кеба и увлек за собой Уотсона. Вынырнув из тумана, на большой скорости приближался черный экипаж. Возница в плаще и маске нахлестывал лошадей. С первым ударом Биг-Бена в доме напротив внезапно отворилось окно, из него вылетел сверток и тяжело звякнул о булыжную мостовую. Из притормозившего экипажа высунулась рука, чтобы подхватить сверток... Но Холмс оказался проворнее.

— Ни с места, Мориарти! — закричал он громовым голосом, осаживая лошадей. Подоспевший Уотсон распахнул дверцу и приставил револьвер к виску неуловимого профессора Мориарти — некоронованного короля Лондонского преступного мира...

— И все-таки, Холмс, я никак не могу взять в толк, при чем же здесь почтенная леди Лавлейс? — Уотсон с наслаждением отхлебнул горячего кофе, устроился поудобнее у камина и вопросительно поглядел на Шерлока Холмса.— Вы же знали, что это Мориарти, не так ли?

— Напротив, мой друг, я и не подозревал об этом до самой последней минуты. Мои мысли шли по другому пути, на который натолкнули меня вы.

— Я? Но чем же? Я, право, в полнейшем замешательстве.

— А помните, вы давеча сказали, что человек не может не ошибаться? Вы оказались правы, Уотсон, никакой человек, даже пресловутый Мориарти, не смог бы так точно и аккуратно работать, как машина Бэббиджа.

— Машина Бэббиджа? Позвольте, позвольте, это тот чудак, который насмешил все лондонское общество лет тридцать назад? Какая-то дурацкая машина, которая складывала два и два дольше, чем это сделал бы самый тупой сыщик из Скотленд-Ярда? Ах, теперь мне понятно, почему вы вспомнили о леди Лавлейс. Она пыталась поддержать несчастного изобретателя, даже написала трактат о думающих машинах. Но о нем все быстро забыли.

— Леди Лавлейс была умнейшей женщиной, Уотсон,— Холмс помешал кочергой угли и добавил с горькой иронией,— пожалуй, слишком умной для нашего косного Лондона. Она лет на сто опередила свое время, и не ее вина, что ее идеи попали в руки негодяя. У Мориарти хватило воображения понять, какие перспективы открываются перед преступником, который может рассчитывать до секунды все свои действия. Он вложил немалые средства в развитие думающих машин, и результаты мы с вами видели сегодня ночью в Сохо.

— Но все-таки, Холмс, как же вы догадались, где и когда состоится передача драгоценностей?

— Именно безукоризненная логика и точность машины оказались роковыми для Мориарти. Ведь то, что рассчитано одной машиной, может быть точно так же рассчитано и другой? — И Холмс, улыбаясь, постучал себя по лбу черенком трубки».

Чип замолчал и с гордым видом раскланялся. Он был чрезвычайно доволен собой, что случалось каждый раз после литературных упражнений независимо от их результата.

Сережа зааплодировал.

— Здорово ты выдумал про Аду и про какого-то Бобиджа.

— Во-первых, не Бобиджа, а Бэббиджа, а во-вторых, Ада Лавлейс, дочь великого английского поэта Байрона, действительно написала трактат о думаю-

щих машинах Бэббиджа, теперь в ее честь один из лучших языков программирования так и называется: Ада. Пусть мальчишки не важничают: первым в мире программистом была женщина. Правда, ей не удалось проверить, как работают ее программы, потому что первые компьютеры были построены только через сто лет, в середине нашего века.

— Чип, а правда, что преступники могут пользоваться компьютером, обдумывая свои преступления?

— Конечно, могут, только сыщики ведь тоже не дураки — и они пользуются компьютером, чтобы раскрывать преступления. Например, представь себе, что в Скотленд-Ярде стоит компьютер, где имеются сведения обо всех преступниках, а инспектору Лейстреду надо найти среди них профессора Мориарти, скрывающегося под чужим именем. Он знает, что профессор очень худ, лыс, высок ростом и что ему больше 50 лет. Кроме того, профессора знает в лицо Шерлок Холмс, так что сможет его при случае опознать. Как должен Лейстред написать программу для компьютера?

— Ну, пусть компьютер отберет всех преступников с этими приметами и покажет Холмсу их фотографии.

— В памяти компьютера записан рост всех преступников, вес, возраст, и, допустим, он по фотографии сможет различить лысину. Но что такое очень худ и что такое высок ростом, компьютер не понимает. Нет, надо еще объяснить компьютеру эти приметы.

— Ну, про рост можно сказать так — выше среднего роста. Ведь средний рост компьютер сможет вычислить? Пусть отбирает только лысых старше 50 лет выше среднего роста.

— Браво, инспектор, вы делаете успехи! А очень худых как отобрать? Тоже выбирать ниже среднего веса?

— Нет, если отбирать ниже среднего веса, то получатся просто худые, а нам нужны очень худые — чем худее, тем лучше. Стоп! Кажется, понял: пусть найдет из них самого худого и покажет Холмсу. Если это не Мориарти, то его можно вычеркнуть из списка, снова найти самого худого и так далее. Если Мориарти действительно очень худ, то мы скоро до него доберемся — не придется перебирать миллион преступников.

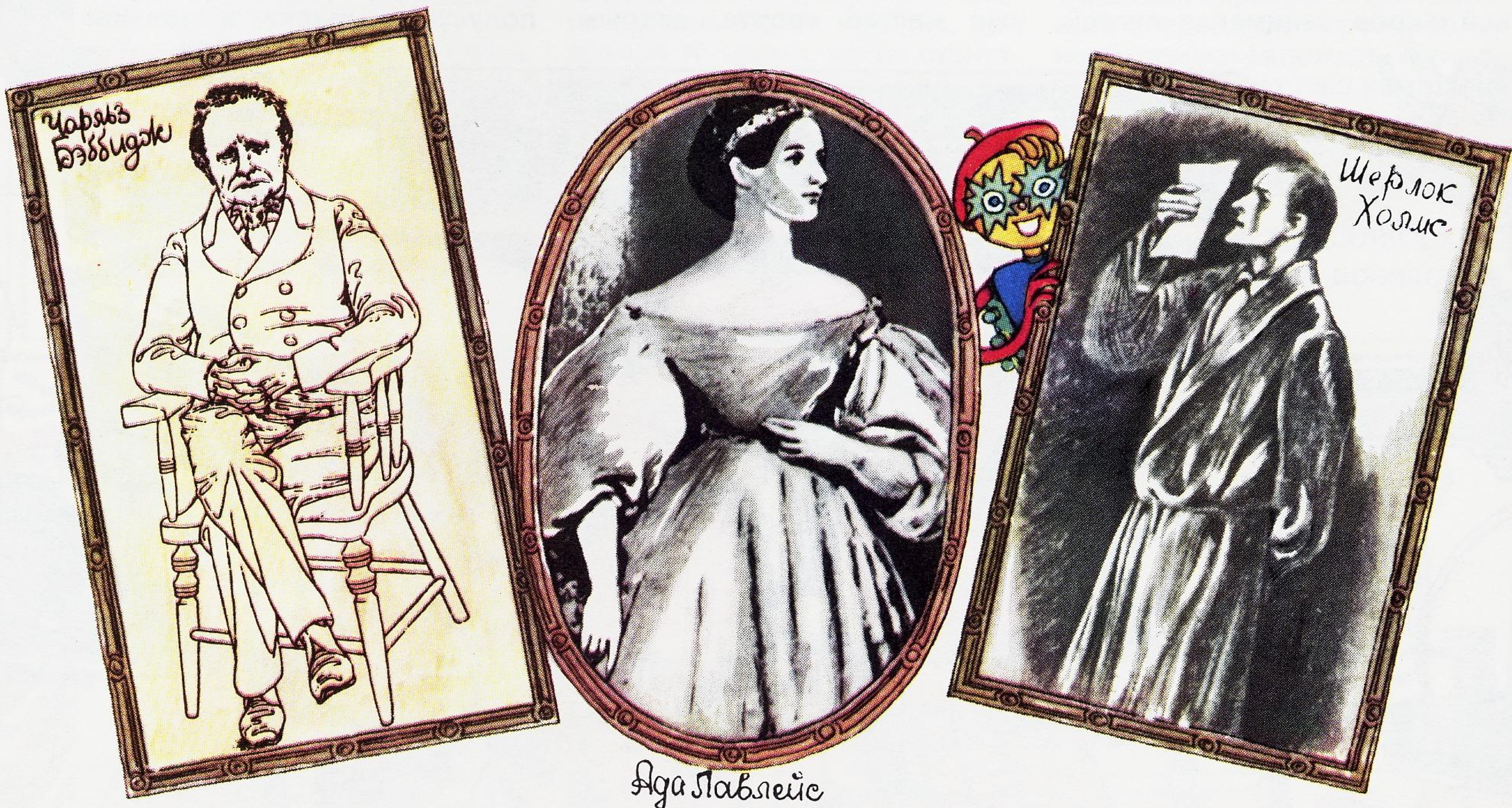
— Что ж, поздравляю тебя с первым детективным алгоритмом,— торжественно сказал Чип и церемонно поклонился Сереже.— Давай теперь запишем его в виде программы.

— Давай,— радостно отозвался Сережа. Никогда еще Чип его так не хвалил, и потому теперь было приятно вдвойне.

Программа «ПОИСК МОРИАРТИ»

1. Взять из памяти приметы очередного преступника.
2. **ЕСЛИ** он худ, **И** лыс, **И** выше среднего роста, **И** ниже среднего веса, **И** старше 50 лет, **ТО:** занести его в список кандидатов и дать ему по 1 очку за каждый недостающий фунт веса по сравнению со средним весом для его роста.
3. **ЕСЛИ** остались еще преступники в памяти, **ТО** вернуться к шагу 1.
4. Показать Холмсу кандидата с наибольшим числом очков.
5. **ЕСЛИ** это Мориарти, **ТО:** поймать его и остановить поиск.
6. **ИНАЧЕ:** вычеркнуть его из списка кандидатов и вернуться к шагу 4.
7. **ЕСЛИ:** кандидатов больше не осталось, **ТО**, значит, Мориарти оказался хитрее и надо думать дальше.
8. **КОНЕЦ.**

ОТ РЕДАКЦИИ. *Сенсация! У Шерлока Холмса украли скрипку. Давайте с помощью компьютера поможем знаменитому сыщику ее найти. Приметы скрипки: цвет очень темный, размер меньше среднего, на деке две глубокие царапины. Попробуйте приметы описать так, чтобы вас понял компьютер. Лучшую программу мы опубликуем. Не бойтесь ошибок, главное, чтобы получилось интересно. На конверте напишите: «Поможем Шерлоку Холмсу».*

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

Шестое занятие

Побив в 1960 году рекорды «сверхчеловека» Поля Андерсона, наш замечательный атлет Юрий Власов не только доказал, что он сильнейший на планете, но и стал признанным авторитетом в вопросах силы. Ибо кто лучше рекордсмена знает в силе толк, кому, как не ему, ведомы пределы силовых возможностей человека! Тогда-то Ю. Власов и высказал предположение, что самый выдающийся атлет в очень, очень далеком будущем сможет поднять 600—630 кг, что, видимо, и будет пределом.

Названный вес действительно огромен, поэтому, несмотря на авторитет Ю. Власова, в ту пору не верилось, что кто-нибудь когда-нибудь сможет показать такой результат. Но...

Не в «очень, очень далеком будущем», а всего лишь через несколько лет советский штангист Василий Алексеев перешагнул 600-килограммовый рубеж и в 1972 году поднял уже 645 кг!

Каков же он, богатырь, дерзко опровергнувший самые смелые прогнозы и установивший рекорд, который совсем недавно считался недостижимым для человека? И что позволило ему добиться такого феноменального успеха?

В детстве Вася Алексеев ничем не выделялся среди сверстников. Учился в обычной школе, занимался легкой атлетикой: прыгал в высоту и в длину, бегал кроссы. В 19 лет, поступив в Архангельске в институт, увлекся волейболом и стал одним из лучших волейболистов города и области. А как же сила? Неужто она совсем его не интересовала? Интересовала, конечно. Как всякий юноша, он хотел быть сильным и время от времени подкачивал мышцы гантелями, гирями, штангой. Но делал это просто так, «для себя», не думая о тяжелой атлетике.

И надо же так случиться, что попросили Алексеева выступить за свой институт на спартакиадных соревнованиях. Скажем прямо, ничего особенного он в соревнованиях не показал, поднял в сумме довольно скромный вес — чуть больше 200 кг. Но не это важно. Юноша вдруг почувствовал вкус к мужественной «железной игре» и стал тренироваться в секции тяжелой атлетики.

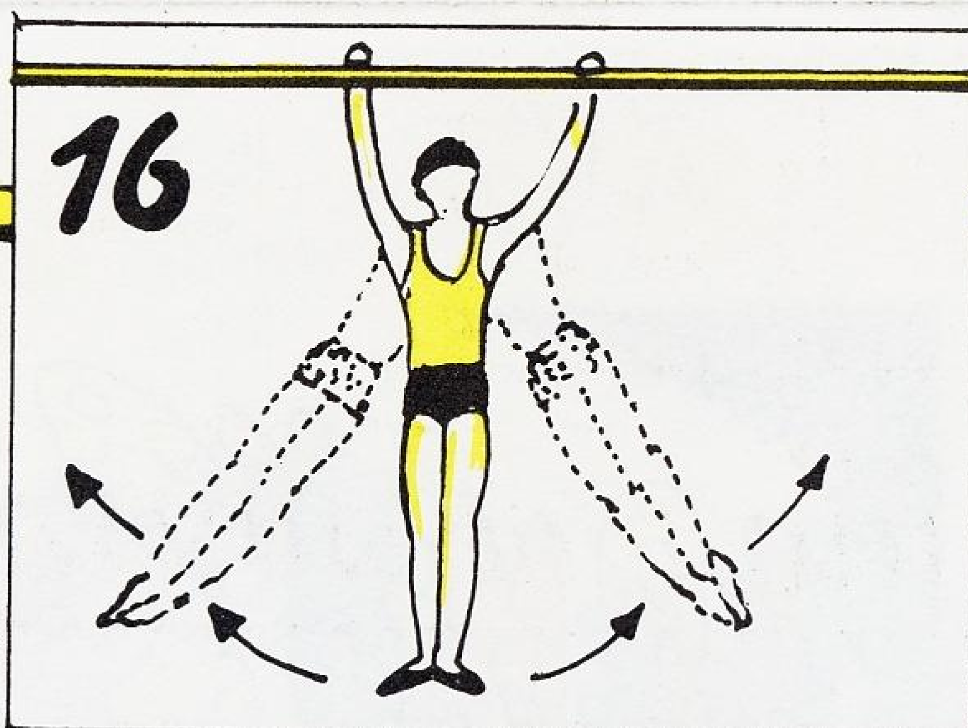
Поначалу на штангиста он был не очень-то похож: рост 182 см, вес 86 кг — обычный долговязый, не слишком мускулистый парень. Но упорные тренировки и несомненный талант делали свое дело. Мышцы наливались силой, фигура приобретала атлетическую мощь, и неуклонно рос личный рекорд: 300, 400, 500 кг...

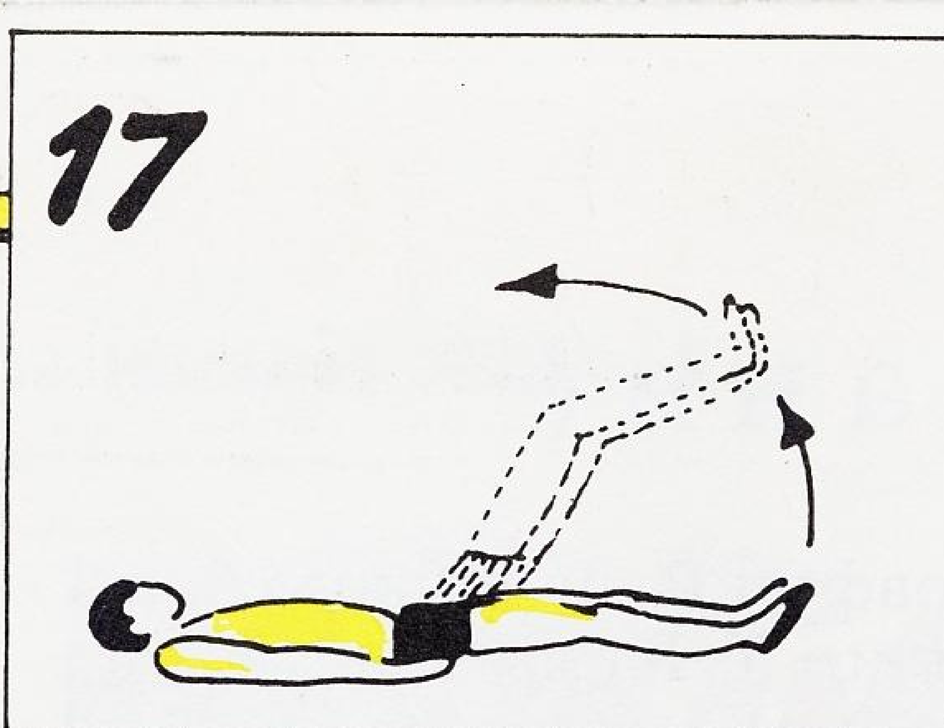
Прошло несколько лет, и Василий Алексеев, теперь уже мастер спорта, первым в мире покорил 600-килограммовый рубеж. Многие в то время думали: «Вот она, вершина человеческой силы». Но именно с этой вершины открылись новые горизонты силовых возможностей человека, и рекорды не заставили себя ждать.

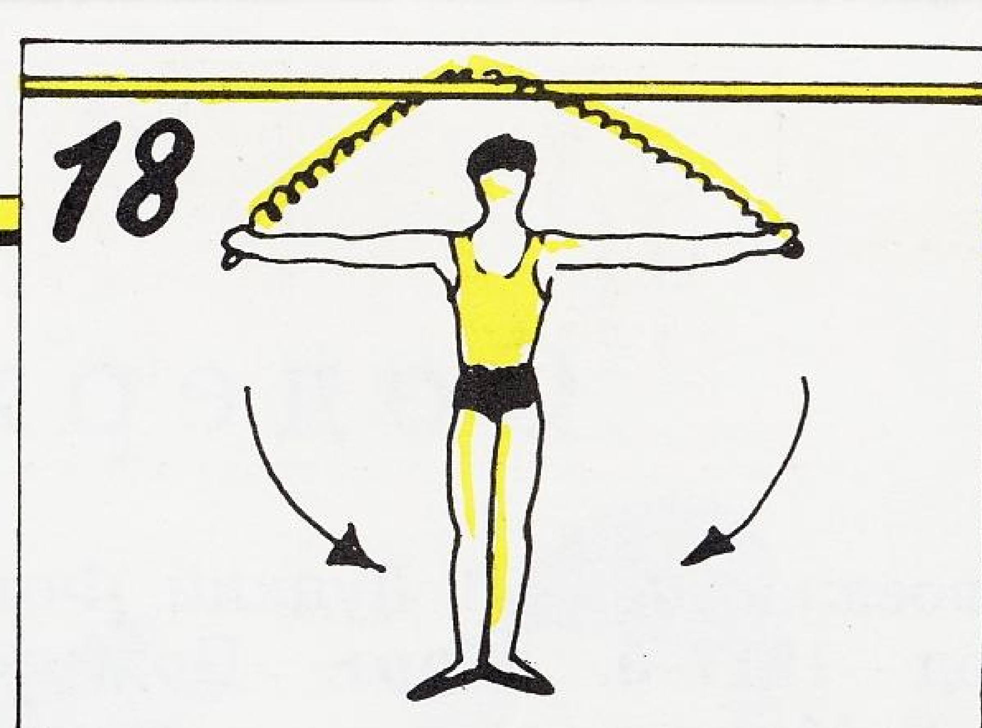
Казалось бы, чем выше вес рекордов, тем труднее устанавливать новые — они должны ставиться все реже и реже, потому что все ближе и ближе к пределу. Но вышло наоборот — за рубежом 600 кг последовал не один, не два — каскад феноменальных результатов: 610, 612, 615, 620, 640... Наконец, в 1972 году, как вы знаете,— 645 кг. И все их за короткий срок установил один человек — Василий Алексеев.

Неизвестно, до какого уровня довел бы он официальный мировой рекорд в троеборье в последующие годы, но с сентября 1972 года изменили правила соревнований и вместо троеборья (жим, рывок, толчок) ввели двоеборье (рывок и толчок). Естественно, у любителей спорта возникает вопрос: можно ли сравнивать результаты в двоеборье и троеборье, или, иными словами, силу атлетов прошлого и настоящего? Оказывается, можно: результат в жиме равен примерно полусумме рывка и толчка.

Так что если атлет набрал в двоеборье, например, 400 кг — его сумма в троеборье с высокой вероятностью будет не меньше 600 кг.

Что же касается Алексеева, то и по новым правилам он продолжал выступать столь же успешно, устанавливая и сокрушая свои же мировые рекорды. Так, за несколько лет он довел результат в двоеборье до 445 кг, что «постарому» соответствует фантастической сумме —670 кг! Всего же за свою спортивную биографию он выиграл столько соревнований и установил столько рекордов, что стал самым титулованным атлетом, который когда-либо жил на Земле. Алексеев — двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион Европы и мира. На его счету 81 рекорд СССР и 79 мировых рекордов.

Любители спорта во всех уголках земного шара восхищались его поистине богатырской силой. Его называли исполином, восьмым чудом света. Казалось, любой вес ему по плечу.

— Каков же предел физических возможностей человека? — спросили как-то у Алексеева журналисты.

— Не знаю рубежа. Пока я эти рубежи устанавливаю,— ответил он.

И действительно, почти каждое свое выступление атлет заканчивал новым мировым рекордом, а иногда и двумя, поражая зрителей и специалистов безграничными возможностями человека.

Воздействие Алексеева на окружающих было столь велико, что его соперники — молодые, сильные, тренированные, в его присутствии вдруг робели, стушевывались и неизменно проигрывали очные поединки. Потом уже некоторые из них признавались, что проигрывали Алексееву еще до выхода на помост.

Достаточно было увидеть его огромную, словно вылитую из мышц фигуру, его уверенную тяжелую походку, его спокойный твердый взгляд, чтобы почувствовать, какая несокрушимая мощь таится в этом поразительном 160-килограммовом атлете. Вот уж когда, казалось, человек сумел достичь истинного предела!

И снова, в который уже раз, жизнь опровергает наши скромные представления о возможностях человека.

Алексеев «сошел с помоста» в 1980 году, а уже через год все его рекорды были побиты, причем к настоящему времени их улучшали многократно. И делали это в основном советские атлеты. В 1986 году Леонид Тараненко поднял в двоеборье 467,5 кг, что соответствует результату в троеборье 700 кг! Но самое удивительное заключается в том, что теперь и спортсмены и тренеры уверены — это не предел. По их мнению, недалеко то время, когда станут реальными результаты, о которых всего лет 10 назад нельзя было даже мечтать,—750—800 кг, а может, и больше.

Оглянемся назад. Тысячелетия человек хотел, но не знал, как стать намного сильнее. Поэтому еще недавно даже сильнейшие в мире атлеты не очень-то превосходили в силе нетренированных людей. Достижения в 342,5 кг, 400 кг, 500 кг провозглашались «пределом человеческих возможностей», «вечными» рекордами, а их авторов считали феноменальными силачами, которые рождаются раз в столетие или реже. Сейчас такие результаты показывают даже не мастера спорта, а простые разрядники, которых только в нашей стране тысячи. Как видите, то, что не так давно всеми признавалось фантастической силой, стало в наши дни обычной, рядовой, доступной многим.

Как же это произошло? Как стало возможным, что за несколько лет так неизмеримо возросла сила человека? Может, он сам изменился? А дело, оказывается, в том, что на помощь человеку пришла современная наука. Именно новейшие знания о природе и механизмах силы, о путях и способах ее увеличения в процессе тренировок и позволяют теперь каждому желающему стать сильнее. Об этом и пойдет речь на следующих занятиях.

Тем же, кто хочет стать сильным, прежде чем начинать серьезные тренировки, необходимо заложить фундамент. Его и дает наш комплекс упражнений. Сегодня—3 новых (16, 17, 18). Выполнять каждое следует 2—3 раза, кому легко — 4—5 раз.

М. ЗАЛЕССКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Содержание

ПОПРАВКА. В № 1 журнала «Пионер» за 1987 год на с. 16 вместо «Кукушкино» следует читать «Кокушкино».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.01.87.
Подписано к печати 20.01.87. А 05016. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 388. Заказ № 32.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Лев УСТИНОВ

Смелый Барашек

Суровый Волк грозно сказал Барашку:

— Если говоришь Бе, то сначала надо сказать А!

Но смелый Барашек ни за что не хотел с ним согласиться и гордо возразил:

— Б-е-е-е...

Лесная арифметика

Однажды Ослик и Черепашка проводили в лесной школе урок возвращения домой.

— Для того чтобы попасть туда, откуда ты вышел,— сказал Ослик,— надо всегда ходить по кругу.

— Но если идти по прямой,— возразила ему Черепашка,— и по этой же прямой возвращаться обратно, то тоже придешь в то место, откуда ты вышел.

— Значит, один круг равен двум прямым! — сообразил маленький Ослик.

— А две сложенные вместе прямые равны одному кругу,— добавила Черепашка.

После этого папа с Осликом, а мама с Черепашкой вернулись по своим домам. И все они оказались правы, потому что прав не тот, кто знает, как правильно идти, а тот, кто идет правильной дорогой.

Наталья ШУЛЬГА

Конец рабочего дня. Мастер, у которого я прохожу практику, только что ушел. Сижу одна в большом пустом зале. Из коридора прошаркала уборщица тетя Лена. Не спеша начинает выметать мусор из-под кресел. Хлопает дверь. На пороге возникает женщина в ярко-оранжевом платье.

— Мальчика подстрижете?

Она выводит вперед мальчишку лет пяти-шести, страшно обросшего, в белой кепке с козырьком.

— Рабочий день окончен,— говорю я испуганно.— Приходите завтра.

— А мне нужно сегодня! Мы уезжаем!

Женщина уверенно проходит в зал, ведя за собой мальчика.

— Вы не могли бы прийти завтра? — безнадежно спрашиваю я.— Мастера нет.

— Но парикмахерская ведь не закрыта! Стригите!

Я не успеваю возразить — в одно мгновение она подхватывает мальчишку, сажает в кресло и накрывает простыней. Тетя Лена бросает на нее быстрый взгляд и... оставляет меня одну на поле боя.

— Я практикантка,— выкладываю я последний козырь.— Только четвертый день...

Никакой реакции.

— Вы из зала-то выйдите! — поддерживает меня из коридора тетя Лена.— Нельзя с родителями.

Мамаша с недовольным видом вылетает из зала.

Я задумчиво чикаю ножницами в воздухе. Собираю расчески, наливаю воды... Как перед операцией! Становится жутко. Стригу-то я без мастера в первый раз!

Проходит 15 минут. На полу возле кресла — клочья остриженных волос. Перед глазами — порядочно уменьшившаяся голова моего «клиента»...

— Здорово, как дела? — орет кто-то над самым моим ухом.

Это Ольга, подруга.

— М-м,— мычу я с расческой в зубах. «Сама, мол, видишь».

— Да это ж пара пустяков! — Она хватает ножницы.— Давай: ты с той стороны, я с этой...

— Стой! — Кладу ножницы, оторопело гляжу на голову «клиента».— Ты какую стрижку делаешь?

— Как всегда, молодежную...

— А я-то модельную! Смотри!

На голове у «клиента» нечто невообразимое: с Ольгиной стороны волосы торчат аккуратным «ежиком», с моей свисают художественно обгрызенными прядями...

— Будем равнять! — бодро заявляет Ольга.

Еще 10 минут. Ножницы и расчески уже двоятся в глазах.

— Скоро вы там? — доносится из коридора нервный голос.

В ту же секунду я оказываюсь перед дверью и налегаю на нее изо всей силы.

— Ее нельзя впускать! — шепчу я Ольге зловеще.

— А что делать?!

— Зови тетю Лену! Она стригла когда-то...

Является тетя Лена, гордая тем, что ее вызвали на консультацию. Молча оглядывает наше «произведение искусства».

— Да-а...— задумчиво произносит она и берет с полки машинку.

Вскоре счастливый «клиент», бритый, как «новобранец» (но почему-то с длинной челкой на один глаз), скрывается за дверью. Из коридора доносится слабый вскрик, потом наступает тишина. Что-то слишком долгая тишина!

Я на всякий случай приоткрываю дверь... и тут же захлопываю. Из коридора теперь несутся возмущенные возгласы. Наконец они стихают. Мы собираемся, выходим в коридор. Я хочу закрыть дверь на ключ...

Кто-то тянет меня за рукав. Оборачиваюсь. Рядом — девочка. Густые, очень красивые волосы свисают у нее до самого пояса. Она жалобно смотрит на меня снизу вверх и тихо говорит:

— Моя мама там причесывается, а я ее жду. Подстригите меня, пожалуйста. Только поскорее, а то она не позволит.

Девочка берет меня за руку и уводит в мужской зал...

* * *

Ребята! Наташа Шульга всего лишь ненамного старше вас, а уже, как видите, пишет юмористические рассказы. А что же вы? Ведь чувство юмора не приходит с годами. Оно или есть, или нет. И если оно у вас есть, то не пора ли и вам взяться за перо? «Переменка» ждет ваших юмористических рассказов, сценок, монологов и диалогов...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Успех Володи Акопяна

В далеком путешествии побывал поздней осенью прошлого года ереванский школьник Володя Акопян. Путь его лежал в небольшой аргентинский город Рио-Гальегос, который принимал участников первенства мира среди ребят в возрасте до 16 лет.

32 юных шахматиста из 28 стран оспаривали почетное звание чемпиона. Володя одержал заслуженную победу, всю трудную дистанцию прошел без поражений и уверенно занял первое место.

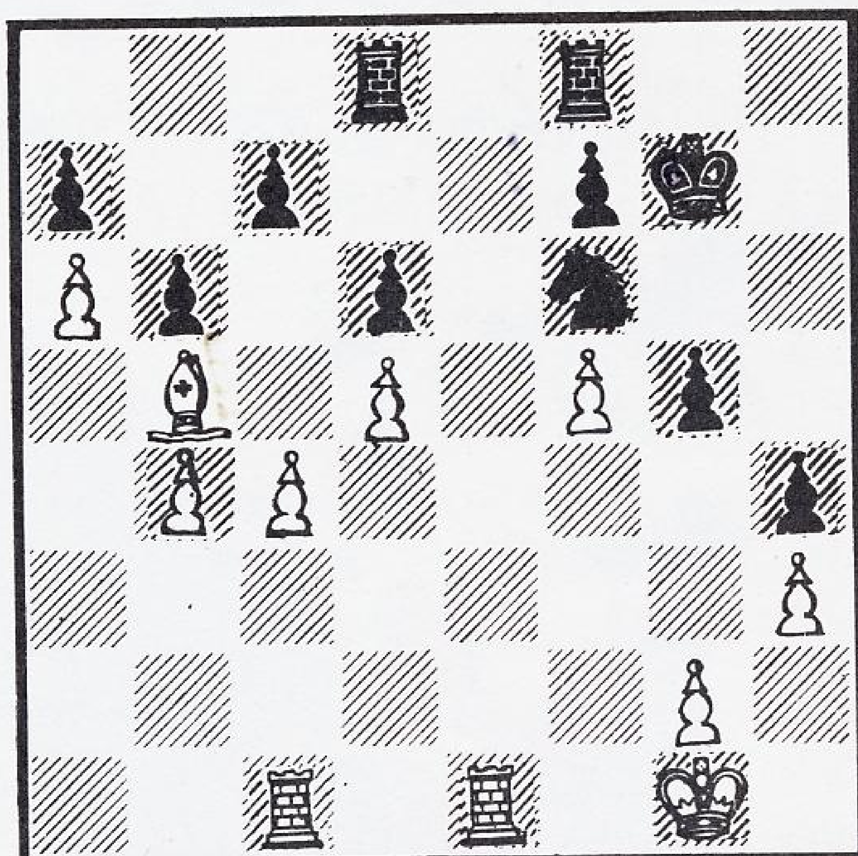
Володе Акопяну пятнадцать лет, но он уже опытный турнирный боец. Когда мальчику было пять лет, с правилами шахматной игры его познакомил отец. А потом Володя играл в школьных соревнованиях клуба «Белая ладья», в городских и республиканских юношеских первенствах.

В 8 лет он стал перворазрядником, в 11 — кандидатом в мастера, а недавно способному школьнику покорился и мастерский норматив.

«Играть в Аргентине было трудно и непривычно,— говорит Володя,— в какой-то мере помогла мне и неплохая физическая подготовка». Новый чемпион мира среди школьников отличный пловец, увлекается легкой атлетикой и футболом.

Недавно Володя начал заниматься в шахматной школе, которой руководят чемпион мира Г. Каспаров и экс-чемпион мира М. Ботвинник.

«Конечно, Володя — способный парень — таково мнение Ботвинника.— Он сможет многого добиться, если будет самокритичен и будет продолжать много работать».

К этому положению (Белые: Крg1, Лс1, Ле1, Сb5, пешки а6, b4, с4, d5, f5, g2, h3; Черные: Крg7, Лd8, Лf8, Кf6, пешки а7, b6, с7, d6, f7, g5, h4) пришла партия чемпиона мира. Белыми играл югослав Контич, черными — Акопян.

У белых далеко оторвалась от своих баз пешка f5. Володя умело организует на нее нападение, а затем сильно проводит атаку на белого короля. Вот как дальше развивались события:

32... Кf6—g8! 33. Лс1—с3 Крg7—f6 34. Лс3—f3 Кg8—h6 35. Ле1—е4 Лf8—g8! 36. Сb5—а4.

Слон, находившийся в офсайде, спешит принять участие в обороне, но, увы, запаздывает...

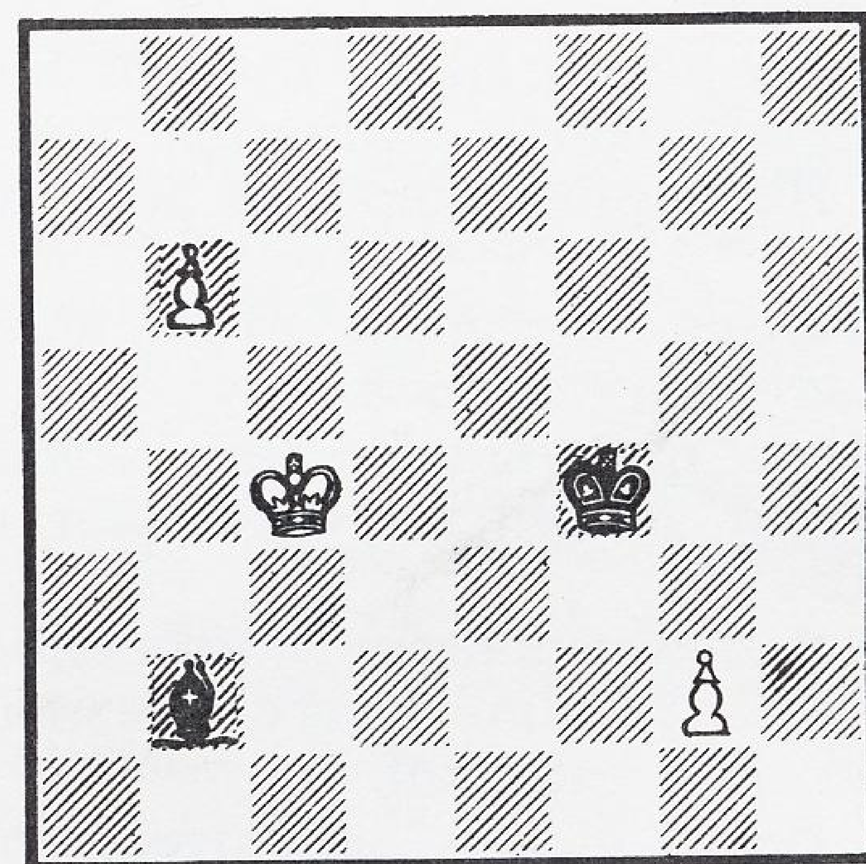
36...g5—g4! 37. h3:g4 Лg8:g4 38. Лf3—е3 Лd8—g8 39. Ле4:g4 Лg8:g4 40. Са4—b3 Лg4—g3. Белые сдались. Крупные материальные потери для них неизбежны.

505 новых разрядников

Наша судейская коллегия присвоила спортивные разряды 505 юным любителям шахмат, участникам наших заочных соревнований и турниров клуба «Белая ладья». Справки о разрядах рассылаются.

Многие ребята пишут нам, что хотят принимать участие в наших заочных соревнованиях и получить спортивный разряд. Прием в шахматную школу «Белая ладья» всегда открыт для тех, кто шлет нам решения конкурсных заданий и таблицы результатов школьных турниров.

Для всех членов нашего заочного клуба новое задание.

Как мало актеров на шахматной сцене, а содержание этюда интересно и поучительно. Найдите, как в этом положении (Белые: Крс4, пешки b6, g2; Черные: Крf4, Сb2) белые, начиная игру, добиваются победы.

Ждем ваших писем.

Цена 30 коп. Индекс 70694.